

Вадим Осин, Анжела Зеленски, Сергей Шуляк

ВЛАСТЬ И ЗНАНИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: политический режим, научная степень, идеология и карьера в Украине и Молдове

Европейский гуманитарный университет

Вильнюс
2014

УДК 323.15(476+477+478.9)

ББК 66.3(4Беи:4Укр:4Мол)

П50

Рекомендовано:

Научным советом ЕГУ (протокол № 53-35 от 4.03.2014 г.)

Авторский коллектив:

Осин Вадим, Зеленски Анжела, Шуляк Сергей

Рецензенты:

Ващенко В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара;

Маляренко Т.А., доктор наук по государственному управлению, профессор Донецкого государственного университета управления

В. Осин [и др.]

П50 **Власть и знание на постсоветском пространстве: политический режим, научная степень, идеология и карьера в Украине и Молдове.** – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – 376 с.

ISBN 978-9955-773-73-3.

Коллективная монография посвящена выявлению различных паттернов власти-знания в Украине и Молдове. Одним из искомых паттернов является получение научных степеней различными группами чиновников и других представителей не-вузовской среды в Украине и Молдове. Это позволяет выделить особый и все более масштабный феномен *неопатриотической* науки. Центром другого паттерна власти-знания выступают постсоветские политологи, не относящиеся к *неопатриотической* науке: прослеживается, какие ситуационные факторы влияют на ряд значимых элементов дисциплинарной жизни, от идеологической идентификации до выбора тематики исследований. Монография написана на основании широкого круга данных, для получения и/или категоризации которых применялись методы опроса, интервью, контент-анализа и многомерного статистического анализа.

УДК 323.15(476+477+478.9)

ББК 66.3(4Беи:4Укр:4Мол)

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-773-73-3

© Коллектив авторов, 2014

© Европейский гуманитарный университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	6
Введение (Осин В., Зеленски А., Шуляк С.).	7
§ 1. Обманчивость консенсуса в политике знания: различные опыты – несоизмеримые результаты.....	8
§ 2. Политика знания и постсоветская Академия: поиск точек пересечения через фальсификацию.....	14
§ 3. Структура монографии: эпистемология и методология	19
§ 4. Заключительные замечания.....	25
Глава I. Академия и политический режим: неопатrimonиальная наука в Украине (и Молдове) (Осин В.).	27
§ 1. Чиновники и (политическая) наука в Украине: «слепое пятно» западных и отечественных теорий.....	27
§ 2. Сервильность интеллигенции, недоверие власти и освоение нового рынка сертификатов	33
§ 3. Неопатrimonиализм и неопатrimonиальная наука в Украине: основные положения	44
§ 4. Неопатrimonиализм и неопатrimonиальная наука в Украине: гипотезы и операционализация.....	50
§ 5. Украинские губернаторы и руководители легислатур в науке: описание исследования	54
§ 6. Неопатrimonиальная наука в Украине: накопление (научного капитала) через (административное) управление	57
§ 7. Неопатrimonиальная наука в Украине: атипичные карьеры чиновников	63
§ 8. Неопатrimonиальная наука в Украине: приватизация и капитализация.....	74
§ 9. Неопатrimonиальная наука в Украине: место защит и работы в контексте властных гамбитов	81
§ 10. Неопатrimonиальная наука в Украине: темпоральная динамика.....	89
§ 11. Aggrandizers при неопатrimonиализме: мотивация украинских чиновников	91
§ 12. Неопатrimonиальная наука в Украине: предварительные выводы и определение	104
§ 13. Патrimonиальность и патриархат в социальных науках Украины и Молдовы	108

§ 14. Неопатrimonиальный патриархат социальных наук в Украине и Молдове	113	
§ 15. Возникновение дисциплин и неопатrimonиальная бюрократия: государственное управление vs. социологии	122	
§ 16. Неопатrimonиальная наука: масштабный сбой в системе или знак грядущих изменений?	126	
Глава II. Политика, мотивация, идеология и профессия:		
типовология академических карьер украинских политологов (Осин В.)		134
§ 1. Личность, профессия (и политика): шесть контекстов	135	
§ 2. Способности, мотивация и ситуационные факторы: разрушение унитарности профессионального выбора	145	
§ 3. Внутренняя мотивация: основные положения	149	
§ 4. Внутренняя мотивация украинских политологов: компетентность и автономия	152	
§ 5. Внутренняя мотивация украинских политологов: идеологическая идентификация и профессиональные интересы	159	
§ 6. Внутренняя мотивация украинских политологов: конструирование априорного импульса и ситуационные факторы исследовательской повестки дня	167	
§ 7. Внешняя мотивация: основные положения и проблемы операционализации	183	
§ 8. Интегрированная регуляция «практиков»: выбор специальности, профессии и темы диссертации	187	
§ 9. Интегрированная регуляция «практиков»: «В один момент мы все проснулись и стали политологами»	199	
§ 10. Интегрированная регуляция «практиков»: прошлое, идеология, цензура и образ политиков	206	
§ 11. Мотивация, интересы и профессия в восприятии украинских политологов: случай внешней регуляции	213	
§ 12. Академическая мотивация украинских политологов в теоретическом контексте	224	
Глава III. Студенты-политологи Украины и Молдовы:		
идеология, наука, СМИ и логика Пограничья (Осин В.)		228
§ 1. Идеологическая самоидентификация студентов-политологов Украины и Молдовы: общие тенденции	229	
§ 2. Молодость, идеализм и протестные настроения: объяснения идеологических ориентаций студентов Украины и Молдовы	232	
§ 3. Политика знания в регионах: классические тексты политологии в Харькове, Симферополе и Львове	237	

§ 4. Политические ценности украинских и молдавских студентов-политологов: логика Пограничья	246
§ 5. Три актора Пограничья Центрально-Восточной Европы: неприятие, действие и неполное знание.....	252
§ 6. Детализация акторов Пограничья Центрально-Восточной Европы: еще раз о соотношении уровней.....	261
§ 7. Идеалы Пограничья Центрально-Восточной Европы: взгляд изнутри.....	271
§ 8. Стратегии акторов Пограничья ЦВЕ и представления студентов-политологов о курсе внешней политике Украины: триангуляция подходов.....	275
Глава IV. Политика знания политологических сообществ Молдовы (Зеленски А.)	279
§ 1. Профессиональная самоидентификация студентов-политологов: общие тенденции	281
§ 2. Профессиональная самоидентификация студентов-политологов: определение уровня удовлетворенности качеством обучения, оценка и/или отношение к организации процесса образования по специальности	287
§ 3. Идеологическая и политическая самоидентификация студентов-политологов: общие тенденции	294
§ 4. Идеологическая самоидентификация студентов-политологов: социальные ориентиры и/или предпочтения.....	306
§ 5. Этносоциальная и национально-культурная самоидентификация студентов-политологов: общие тенденции и особенности.....	310
§ 6. Влияние социально-этнических, религиозных и гендерных факторов на выбор специальности политолога.....	314
§ 7. Политические ориентиры молдавских политологов	321
§ 8. Стратегии молдавских политологов в становлении политологии как науки	324
§ 9. Участие в научной работе: состояние и перспективы развития	334
§ 10. Специфика и характерные особенности преподавательской и административной деятельности молдавских политологов.....	342
§ 11. Отношение и/или участие молдавских политологов в публичной деятельности	347
§ 12. Заключительные замечания	351
Литература.....	352

Благодарности

Прежде всего, мы благодарны нашим родным и близким, которые не только выступили в роли читателей и критиков, но также способствовали сбору и обработке эмпирического материала. Их единственная поддержка в моменты разочарований и упадка сил – это то, что в принципе невозможно оценить.

Владимир Ващенко своей иронией немало способствовал улучшению аргументации в части, касающейся неопатри- мониальной науки. Михаил Соколов проявил невероятную открытость, заинтересованность и готовность помочь. Антон Олейник также высказал ряд доброжелательных критических замечаний. Александр Фисун частыми онлайновыми консультациями помог избежать неадекватных упрощений неопатриониальной теории. Оксана Форостина познакомила нас с принципом «less is more» и подсказала термин «оппортунист». Дмитрий Бочаров тактично удерживал нас от крайностей, присущих увлечению новым. Но, наверное, никто так не повлиял на нашу аргументацию по *неопатриониальной науке*, как Илья Герасимов. Мы также благодарны анонимным рецензентам Ab Imperio и Елене Гаповой за их комментарии и рекомендации. Неоценимую помочь при консультировании и проведении статистических расчетов оказали Юрий Святец и Сергей Шкребец.

Елена Мурадян и, особенно, Юлия Биденко тщательно вычитали анкету, используемую в ходе опросов. Наталья Кутузова сделала все, чтобы проект охватил также и студентов из Минска, и в том, что в финальный вариант монографии эта часть не вошла, – исключительно наша вина. Мы также благодарны заведующим политологическими кафедрами Александру Фисуну, Николаю Полищуку, Валерию Денисенко и Сергею Юрченко, согласившихся на проведение опроса среди «вверенных» им студентов.

Last but not least. Этой книги не было бы без поддержки Центра перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE), Корпорации Карнеги и Американских Советов по международному образованию (ACTR/ACCELS). Особая благодарность в этой связи Павлу Терешковичу, Елене Матусевич и Наталье Тугановой. Людмила и Олег Малевичи, Александр Федута внесли неоценимый вклад в приведение монографии в читабельный вид.

ВВЕДЕНИЕ

Есть ли что-то общее между политиками, нефтью и порядочностью? Научная степень! С одной стороны, академический рынок «черных диссертаций» по степени прибыльности сравним с «нефтяной индустрией» [166, р. 46], а его основными «старателями» выступают выборные или назначаемые чиновники. С другой стороны, если политик свою научную степень получил не на «черном рынке», то он едва ли не автоматически удостаивается похвалы в честности и порядочности – по крайней мере, от лица себе подобных. Так поступил в апреле 2014 г. президент Беларусь Александр Лукашенко, суммируя свои впечатления об исполняющем обязанности президента Украины Александре Турчинове: «Очень честный и порядочный человек, религиозный, написал десятки книг, защитил докторскую диссертацию не за деньги».

В этой ситуации в концентрированном виде – вся суть произошедшего тектонического сдвига, касающегося основных игроков постсоветской Академии и их отношений с политической сферой. Все более определяющее положение занимают чиновники, честь и заслуги которых сомнительны, в то время как исконно академические исследователи (и студенты) постепенно образуют то, что медиевисты удачно назвали «безмолвствующим большинством», (хотя как «безмолвие» этого большинства не является тотальным, так и степень «большинства» нуждается в уточнении). Научные степени выступают предметом разнообразных актов покупки-продажи и дарения, но их стоимость и престижность мало страдают от эрозии ранее принятых стандартов присуждения. Власть и знание, политика и учёные, академия и чиновники, студенты и СМИ – эти

миры сегодня как никогда переплетены и одновременно атомизированы, но вместе с тем остаются предметом не исследования, а спекуляций.

Данной монографией, выполненной в перспективе политики знания, мы планируем в какой-то мере заполнить имеющиеся лакуны и добавить бит рефлексивности в ожесточенные дебаты, спровоцированные пониманием того, что «старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума и даже от самой личности¹, устаревает и будет выходить из употребления» [288, с. 18]. Академическую деятельность при этом мы воспринимаем в качестве пронизанной или даже структурированной прежде всего властными отношениями. Это соответствует тому, что М. Фуко и Д. Пелс назвали ницшеанским направлением «расколдовывания» научного мира, касающимся «политики и власти», в противовес марксистскому, имеющему отношение к экономике и капиталу [317, с. 11].

§ 1. Обманчивость консенсуса в политике знания: различные опыты – несоизмеримые результаты

Политика знания производит впечатление направления с довольно высоким уровнем консенсуса относительно базовых принципов. И если К. Манхейм еще использовал два вокабулярия – политики и экономики знания [317], склоняясь в целом к первому, то последующее поколение исследователей сделало связь между властью и знанием более очевидной как в теоретическом, так и в эмпирическом смысле. Афористически суть данного понимания политики знания выразил Б. Латур, для которого «наука есть не что иное, как продолжение политики иными средствами»² [285, с. 239]. «Техническое» определение дал С. Фуллер: «Эффективная политика знания заключается, в конечном счете, в осуществлении “риторики”, в полностью классическом способе использования слов, который позволяет людям приобретать новые роли в коллективе, которые становятся затем основанием организованного социального действия» [366, с. 429].

Между этими двумя полюсами располагаются все остальные представления. Они либо делают явным формальную сторону того, что содержалось в парафразе Клаузевица, как поступает К. Кнорр-Цетина, для которой поли-

¹ О сути образовательно-политической программы университета В. Гумбольдта см. [376].

² Этот тезис иллюстрируется им на примере деятельности Л. Пастера: «Пастер является в полном смысле политической фигурой. Он действительно становится обладателем одного из самых поразительных источников влияния. Кто еще может представить себя единственным полномочным представителем и властителем множества невидимых, опасных сил, способных нанести удар повсюду и полностью разрушить настоящее состояние общества?» [285, с. 228].

Введение

тика знания во многом сводится к способности завоевывать сторонников³. Либо же внимание акцентируется на принудительном аспекте политики-в-знании, что присуще авторам, работающим в рамках (пост)колониальной теории. В своем исследовании ориентализма Э. Сайд указал на то, что тот есть «распространение геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты» [333, с. 23–24]. То есть ориентализм является производной от способности Запада сделать Восток ориентальным, а потому «ориентализм является... важным измерением современной политico-интеллектуальной культуры, и в качестве такового имеет больше общего с “нашим” миром, нежели с Востоком» [333, с. 24]. И потому Г. Спивак ставила вопрос того, «может ли угнетенный (subaltern) говорить?» [173].

Условное единство в понимании того, чем занимается политика знания, в значительной степени объясняется *сближением (онтологических) трактовок знания и власти*. Если раньше под властью, как отмечал М. Фуко, понимали «воздействия господства, связанные с существованием государства или с функционированием органов государственной власти» [362, с. 289], то сейчас речь идет о некоей капиллярной концепции. Это, говоря словами Н. Эллиаса, «спектр отношений, любых человеческих отношений» [381, с. 112], и производство знания выступает (всего лишь) еще одной сферой, где равно значимы и человеческие отношения, и пронизывающие их отношения власти. И поскольку власть теперь не локализуется в очень ограниченном количестве вещей (армия, полиция, правосудие и пр.), тем самым приобретая черты последних, так и знание теперь интерпретируется мультиматериально, как то, что обладает «способностью наделять своего владельца определенными возможностями» [365, с. 42]. И «отношения власти существуют... и проходят через множество других вещей» [362, с. 289], и «знание обладает также одной особой, метафизически интересной характеристикой, а именно способностью воплощаться самым различным образом» [365, с. 44]. «Подобное познается подобным», и этот тезис одной из старейших концепций истины можно приложить к взаимоотношениям власти и знания. Схожие онтологически, эти два феномена приобретают черты взаимопроникаемости и, как следствие, обратимости, на чем настаивал М. Фуко в своем стремлении «ослабить власть тотализирующего дискурса» [362, с. 290–291].

Подобное понимание становится все более распространенным, вследствие чего можно говорить о неких общих принципах политики знания,

³ «Истолкование определенного представления мира в принципе всегда является одновременно вопросом истины (соответствия, равнозначности) и вопросом политической стратегии, т. е. навязывания своего мнения и организации определенных последствий в сотрудничестве или соперничестве с другими» (цит. по [317, с. 30]).

проникающих даже в самые ординарные исследования. Речь может идти о «прописывании» в определенных курсах политики, в том числе и через непосредственное спонсирование, того, какие исследования необходимо проводить и как следует интерпретировать их результаты⁴ [93, р. 43–48; 72, р. 567]. Либо мы имеем дело с политизацией-через-деполитизацию, когда власть воплощается и реализуется, но при этом соответствующие субъекты воспринимаются не в качестве агентов власти, а как авторитетные институты, чьи рекомендации воспринимаются в качестве объективных и не подлежащих сомнению в политической ангажированности⁵ [72, р. 567–568].

Можно предположить, что политика знания характеризуется не только онтологическим сближением власти и знания, но и синергетическим эффектом. Соответствующая группа исследователей не просто заинтересована в прослеживании влияния политического контекста на становление особых научных практик. Их отличие от работ, распространенных в любой научной области⁶, заключается в активистской позиции, свойственной политике⁷. Те или иные типы знания исследуются на предмет того, чтобы добиться – в отдаленной перспективе – подробной детализации паттернов власти/знания, которая будет способствовать рационализации процесса принятия ре-

⁴ В качестве индикатора распространенности этого представления укажем на встречающееся мимоходом указание в эмпирической работе на то, что политика знания «влечет за собой привилегии определенных способов знания через связи между производителями знания и другими носителями власти или влияния» [84, р. 3].

⁵ М. Фуко в беседе с Ж. Делезом относительно пересечения власти и знания в тюрьме указал, что «именно это в тюрьме и восхищает: на сей раз власть перестает скрываться и маскироваться, а предстает как тирания, которая, будучи сама цинично доведена до самых мельчайших деталей, в то же самое время оказывается чистой и полностью “обоснованной”, потому что может всецело формулироваться внутри некой морали, которая и обеспечивает рамки ее осуществления, и тогда ее грубое тиранство проявляется как беспристрастное господство Добра над Злом, порядка над беспорядком» [363, с. 72].

⁶ В политической науке существует множество работ, прослеживающих политическую историю дисциплины. Среди наиболее примечательных можно назвать ряд монографических [38; 146; 144] и коллективных трудов [137; 45; 128; 47]. Весьма интересны с этой точки зрения статьи М. Штайна [175], Дж. Трента и М. Штайна [184], Дж. Лека [99], Р. Зейдельмана [160] и Дж. Ховарда [75]. Также находит отражение практика политически интерпретировать концептуальные изменения в использовании таких понятий, как «конституция», «демократия», «коррупция» и т. п. [79]. Из самых интересных работ, касающихся социальных наук в целом и в которых научное знание ставится в зависимость от социально-политического контекста, стоит отметить прекрасные монографии Д. Блура [20] и Ф. Рингера [327], а также ряд релевантных сборников [13; 48; 307] и статей, включая исследование М. Куша, посвященное генезису философии [283].

⁷ «Политика знания отличается от обычной политики науки признанием того, что политика всегда должна проводиться, даже когда ее статус-кво устойчив» [366, с. 427].

шений. Это касается не всех исследователей, но, насколько можно судить, именно эта возможность вдохновляла подавляющее большинство тех, кто стоял у истоков различных направлений политики знания⁸.

Однако степень согласия исследователей относительно основополагающих принципов политики знания представляет собой скорее декларацию о намерениях. Например, если взять ряд последних (коллективных) монографий⁹, то все они содержат отсылку к «политике знания» как в названии всей работы, так и в названиях отдельных структурных частей. Но в самих работах отсутствует какое-либо строгое определение политики знания, могущее дать представление, от каких именно базовых посылок отталкиваются авторы¹⁰.

Текстуальная реконструкция выявляет разнообразие трактовок политики знания, едва ли сводимое к общему знаменателю. Для О. Сафи политика знания предполагает взаимное пересечение политической идеологии и религиозного исследования [153, р. xxiii]. С. Амслер отталкивается от того, что политика знания предусматривает изучение структуры Академии, деятельность, которая протекает или не протекает в ее рамках, борьбу и успех социальных исследователей, эпистемологические дебаты, а также роль организованного знания в социальных изменениях [5, р. 33]. М. Эппл связывает политику знания как с ростом производства легитимного знания в школе и обществе, так и с ответом на вопрос, касающийся того, какое именно знание можно считать наиболее ценным [7, р. 7]. Для С. Фуллера «политика знания критически исследует поддержание институциональной инерции: почему исследовательские приоритеты не сменяются чаще и радикальнее? Почему проблемы возникают в одних контекстах, а не в других, особенно, почему борьба за ресурсы сосредотачивается, в основном, в пределах дисциплины,

⁸ Это очевидно в случае с (пост)колониальной перспективой, где во многих работах встречаются призывы деколонизировать университеты, социальные науки и тому подобные академические материи. Надежда на то, что политика знания поможет снизить риски в обществе риска, отчетливо видна и в ряде работ, сфокусированных на актуальных социальных проблемах [22; 56].

⁹ Например: «Общество знания vs экономики, построенной на знании: знание, власть и политика» [91], «Власть на практике: обучение взрослых и борьба за знание и власть в обществе» [131], «Политика образовательных инноваций в развивающихся странах. Анализ знания и власти» [130], «Политика культурного знания» [129], «Государство и политика знания» [174], «Политика медицинского знания» [134], «Политика знания в домодерном исламе» (О. Сафи) [153], «Политика знания в Центральной Азии» (С. Амслер) [5], «Граждане, эксперты и окружающая среда. Политика локального знания» (Ф. Фишер) [56].

¹⁰ Из переведенных в последнее время работ особого внимания заслуживают «Социология под вопросом» [345], в частности статья В. Каради [265], «Символическая власть: социальные науки и политика» [337] и «Знание: собственность и власть» [257].

а не между дисциплинами?» [366, с. 428]. Э. Сайд политику знания рассматривает как изучение взаимосвязи современной культуры и империализма, конституированной, в свою очередь, политикой идентичности [154].

Дело не в издержках использования (самоочевидных) понятий «власти» и «знания», о чем предупреждал Б. Латур [286, с. 121], а в том, что жизнеспособность политики знания изначально связывалась с *непосредственностью и различностью* опытов взаимодействия власти и знания. Характер подобной зависимости во многом напоминает ситуацию с теорией мотивации¹¹: и в том и в другом случае мы сталкиваемся с тем, что эмпирический материал способствует формулированию таких теорий исследуемых феноменов, которые допускают согласование и синтез на предельном и, следовательно, во многом бессмысленном уровне абстрагирования.

Скажем, если обратиться к политике знания западной Академии в *целом*, то своеобразным исходным пунктом выступает положение ее разобщенности [96] и с течением времени акцент на ее политическом основании лишь усиливается¹² [147]. Это открывает возможность для разнообразных «исследовательских игр», конституированных различным доступом к ресурсам и финансированию. В конечном итоге можно наблюдать оруэлловскую ситуацию, когда «все университеты равны, но некоторые равнее других» [103, р. 3]. Соответственно, растет внимание к политической подоплеке таких аспектов академической иерархии, как, например, прием на работу и увольнение, к сути академических свобод¹³ [26], в том числе выявляемых ретроспективно на основании исторических кейс-стади [6; 64]. Обратной стороной подобного ракурса можно полагать исследования, направленные на выяснение того, что является основой Академии: преподавание, исследование или служба [105; 168]. Тесная связь науки и политики своим последствием также имеет повышенное внимание к степени ангажированности той или иной дисциплины и ее зависимости от истеблишмента, как показано в монографиях Р. Чилкота и Дж. Сакса [370, с. 37–85; 334, с. 161–163].

При всей своей значимости эти работы показывают, что приоритет все более отдается разработке эзотерических проблем, отсылающих к парадигме, сформированной культурным опытом «западного мира». Именно в этом контексте можно рассуждать о долгосрочном планировании, позволя-

¹¹ «С известной долей уверенности можно утверждать, что каждой области человеческой деятельности соответствует своя теория мотивации» [292, с. 55].

¹² Мы отвлекаемся от ряда исследований, посвященных среднему [238] и высшему образованию [326; 269], в том числе и его коммерциализации [213].

¹³ Яркое описание этих и ряда других проблем академической жизни дано Ч. Вай-Фахом в его *жизненном путешествии* [29], и этническое происхождение автора только усиливает интерес.

Введение

ющем в обществе знания использовать все имеющиеся таланты [149], о влиянии глобализации на учебные программы [69], парадоксальном недостатке знания в обществах знания [179] или о функциях университетов в новых экономиках знания [8]. В то же время в развивающихся странах проблемы в основном касаются организации начальных школ, которые бы ликвидировали безграмотность [120], а также фокусируются на релевантной подготовке преподавателей [122]. Связь между глобализацией и производством знания, в частности в Африке [197], видится уже совершенно в другом ключе, предполагающем встроенность знания во властные отношения и отказ от его монолитного характера [155]. Теперь на повестке дня вопросы академической зависимости и интеллектуального колониализма [2]. Ученые прибегают к политическому категориальному аппарату, отсылающему к неравенству [52], патронатным отношениям [165, р. 44], отношениям центр/периферия – начиная с классической статьи Дж. Басалла [15] и заканчивая рядом более поздних исследований [155; 87]. Результатом этого становится не вопрос отражения в учебных программах и курсах некоего явления, а то, как взаимосвязано универсальное и локальное/коренное знания [156; 142; 194; 161], отношения между которыми далеки от согласия [110] и требуют уже новых подходов для своего описания [83].

Возможно, различия в содержательном плане еще более заметны, когда мы сравниваем положение очевидно дискриминируемых групп в рамках Академии. В качестве примера можно указать на женщин, статус которых в ряде профессий до сих пор описывается посредством ссылки на теорию патриархата¹⁴ [104, р. 124–156]. Из последних работ западной Академии стоит выделить эмоциональный рассказ («я использовала множество феминистических и артистических риторических стилей») С. Диллард об изменениях академической жизни афроамериканки, произошедших за последние три с лишним десятилетия [46]. Близким к нему является красноречивый сборник эссе «Мама, PhD» [106], в котором документируется то, что в Академии беременные женщины сталкиваются с вызовами и дискриминацией, которые не под силу решить в одиночку ни мужчине, ни женщине [106, р. xiii–xiv]. И это контрастирует с сильной поддержкой, которую оказывают женщинам-преподавателям на факультете.

Вместе с тем в работах, написанных на материалах иных, развивающихся стран, совершенно по-другому отражается и суть затрагиваемых проблем, и само положение женщин, и используемые при этом теоретические перспективы. Достаточно ознакомиться с проблемами женщин из

¹⁴ Это далеко не единственная дискриминируемая группа. Например, исследуются перспективы в Академии для людей с ограниченными возможностями [180]. Следует помнить также о ситуациях множественной дискриминации, когда проблемы гендера пересекаются с проблемами расы [85].

Пенджаба [115], Кении [192], Алжира [17], арабского мира в целом [28] или иммигрантов в западных странах [113]. Здесь речь о том, что «эта¹⁵ война уже выиграна» [147, р. 119], вообще не идет. Положение женщин в Академии отнюдь не таково, чтобы сокрушаться по поводу дисбаланса в поддержке со стороны администрации, который испытывают преподавательницы и беременные преподавательницы!

Таким образом, чем более точно и адекватно политика знания схватывает специфическую культурную конфигурацию власти и знания, тем меньше шансов на копирование используемого в том или ином случае алгоритма для исследования (потенциально) иных паттернов. Скажем, в западной Академии действительно существует довольно тесная взаимосвязь между политической наукой и политикой, но это не совсем релевантно для постсоветского пространства, и проведенные в рамках данного проекта интервью это показывают (глава II). Университеты являются политическими институциями во многом по причине значительного объема финансирования, но в подавляющем большинстве постсоветских вузов подобного не наблюдается¹⁶, а используемые стратегии распределения финансовых средств весьма далеки от традиционных моделей политики. Наконец, большинство проинтервьюированных преподавательниц выказывают скептицизм по отношению к гендерным проблемам, волнующим (афро)американских учеников¹⁷. Само игнорирование симптоматично, но на таком апофатическом основании тяжело построить обоснованную теорию.

§ 2. Политика знания и постсоветская Академия: поиск точек пересечения через фальсификацию

Таким образом, задумывая данный проект, мы изначально были насторожены в отношении применимости большинства (западных) теорий к изучению политики знания постсоветского пространства. Например, популярная теория Э. Эбботта о механизме производства различия и сходства в социальных науках [1] постулирует тщательную проработку научных принципов, то есть, в терминологии автора, исследуемый процесс проистекает скорее из синтаксиса дилемм, нежели из их pragmatики [1, р. 14]. Однако наблюдение С. Ушакина показывает, что постсоветские науки, как и все «закрытые структуры по производству знания, хорошо встроенные в местные системы обмена, воспроизводят себя не за счет циркуляции знания, а за счет

¹⁵ Война за пропорциональное представление мужчин и женщин в Академии.

¹⁶ Это мнение было оспорено А. Олейником в его работе, где концепция underperformance'a применяется к частному случаю российской Академии [311].

¹⁷ Представление о том, что движет постсоветскими исследовательницами, можно получить при обращении к [260, с. 282].

Введение

циркуляции людей. И мы знаем из антропологии, что в таких системах определяющим является не качество продукта, а лояльность членов системы» [352, с. 188]. И это сразу обедняет эвристический потенциал теоретических построений Э. Эббота, равно как и Р. Уайтли [196], сфокусированного на том, что современные дисциплины являются репутационными организациями с присущими им ориентациями на социальные цели, поддержание внутренних стандартов и т.п.¹⁸

Более привлекательными для нас были теории, эмпирический базис которых касался государств, в том или ином отношении напоминающих Украину и Молдову. В качестве примера можно привести теорию академической зависимости [2], часто используемую западными [5], и не только [375], исследователями для понимания постсоветской Академии. С. Алатас выделяет шесть признаков колониального режима производства знания: эксплуатация, опека, конформизм, вторичная роль ведущих интеллектуалов и академических ученых, рационализация цивилизационной миссии и низший талант исследователей из центра, специализирующихся на изучении колоний¹⁹ [2, с. 601].

В принципе, можно утверждать оправданность (пост)колониальной интерпретации развития (политической) науки в Украине и Молдове, ведь многие респонденты уверены в отсутствии значимых достижений национальной традиции, а также позитивно оценивают зарубежную политологию. А гранты и стажировки за рубежом оставляют у респондентов лишь положительные эмоции и восхищение. Формально наблюдается подлинная академическая колонизация: стажировки знакомят украинских исследователей с достижениями западной политологии, исподволь и не очень внушая мысль о ее «передовом» характере, «лидирующем» положении и «безусловной» связи с демократическим путем развития. Так проходит научная индоктринация, поскольку усваиваются исследовательская повестка дня, предпочтительные методы «сбора и анализа данных», риторические стратегии, задействованные при оформлении и продвижении полученных результатов. Прошедшие стажировки и/или приобщающиеся к образцам,

¹⁸ Похожие возражения можно выдвинуть как против сетевого подхода Р. Коллинза [276], так и против его попытки совместно с Дж. Бен-Дэвидом объяснить возникновение психологии социальными факторами [209]. Последние опыты применения сетевого подхода к постсоветским социальным наукам показывают, что теоретическая составляющая превалирует над эмпирической. В частности, комментируя один из полученных результатов, Г. В. Градосельская пишет: «Зная социальную историю российской социологии, можно сказать, что этот вывод тривиальный. В данном случае его можно расценивать как достаточно правдоподобный» [237, с. 252].

¹⁹ Мы не рассматриваем колонизацию посредством экспорта американоцентристических когнитивных установок и классификационных схем, что сделано в работе П. Бурдье и Л. Вакана [218].

сила которых увеличивается имеющимися медийными, финансовыми и организационными возможностями, становятся или должны стать агентами изменений. Кроме того, право на первую публикацию со стороны грантодателей или же вообще исключительное право на все полученные результаты позволяют проводить аналогии с отношениями между Центром (поставщик интеллектуальных технологий и администрирования) и колонией (поставщик сырья) – безотносительно к реальной ситуации, но касательно субъективного восприятия.

Однако против подобной интерпретации также можно выдвинуть ряд возражений, начинающихся с указания на ее отчетливо тео- и теологический характер. Даже если допустить, что кто-то из Центра преследует какие-то далекоидущие «колонизаторские» цели, то это должен быть воистину ОН, чтобы столь искусно направлять ничего не подозревающих людей со своими целями к более высокой Цели, о которой те не имеют понятия. Не говоря уже о сомнениях в конспиративных способностях исследователей, предстающих в виде прагматичных, меркантильных, алчных и все просчитывающих агентов ЦРУ, Пентагона и ряда похожих организаций²⁰.

Следует также отметить, что установление колониальной зависимости напрямую зависит от инфраструктуры на местах. Необходимо воспитать квалифицированных работников, которые могли бы поставлять релевантные данные, а также создать им соответствующие условия. Но имеющиеся исследования высшего образования ряда посткоммунистических государств показывают утопичность любого подобного допущения – как в смысле общего контекста, так и в плане наличия²¹ потенциальных агентов перемен. Ни «академический мир государственных кафедр и факультетов», ни «противоположный ему во многих отношениях мир грантовой экономики» не приводят к созданию значимых профессиональных репутаций,

²⁰ Можно вспомнить историю, рассказалую Г. Алмондом, о неудачной попытке «сотрудничества» с мексиканским исследователем Пабло Гонзalesом Казановой [198, с. 32]. Усомниться в правдивости слов Г. Алмона – это следовать тому, что К. Гинзбург удачно назвал «уликовой парадигмой» [233], поверить – пойти за Г. Оллпортом, который призывал доверять словам пациента, «если не доказано, что они не отражают реальности» (цит. по: [292, с. 49]). Бывают риторические вопросы, но есть и риторические выборы.

²¹ М. Соколов на примере российских социологов показывает дифференциованность составляющих групп любой научной дисциплины. В частности, акторы грантовой экономики, на которых изначально возлагались большие надежды как на движителей дисциплинарного прогресса, характеризуются такими чертами, которые нивелируют весь их потенциал. Речь идет о пролетаризации, предпочтении «быстрой экономики», а также о селекции «теорий, методов и проблем, которые позволяют получать поддержку и дальше, но фактически исключают привлечение внимания к своей персоне» [341, с. 45–46].

интеграции с мировым сообществом, но продуцируют фрагментацию отечественной науки²² и выезд молодых ученых, прошедших стажировки, за границу, поставлять данные для которой они якобы были предназначены²³. Эффективность западных фондов в создании «лояльной рабочей силы» также не подтверждается выводами экспертов [341, с. 43; 268, с. 243].

В целом постколониальная перспектива, равно как и подавляющее большинство имеющихся подходов к производству знания, столь же верна, сколь в свое время была верна теория модернизации. Они работают только на том материале, который и актуализировал их появление. В противном случае они становятся, по Дж. Гилберту и М. Малкею, все более источниками и все менее – объектными [232]. То есть различные «символические продукты ученых» используются лишь «в качестве источников, которые социолог может различными способами монтировать, чтобы представить собственную версию того, “как это происходит в науке”» [232, с. 27].

Last but not least. Сказанное ранее не означает нашего нежелания связывать себя рамками любой теории. Но это должна быть перспектива, которая есть «не то, что тотализует, а то, что множится, и то, что множит»²⁴ [363, с. 70]. Нам была необходима теория, максимально чувствительная к различным опытам научного, поскольку мы предвосхищали виды научности, экзотические, аномальные и максимально гетерогенные, характерные для разных регионов постсоветского пространства. И она также должна была сочетаться с пониманием власти, присущим подавляющему большинству направлений в политике знания. С нашей точки зрения, таковой является концепция (научных) практик Дж. Роуза²⁵ [148].

Согласно Дж. Роузу, научные практики есть частный случай практик как таковых. Последние, в свою очередь, представляют собой «паттерны деятельности [возникающие] в ответ на некую ситуацию» [148, р. 26] или

²² Публикация Н. И. Даудриха демонстрирует этот ракурс проблемы с точки зрения тех или иных типов цитирования в российской социологии [243].

²³ Более сдержаненный взгляд на эту проблему представлен в [273].

²⁴ М. Мид в похожем ключе описывала суть работы антрополога [300, с. 11–12].

²⁵ Логичным бы также выглядело соотнесение концептуальных координат данного проекта с теориями, касающимися постсоветских социальных наук. Тем более что существует ряд интересных концепций, например «бедной науки» М. Соколова [341], «провинциальной и туземной науки» М. Соколова и К. Титаева [342]. Результаты применения перспективных теорий к постсоветской Академии содержатся в публикациях С. Амслер [5], А. Олейника [121; 311], Е. Гаповой [227], В. А. Шнирельмана [377] и других авторов [344]. Все они в той или иной мере оказали влияние на наше исследование, что и отражено в соответствующих ссылках по тексту монографии. Досадным исключением выступает работа А. Олейника [121], с которой мы по причине ее недавнего выхода, почти совпавшего с публикацией данной монографии, успели лишь ознакомиться.

это «паттерны опосредованной ситуацией деятельности». Соответственно, как отмечает Ф. Ремедиос, Дж. Роуз и научные практики понимают не как действия людей (*doings of human agents*), а как значимые взаимодействия, в которых действия могут быть наделены смыслом. Его понятие «практик» не помещает в центр субъекта: «Агенты не одаряют мир значимыми паттернами», те, скорее, «появляются из паттернов взаимодействия с миром» [140, р. 450].

Власть и знание связаны постольку, поскольку оба эти феномена являются производными от столкновения людей с «миром». И то, и другое является «социальной расстановкой [сил]», когда один агент эффективно осуществляет власть по отношению к другому только в той степени, в которой действия других агентов соответствующим образом согласованы с действиями доминантного агента. То, что возникает в итоге, паттерны (наиболее) значимых взаимодействий, и наделяет смыслом те или иные действия, связанные с проведением в жизнь решений, касающихся ограниченных ресурсов или практик квалификации чего-то в качестве знания.

Из того, что «ни власть, ни знание не являются вещью, которой агенты или знающие (*agents or knowers*) владеют или которой они пользуются», следует нематериальная и антиэссенциалистская трактовка научного знания. Поскольку «власть и знание выступают в качестве динамичных, структурных характеристик ситуаций, в которых находятся агенты и знающие», то и «атрибуты знания предстают, таким образом, более схожими с характеристикой ситуации, в которой себя обнаруживает знающий, нежели с описанием чего-то, что они приобретают, чем владеют, что демонстрируют или обменивают» [140, р. 450].

Следует отказаться от восприятия научного знания как теоретически согласованного (образования), поскольку в основе его лежит постулирование (все скрепляющей) метафизической реальности. Научное знание не допускает (теоретически) согласованного видения, всегда являющегося производным от «объективности» или «естественности» существования вещи, характеристики которой предполагают унификацию восприятия. Отсюда целесообразно руководствоваться так называемой дефляционной концепцией истины, согласно которой существует широкий спектр образцов того, чем именно является социально конструируемое и связанное с определенными интересами научное знание. При этом отрицается, что разнообразие подчас несовместимых образцов научных практик коллективным образом конституируется в цельное образование. Достижение цели данного проекта предполагало выявление нескольких паттернов власти/знания, что и произошло в ходе исследования практик получения научных степеней чиновниками, идеологических самоидентификаций студентов, типов академических

карьер и т. п. В то же время их связность в качестве единого целого может быть предметом рефлексии только после проведения специального (и дополнительного) эмпирического исследования, и скорее всего – не одного.

§ 3. Структура монографии: эпистемология и методология

При описании структуры книги основной акцент сделан на методологических и эпистемологических аспектах, а в случае с главой I – на предыстории возникновения и разработки основных идей, что нам представляется необходимым.

В главе I, «Академия и политический режим: неопатриотическая наука в Украине», мы обратились – довольно случайно, надо признать! – к практике получения научных степеней высокопоставленными чиновниками в Украине. Начало исследования этого феномена вызывало некоторое беспокойство с не вполне проясненной этиологией, которое, правда, не шло ни в какое сравнение с трудностями, что сопровождали поиск релевантной информации по чиновникам, свои посты занимавшим в самом начале обретения Украиной своей независимости. Но подлинная тревога была обусловлена изначальным непониманием того, что в данном случае движет зреymi, облечеными властью и весьма небедными людьми, не имеющими к науке ни малейшего отношения.

Строго говоря, внезапно осознанное непонимание и было тем импульсом, который побудил нас обратиться к фактам получения степеней чиновниками, бизнесменами и т. п., то есть к тому, что для академических исследователей часто выглядело смущающим, достойным стыда и порицания, а также в целом нерелевантным фокусом внимания. Непосредственным поводом стала защита докторской диссертации по юридическим наукам М. М. Добкиным, в тот период являвшимся губернатором Харьковщины, а также готовящаяся защита по тем же наукам Г. А. Кернеса, сменившего М. М. Добкина на посту мэра Харькова. Благодаря известному видеоролику, в котором первый читает текст, «по-дебильному» написанный вторым, мы уже имели некое представление о биографиях этих двух харьковских политиков. И потому в момент, когда усвоение новости уже почти привело в действие механизм недоуменного пожимания плечами, мы внезапно осознали, что и М. М. Добкин, и Г. А. Кернес научные степени получали не столько после того, как состоялись в коммерческом и личностном плане, сколько после того, как заняли крупные посты.

Это совпадение биографий, вызванное во многом случайными обстоятельствами, в дальнейшем сыграло парадоксальную роль. С одной стороны,

наличие сходства в действиях разных чиновников сразу же дало нам надежду – «радостное предвосхищение некоего гипотетического события» [181, р. 240] – на возможность описания устойчивых паттернов с их последующим индуктивным, «обоснованным» объяснением в стиле А. Страусса [346]. Ведь действия чиновников не укладывались ни в одну из существующих теорий, начиная от личностно-ориентированной концепции А. Маслоу и заканчивая контекстно чувствительными теориями культурного и иного капитала. Они также отвергают здравый смысл, поскольку получение образования и научной степени в более чем зрелом возрасте и в условиях тотального неверия окружающих в их легитимность не оправдывается материальными, символическими и другими соображениями.

Таким образом, задумались мы над проблемой постольку, поскольку *post factum* осознали невозможность ее теоретического понимания. В рамках *политики знания* мы, наверное, не могли не отталкиваться от наблюдения М. Фуко, согласно которому «власть» (во французском языке) сродни глаголу «мочь». Данное суждение помогло нам подойти к формулированию теории, суть которой – в самом общем смысле – заключалась в связывании практики получения научных степеней чиновниками *исключительно с их возможностью это (с)делать*.

Свое внимание в главе I мы сфокусировали на председателях областных государственных администраций (220 человек) и председателях областных советов (184 человека) в 1991–2013 гг. Поиск релевантной информации в открытых источниках сопровождался определенными издержками, на примере которых также можно проследивать связь политики и знания. Практически сразу после защиты докторской диссертации М. Добкина появился ее автореферат на сайте библиотеки имени Вернадского. Однако после Евромайдана и последовавших за ним событий автореферат исчез, равно как и упоминание о защите, и это, конечно, ставит на повестку дня вопросы не теоретического, а сугубо практического толка: считать М. Добкина все же кандидатом или таки доктором юридических наук? Впрочем, возможность его возвращения в политику как одного из представителей юго-востока Украины позволяет выдвинуть предположение об опять-появлении автореферата и снятии всех затруднений.

Результатом соответствующей структуризации «фактов» стала концепция *неопатримональной науки*, под которой мы понимаем систему значимых взаимодействий академических исследователей, представителей бизнеса и власти, обусловленную или даже детерминированную в своих основных чертах сущностными характеристиками неопатримонального политического режима.

Во второй части главы I мы на основании разновидности структурного контент-анализа объявлений о защите диссертаций, регулярно

публикуемых соответствующими инстанциями Украины и Молдовы, разрабатывали концепцию *неопатриотической науки*. Это позволило нам выделить ее составляющие и измерения, в том числе гендерное. Мы также рассмотрели – в очень большом приближении, правда, – то, какие именно изменения в науке символизирует собой появление неопатриотической науки на постсоветском пространстве. Глава II монографии, «**Политика, мотивация, идеология и профессия: типология академических карьер украинских политологов**», написана на основании результатов интервью с профессорами и доцентами четырех политологических сообществ Украины и Молдовы. Понятие «политологическое сообщество», заимствованное из работы [97, р. 3; 95], означает в данном случае профессорско-преподавательский состав, обладающий степенью кандидата или доктора политических наук, Львовского национального университета имени Ивана Франко (ЛНУ), Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (ХНУ), Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (ТНУ) и Государственного университета Молдовы (ГУМ). Обращение к интервью обусловлено как ролью кандидатов и докторов наук в определении дальнейшего направления развития соответствующих политологических сообществ, так и необходимостью большего внимания к мотивационным аспектам.

При выборе информантов мы стремились заполучить, прежде всего, *ключевых и специальных* респондентов, представляющих информацию, касающуюся «стратегических проблем исследования» и «проблемы исследования» соответственно [329, с. 101]. Поиск *типичных* респондентов не входил в наши намерения по этическим соображениям. В целом мы стремились брать интервью у представителей профессорско-преподавательского состава указанных ранее вузов, которые являются обладателями научной степени кандидата или доктора политических наук. Однако в некоторых случаях нам пришлось отойти от этого правила, поскольку ряд *ключевых и специальных* информантов в силу ряда объективных причин либо имели научную степень по другой специальности, либо работали в другом вузе релевантного региона.

Проводимые нами интервью, безусловно, являются качественными, поскольку они в самом деле «нацелены на реконструкцию смысла и не строят препрезентативно обобщенных выводов» [329, с. 103]. В силу этого мы при определении объема необходимой выборки руководствовались известным принципом насыщения, «когда сбор новых данных не приносит дополнительно информации для исследовательского вопроса» [329, с. 103]. Наши предварительные исследования показали совместимость с выводами Гест с соавторами, согласно которым условная однородность респондентов приводит к тому, что «выборки из 6 интервью может быть достаточно, чтобы развить значимую тему и полезные интерпретации» (цит. по [329, с. 107]).

Соответственно, в ходе реализации данного проекта мы «с запасом» взяли 37 интервью, два из которых по техническим причинам были исключены из дальнейшего рассмотрения. Всего, таким образом, было проинтервьюировано 23 украинских политолога (по 8 респондентов из Харькова и Симферополя, 7 – из Львова) и 12 из Кишинева. Несмотря на то что большая часть респондентов согласилась на неанонимное интервью, мы все же решили при цитировании не раскрывать фамилий. Для обозначения респондентов мы использовали ряд символов. Первая буква является заглавной буквой того или иного политологического сообщества. Так, «Х» означает принадлежность к харьковскому, «Л» – к львовскому, «С» – к симферопольскому (крымскому), а «К» – к кишиневскому (молдавскому) политологическим сообществам соответственно. Вторая буква обозначает пол респондента, мужской («М») и женский («Ж»). Третья буква отсылает к научной степени: «К» – кандидатская и «Д» – докторская. Буква в скобках, соответственно, указывает на специальность, по которой была получена та или иная степень: «п» означает, что речь идет о «политических науках», «ф» – о философских, «и» – исторических, а «г/у» – о государственном управлении. Наконец, цифра, как правило, не несет особой смысловой нагрузки, обозначая преимущественно первенство в получении научной степени в рамках той или иной группы респондентов (кандидатов или докторов наук по соответствующей специальности). Следует иметь в виду, что в Молдове первая диссертация пишется на соискание научной степени доктора наук, что соответствует научной степени кандидата наук в Украине; вторая диссертация – на соискание степени «доктор хабилитат», что эквивалентно докторской степени в Украине. Все молдавские респонденты свои научные степени получали по политической науке (политологии).

Длительность интервью колебалась от 40 минут до 3,5 часа, но в среднем составляла около 1,5 часа. Каждое интервью записывалось на цифровой диктофон, о чем наши респонденты были проинформированы заранее. Места проведения интервью были самые различные – от кафедры и квартиры до кафе или парка; главным при этом были соображения удобства самих респондентов. Иногда не удавалось провести интервью «в один прием», вследствие чего организовывались дополнительные встречи.

В процессе интервьюирования авторы проекта старались воздерживаться от большого количества дополнительных вопросов, предпочитая в основном слушать. В крайнем случае задавались уточняющие вопросы, если информация, релевантная целям нашего исследования, не прозвучала при ответе на тот или иной вопрос, а также при получении новой и неожиданной информации. При попытках респондентов вовлечь нас в разговор мы стремились избегать высказывания собственной позиции. В ходе интервью мы с согласия респондентов делали пометки, а после каждого интервью

Введение

стремились как можно скорее записать впечатления, включая и собственные ошибки. В ряде случаев это приводило к переформулированию одних вопросов, исчезновению других и появлению третьих, а также модификации стиля проведения интервью.

Установка на максимальное приближение к непосредственному предмету исследования обусловила также и довольно большой объем цитируемых фрагментов, что должно, по идеи, облегчить процесс формулирования альтернативных объяснений и гипотез. Кроме того, стремясь сохранить и передать ощущение аутентичности и полифоничности, мы не пожелали приводить цитируемые фрагменты интервью в «читабельный» вид, полагая более важным передать живую речь информантов со всеми ее уникальными индивидуальными и региональными особенностями.

Те откровенность и доверие, которыми нас почтили респонденты, учтивая, что со многими из них мы до того не были даже знакомы, – поистине неоценимы. Но им можно только попытаться соответствовать – с той беспощадностью к себе, о которой говорил Ф. Ницше: «Всякое достижение, всякий шаг вперед в познании вытекают из мужества, из жестокости по отношению к себе, из чистоплотности по отношению к себе»²⁶.

Глава III монографии, «Студенты-политологи Украины и Молдовы: идеология, наука, СМИ и логика Пограничья», посвящена выявлению идеологической самоидентификации студентов-политологов. Соответствующая анкета включала в себя более 80 вопросов, направленных на то, чтобы получить максимально полную информацию о классовых, гендерных, этнических, религиозных, идеологических, интеллектуальных и других аспектах жизни политологических сообществ Украины и Молдовы. За основу анкеты были взяты два опросника, использовавшиеся в двух последних исследованиях мнений членов американской Академии [96; 147]. Часть культурно обусловленных вопросов была удалена, часть переформулирована контекстно чувствительным образом. Были также добавлены несколько вопросов, задаваемых в ходе регулярных опросов Института социологии Национальной академии наук Украины, начало которых датируется 1992 г. Это позволяет сравнивать ответы студентов-политологов с ответами всего населения Украины, а также ее отдельных регионов.

Опросы студентов-политологов I–V курсов, обучающихся на бакалавров и специалистов, проводились в период с октября по декабрь 2012 г. в политологических сообществах Украины и в январе 2013 г. – в Кишиневе. В феврале 2013 г. были (дополнительно) опрошены студенты III–V курсов Львовского национального университета имени Ивана Франко. Числен-

²⁶ Частично именно в этом и заключается ответ на многие вопросы, свойственные (критическому) интервьюированию/исследованию [141], в том числе и на вопросы отчужденности от информантов, о чем писал Ф. Скраптон [159].

ность студентов-политологов была различной в: 61 – в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина, 103 – в Таврическом национальном университете имени В. И. Вернадского, 129 – во Львовском национальном университете имени Ивана Франко и 64 – в Государственном университете Молдовы. Всего было опрошено свыше 350 студентов; численность респондентов варьировалась от группы к группе, однако в целом она составляет примерно 80 % от общего количества.

В заключительной части главы III мы попытались обосновать зависимость внешнеполитических ориентаций студентов-политологов от логики, общей для всех акторов в пограничных государствах. Для этого мы провели контент-анализ двух газет, представляющих законодательную и исполнительную ветви власти – «Голос Украины» и «Правительственный курьер» соответственно. Из множества разновидностей контент-анализа мы предпочтет ориентироваться на ту, что связывает последний с количественным измерением. Так, «*количественный контент-анализ* представляет собой систематическое и воспроизводимое исследование символов коммуникации, которым приписываются числовые значения в соответствии с правилами валидного измерения, и анализ взаимоотношений, включающих эти значения, с использованием статистических методов с тем, чтобы описать коммуникацию, получить выводы о ее значении или для получения из коммуникации выводов о ее контексте – как производства, так и потребления» [145, р. 19–20].

Контент-анализу подвергался каждый десятый номер «Голоса Украины» и «Правительственного курьера» за период 1993–2011 гг., что в сумме дает около 1000 номеров. Данная выборка может рассматриваться в качестве случайной, поскольку номера выбирались не на основании pragматических соображений, а путем механического отбора. Кроме того, выборки номеров двух газет синхронизированы относительно друг друга, а соответственно, их содержание вполне сопоставимо. Наконец, количество статей, подпадающих под категориальную схему и насчитывающую свыше 180 единиц анализа, превышает показатель в 3300. При обработке данных контент-анализа использовался кластерный анализ (метод Варда), проведенный с помощью пакета соответствующих программ SPSS Statistics (17-я версия).

В конечном итоге мы осуществили триангуляцию двух подходов, поскольку показали комплементарность результатов одного исследования, базирующегося на одном методе (контент-анализ) и перспективе border studies, результатам, полученным при помощи другого метода (опрос).

Глава IV, «**Политика знания политологических сообществ Молдовы**», написана А. Зеленски. В ней представлены результаты проведенных опросов студентов-политологов, а также альтернативная интерпретация того смысла, который молдавские академические политологи связывают

Введение

с собственной деятельностью. С методологической точки зрения эта глава мало чем отличается от разделов, написанных другими соавторами. В то же время информация, содержащаяся в анкетах и опросниках для интервью, в данном случае эксплицируется в максимальной степени в отличие от предыдущих проблемно-ориентированных глав.

§ 4. Заключительные замечания

В заключение следует сказать несколько слов о вкладе каждого участника проекта. По первоначальному замыслу, руководителем проекта В. В. Осиным определялись цели, основные направления исследования, разрабатывались анкеты и вопросы для проведения интервью. При этом каждый соавтор должен был провести сбор первичного эмпирического материала и написать соответствующий раздел монографии. Совместное обсуждение всей совокупности материалов было призвано стать стартовой позицией для написания окончательного текста монографии.

Однако ряд семейных обстоятельств привел к тому, что весь текст монографии был написан В. В. Осиным (за исключением главы IV, написанной А. Зеленски, и Введения, написанного тремя соавторами), который несет, таким образом, всю ответственность за реализованный в работе способ выражения политики знания. Сказанное, в частности, касается выбора проблем, на которых в конечном итоге остановились авторы проекта. Особое сожаление вызывает то, что не получили своего дальнейшего развития сюжеты, связанные с этническим и религиозным измерениями постсоветской Академии, а также использование boundary-work подхода. Необходимость в применении последнего определяется тем, что «дисциплины являются политическими институтами, которые разграничитывают области академической территории, распределяют привилегии и ответственность за компетенцию, а также структурные притязания на ресурсы» [66, р. 792]. Тем не менее выбор был сделан в пользу других тем, что, однако, имплицирует и необходимость, и возможность появления в будущем работ, заполняющих указанные выше лакуны.

Что касается конкретного вклада каждого соавтора, то он заключается в следующем. Руководителем данного проекта В. В. Осиным были реализованы следующие задачи: выполнен опрос студентов-политологов I–V курсов Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Львовского национального университета имени Ивана Франко, а также обработка полученных данных; проведено 15 интервью с профессорами и доцентами указанных вузов и осуществлена их расшифровка; собраны и обработаны данные, касающиеся практик получения научных степеней председателями областных государственных администраций и областных сове-

тов; осуществлен контент-анализ «Голоса Украины» и «Правительственного курьера» за 19 лет.

Последняя глава, посвященная молдавскому политологическому сообществу, написана А. Зеленски. Ею было организовано и проведено анкетирование и интервьюирование студентов Молдавского Государственного Университета, факультета международных отношений, политических и административных наук специальности «Политология». А. Зеленски провела обработку эмпирических данных и интерпретировала полученные результаты. Также было проведено интервьюирование экспертной группы молдавских политологов сферы науки, инноваций и образования. Полученные данные были соответствующим образом проанализированы. Этот материал также послужил эмпирической базой экспертного анализа в основной части работы, где идет речь о Молдове.

С. В. Шуляк собрал данные, касающиеся почти семи тысяч объявлений о предстоящих защитах кандидатских и докторских диссертаций в Украине. Кроме того, он провел опрос студентов-политологов Таврического национального университета имени В. И. Вернадского I–V курсов, а также взял и расшифровал интервью у восьми крымских политологов. К сожалению, по объективным и во многом не зависящим от него причинам С. В. Шуляк не смог сосредоточиться на написании соответствующей части монографии, что, впрочем, не помешало ему высказать ряд ценных замечаний относительно финального варианта текста монографии.

В целом, реализация коллективного проекта, посвященного политике знания в Украине и Молдове, была сопряжена с немалыми трудностями. Однако все искупающим обстоятельством стала возможность плодотворного интеллектуального сотрудничества между соавторами данной монографии. Его конечным результатом и стал этот текст, выносимый – с некоторым беспокойством и вполне простительной гордостью – на суд Читателя.

ГЛАВА IV. ПОЛИТИКА ЗНАНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ МОЛДОВЫ

Развитие политики знания в Республике Молдова начинается в 1990-х гг. и продолжается по настоящее время. Этот период отражает напряженный и в определенном смысле драматический поиск молдавской социальной науки новой идентичности. Для политологов Молдовы отправными точками этого поиска становятся возврат к лучшим традициям классического мирового гуманитарного знания и усвоение всего того ценного, что было создано политической наукой на Западе за последние годы [107].

О том, что эти усилия не оказались напрасными, свидетельствует ускоренный процесс институционализации политологии. Реформирование системы образования в Республике Молдова относится не только к фундаментальной профессиональной подготовке, но, прежде всего, к ее духовной, философской, нравственной, политической составляющим. Это с необходимостью предполагает переход к новым эффективным организационным принципам в процессе преподавания дисциплин гуманитарного и социально-политического циклов.

Хотя процесс подготовки политологов только набирает обороты, уже сейчас очевидно, что без политологии как фундаментальной отрасли научного знания формирование в Молдове основ либерального политического образования, демократической системы и в целом современного гражданского общества не может быть осуществлено, так же как и научные исследования в области политологии неотделимы от основных тенденций реальной политической жизни.

Для изучения процесса становления политологических сообществ Молдовы было проведено исследование в форме

анкетирования студентов факультета международных отношений, политических и административных наук специальности «Политология» Молдавского государственного университета и интервьюирование преподавателей и представителей различных структур высшего образования и академических кругов.

Актуальнейшей для Молдовы является проблема валорификации человеческого капитала. Современное молдавское студенчество представляет собой особый социальный слой людей, целенаправленно и систематически овладевающих знаниями и профессиональными умениями, отличающихся наиболее высоким образовательным уровнем, наиболее активным потреблением культуры и высоким уровнем познавательной мотивации. Нынешние студенты завтра станут активным социально-политическим сегментом и важным фактором в процессе принятия решений в обществе. Это наиболее перспективная часть участников развития гражданского общества в Молдове.

В целях данного исследования важна оценка процесса формирования размышляющего и активного гражданства, проявления интереса студентов к улучшению и развитию политической жизни. Исследование личности студента в практике высшей школы было осуществлено по следующим показателям: мотивы поступления в вуз, уровень общеобразовательной подготовки, характер деятельности до поступления в вуз, степень наработки умений и навыков самостоятельной деятельности, характер интересов, увлечений, уровень развития способностей, особенности характера, соответствие их содержанию и требованиям, предъявляемым к будущей профессии.

Для изучения всего этого широкого спектра вопросов использовались опросы, анкетирование, интервьюирование, что помогло осуществить дифференцированный подход к различным категориям студентов. Важным условием оптимизации потенциальных возможностей личности студента, на наш взгляд, является развитие активности и/или формирование направленности на определенный вид деятельности, в частности специализацию по политологии.

В январе 2013 г. авторами монографии был проведен опрос. Из общего количества студентов, обучающихся по специальности «Политология», для исследования были отобраны 73 человека, из них 44 лиценциата и 29 магистров, в том числе 35 девушек и 38 юношей в возрасте от 19 до 26 лет. При этом использовался метод закрытого анкетирования. Анкета включала в себя около 80 вопросов по различным аспектам формирования и развития политологических сообществ Молдовы. За основу был взят перечень вопросов, используемый в аналогичном исследовании мнений представителей политологических сообществ Украины. Часть вопросов была переформати-

рована с учетом реалий и особенностей социально-политической жизни Молдовы. Для более эффективного общения с респондентами соблюдались следующие принципы: информационное согласие, защита психологического равновесия, принятие личных идей респондентов, обеспечение анонимности индивидуальных ответов.

В процессе проведения опроса были выявлены некоторые недостатки, такие как, ограничение возможности выбора студентами только одного варианта ответа, усложненность формулировок некоторых вопросов.

Можно отметить, что многие респонденты исследуемых групп указали на недостаточность использования такого варианта ответа, как «Другое», поскольку в этом варианте ответов были высказаны интересные и заслуживающие внимания предложения.

Следует подчеркнуть, что умение самостоятельно ориентироваться в мире политики способствует более эффективному использованию навыков для демократического реформирования политической системы общества. Из стоящих перед Молдовой проблем студенты добавили такие: необходимость деполитизации всех органов государства, воспитание толерантности в обществе, улучшение качества всей системы образования и формирование политической культуры граждан.

§ 1. Профессиональная самоидентификация студентов-политологов: общие тенденции

Процесс подготовки современных специалистов в области политологии в соответствии с европейскими стандартами образования предполагает, прежде всего, определение уровня самостоятельности и осознанности выбора студентами этой специализации, а также устойчивости интереса к ней. Поэтому одной из задач нашего исследования становится анализ устойчивости интереса студентов к избранной специализации и/или степень их профессиональной самоидентификации.

В ходе реализации поставленной задачи рассматривались следующие вопросы:

- явился ли выбор специализации «Политология» сознательным или сделан под чьим-либо влиянием;
- упрочился ли и/или, напротив, снизился интерес студентов к будущей профессии в процессе учебы на факультете;
- намереваются ли студенты после окончания второго уровня обучения совершенствовать свои знания в аспирантуре.

Для выявления степени осознанности выбора специализации по политологии студентам был задан вопрос относительно того, когда они приняли решение стать политологами. Ответы студентов распределились следую-

щим образом: 41 % приняли это решение еще во время учебы в школе, а 34 % утвердились в своем выборе уже в период обучения в вузе. Беспокойство вызывает тот факт, что 16 % респондентов заявили, что до сих пор еще не приняли окончательного решения стать политологом. В своем варианте ответа («Другое») студенты высказали опасение, что не смогут найти работу по специальности, так как не имеют навыков и достаточного практического опыта (рис. 4.1).

Наша гипотеза о недостаточно сознательном выборе специальности находит свое развитие и подтверждение в результатах оценки студентами уровня их подготовки в период учебы в лицеях. Больше половины респондентов (57 %) считают, что школьная подготовка слабая, и ее явно недостаточно для обучения на факультете политологии. Хотя, как можно судить по результатам опроса, на политологическую специализацию поступают учащиеся с достаточно высоким средним баллом оценки знаний, так как 11 % респондентов заявили, что учились в лицее на отличные оценки, 83 % получали хорошие отметки и лишь 6 % учились удовлетворительно.

Здесь находит отражение факт падения общего уровня современного школьного образования, которое становится все более ограниченным и односторонним и не способствует развитию общей культуры личности обучаемого. Но, поступив на избранную специализацию, студенты стремятся учиться хорошо, так как 15 % из числа респондентов заявили, что учатся на оценку «отлично», 74 % – на «хорошо», и только 11 % – на «удовлетворительно». Можно предположить, что студенты-политологи мотивированы желанием достичь высоких результатов в карьерном росте и поэтому стремятся учиться хорошо.

В качестве проверочного студентам был задан вопрос о правильности выбора профессии, на который были получены следующие ответы: 50 % студентов первого уровня образования полностью убеждены в правильности своего выбора и еще 35 % согласны с утверждением, что это правильный выбор. Лишь 15 % студентов заявили, что необдуманно поступили в выборе профессии. Надо отметить, что уверенность студентов в правильности выбора специализации сменяется в процессе учебы в вузе более реалистическим отношением к данному вопросу. Студенты второй ступени обучения уже менее уверены в правильности выбора специальности, так как только 17 % магистров абсолютно убеждены в правильности своего выбора и еще 50 % отмечают, что такой выбор скорее всего правильный. Таким образом, половина магистров сомневаются в своем выборе. Тревожным является признание 29 % студентов второго уровня образования, которые считают, что сделали вероятнее всего неправильный выбор, а 4 % магистров полностью убеждены, что сделали неправильный выбор.

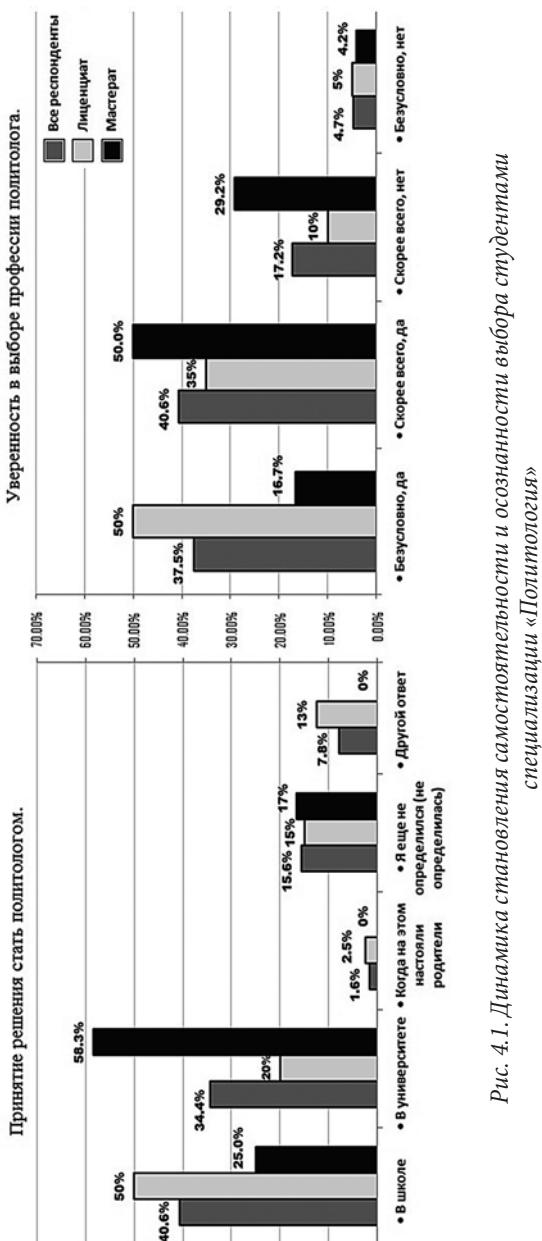

Рис. 4.1. Динамика становления самостоятельности и осознанности выбора студентами специализации «Политология»

Напрашивается вывод: почти половина студентов сделали выбор специализации «Политология» не осознанно, а под влиянием каких-либо случайных факторов. И только в процессе накопления знаний по специальности у студентов начинают формироваться более объективные представления и осознанное отношение к избранной профессии.

В то же время на вопрос, кто оказал наибольшее влияние на студентов при выборе профессии, 73 % респондентов отметили, что это был их самостоятельный выбор, 17 % указали, что на выбор профессии повлияли их родители, и лишь 10 % сообщили, что поступили на политологический факультет под влиянием сверстников. Это свидетельствует о том, что выбор профессии политолога в большинстве случаев был сделан студентами не случайно, а обдуманно, на основе самостоятельного выбора.

Но накопление специальных знаний в период обучения в вузе выступает серьезным испытанием для студентов, так как количество планирующих после завершения обучения работать преподавателями политологии и/или имиджмейкерами, консультантами, политтехнологами значительно снижается по мере приближения окончания срока учебы. На вопрос о том, будут ли студенты работать по специальности после окончания вуза, лишь 39 % респондентов ответили утвердительно. При этом 8 % заявили, что не будут работать в качестве политолога и почти половина, 48 %, затруднились ответить. К тому же эти цифры качественно меняются от первого до выпускного курса, так как меньше половины, 48 % студентов-лицензиатов, убеждены, что будут работать политологами, а среди магистров таковых уже остается только 25 %. Возможно, одной из причин такого положения дел является отсутствие мотивации к профессии у студентов, а также то, что ожидания студентов не подкрепляются практикой их трудоустройства, многие из них не находят работу по специальности и остаются невостребованными.

В качестве еще одного индикатора правильности и осознанности выбора студентами специальности «Политология» можно рассматривать их желание дальнейшего совершенствования по своей специальности в научном плане. В ходе опроса было выявлено, что лишь небольшое число студентов планируют получить научную степень. На вопрос о том, будут ли студенты поступать в аспирантуру по специальности по окончании вуза, получены противоречивые данные. Студенты первой ступени обучения настроены весьма оптимистично, так как больше половины из них, 55 %, отвечают утвердительно и лишь 15% студентов-бакалавров не собираются продолжать учебу. В то же время о своем желании учиться в аспирантуре заявили лишь 38% студентов второй ступени обучения и столько же (38%) магистров не собираются продолжать учебу (рис. 4.2). Оптимизм студентов-бакалавров можно объяснить тем, что их представления об избранной специальности еще весьма далеки

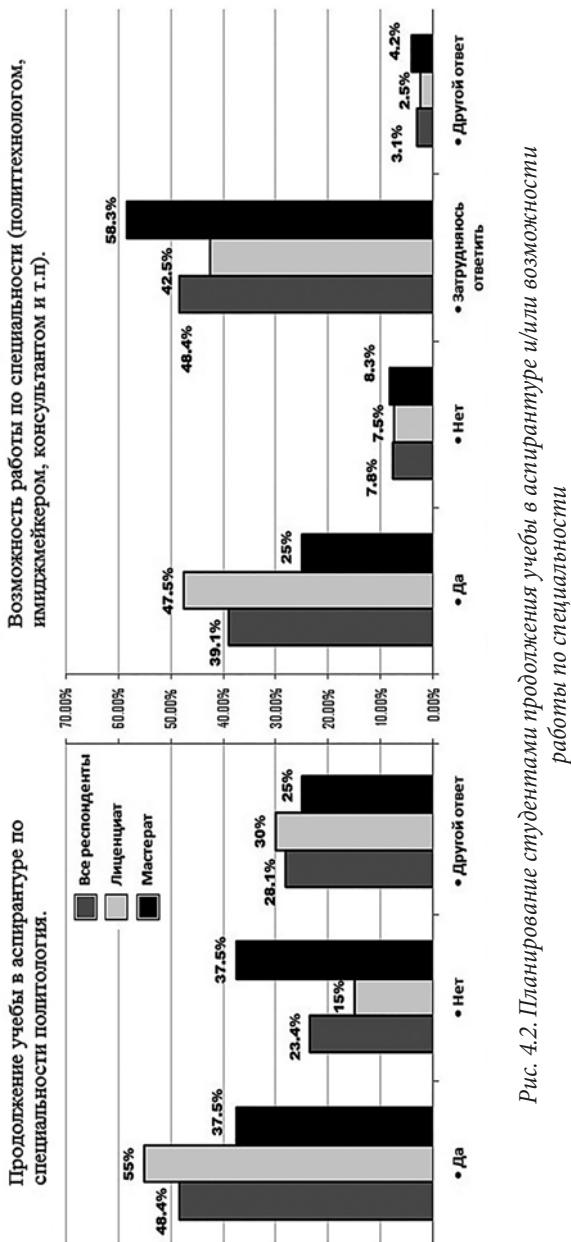

Рис. 4.2. Планирование студентами продолжения учебы в аспирантуре и/или возможности работы по специальности

от реальности, а нежелание магистров продолжать учебу в аспирантуре и совершенствовать свои знания связано с необходимостью решения многих практических и жизненно важных проблем.

Весьма неожиданным был выбор студентами наиболее престижных профессий в Молдове. Результаты опроса заставляют задуматься, с чем связан такой выбор, так как на первое место они поставили профессию врача (87,5 %), на второе – юриста (84,4 %), на третье – политика (79,7 %). Далее следуют менеджеры высшего звена (76,6 %), преподаватели вузов (68,7 %), предприниматели (67,2%) (табл. 4.1). Возможно, студенты-политологи проявили аксиологический подход в оценке профессий и посчитали деятельность врача благородной, так как представители этой профессии спасают человеческие жизни, возвращая людей к активной общественной деятельности. К тому же специалисты в области медицины всегда востребованы в обществе, принося реальную помощь пациентам.

Таблица 4.1. Оценки студентов престижности профессий по 7-балльной шкале, %

Профессия	Ранг	1	2	3	4	5	6	7	Всего	Балл 5, 6, 7
Юристы	II	0	4,7	3,1	7,8	18,8	29,7	35,9	100	84,4
Политики	III	0	6,2	7,8	6,3	18,8	15,6	45,3	100	79,7
Менеджеры высшего звена	IV	1,6	3,1	10,9	7,8	34,4	15,6	26,6	100	76,6
Журналисты	VII	3,1	9,4	17,2	12,5	23,4	25,0	9,4	100	57,8
Военные	VIII	11,0	10,9	18,7	23,4	11,0	7,8	17,2	100	36,0
Священники	IX	15,6	18,8	12,5	23,4	14,1	10,9	4,7	100	29,7
Предприниматели	VI	3,1	4,7	10,9	14,1	20,3	28,1	18,8	100	67,2
Врачи	I	0	1,6	7,8	3,1	9,4	28,1	50,0	100	87,5
Преподаватели вузов	V	6,2	9,4	9,4	6,3	23,4	15,6	29,7	100	68,7

Большинство студентов-политологов осознают свою ответственность и обязательства перед обществом. В мотивах выбора профессии у них присутствует и явно превалирует желание быть полезными людям. Они осознают, что от политиков ждут конкретных, реальных действий, способствующих улучшению качества жизни. Предварительно отметим, что специализация «Политология» является востребованной в вузах Республики Молдовы. На политологические специальности поступают достаточно хорошо подготовленные студенты, которые и в вузе продолжают ответственно относиться к учебе. Выбор профессии политолога студенты принимают на основе самостоятельного осознанного решения.

**§ 2. Профессиональная самоидентификация
студентов-политологов: определение уровня
удовлетворенности качеством обучения, оценка
и/или отношение к организации процесса образования
по специальности**

Образование – это двусторонний процесс, качество которого зависит как от повышения уровня преподавания, так и от изменения отношения студентов к лекциям и их познавательной ценности. Для изучения качества преподавания и оценки организации системы обучения по специальности «Политология» студентам было предложено поразмышлять над следующими вопросами:

- считают ли они политологию наукой;
- вызывают ли интерес читаемые им курсы по политологическим дисциплинам;
- соответствует ли содержание преподаваемых теоретических курсов практическим задачам будущей профессии;
- удовлетворяет ли их качество преподавания и система оценки знаний.

По результатам опроса большинство студентов, как из числа лицензиатов, так и магистров (61 % респондентов), считают политологию наукой, ничем не уступающей другим наукам. Такая оценка свидетельствует об осознании студентами ее значимости как современной самостоятельной области знания и важности той роли, которую она выполняет наряду с философией, социологией, культурологией и другими дисциплинами в процессе гуманитаризации высшего образования и развития у студентов гражданской компетентности. Политология помогает студентам понять реальные социально-политические процессы, происходящие в их регионе, стране и мире. Роль политологии как науки важна еще и потому, что способствует формированию творческого, самостоятельного мышления, а главное, преодолению стереотипов, стандартов и идеологических оценок, навязываемых политическими партиями и их лидерами.

Следует отметить, что с накоплением информации и углублением знаний возрастают убежденность студентов второй ступени обучения в том, что политология, безусловно, является наукой (63 %) и скорее всего наукой (29 %). Примерно те же результаты показывает опрос студентов-бакалавров (соответственно 60 и 20 %).

В связи с таким подходом показательно и отношение студентов к оценке содержательности читаемых им курсов. Преобладающее большинство респондентов (78 %) убеждены в том, что содержание преподаваемых им университетских курсов соответствует всем требованиям, предъявляемым к

профессии современного политолога. Это также подтверждает их оценку значимости политологии как науки. Однако необходимо отметить, что мнение студентов-бакалавров (82 %) существенно отличается от мнения студентов-магистров (71 %), что свидетельствует об ответственном отношении к учебе и влиянии политологических дисциплин на развитие критического характера мышления студентов, накоплении ими знаний и жизненного опыта (рис. 4.3).

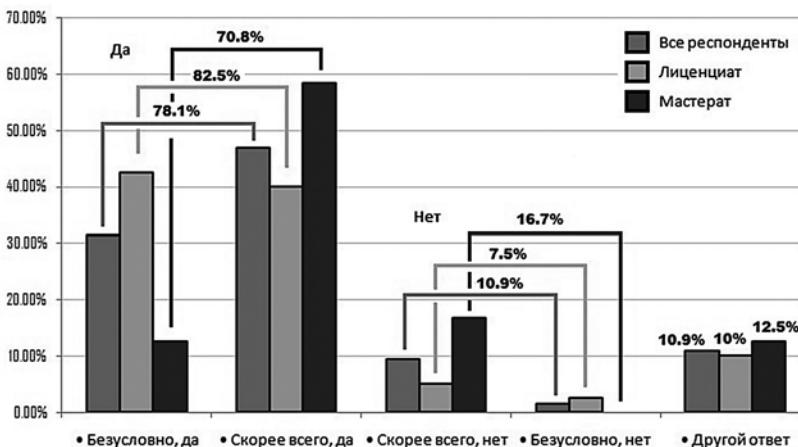

Рис. 4.3. Оценка соответствия содержания вузовских учебных курсов (лекций и семинаров) требованиям, предъявляемым к профессии современного политолога

При ответе на вопрос, вызывают ли различные учебные курсы по специальности постоянный интерес, констатируем, что большинство респондентов (62 %) заявили, что читаемые им курсы актуальны и интересны. Здесь проявилась следующая пропорция: 55 % студентов-бакалавров, 75 % магистров, что также свидетельствует о накоплении знаний, развитии самостоятельности мышления, социализации личности и формировании убежденности в правильности выбора профессии. Таким образом, сам процесс обучения, накопление и переработка получаемой научной информации обеспечивают студентам возможность более осознанно воспринимать изучаемый материал по различным политологическим дисциплинам.

О достаточно высоком уровне самостоятельного мышления наглядно свидетельствует также и то, что 60 % студентов убеждены в том, что нельзя получать отличные оценки, содержательно не понимая изучаемый материал. В то же время нельзя не отметить и тревожный факт, формирующийся в процессе

адаптации к студенческой жизни и накопления социального опыта: такая убежденность значительно ослабевает к старшим курсам. Из опроса явствует, что процент студентов, считающих, что можно получать отличные оценки без осмыслиния материала, среди магистров значительно возрастает (25 %) в сравнении с лицензиатами, количество которых намного меньше (15 %).

О значительном интересе к учебе по специальности свидетельствуют и результаты ответа на вопрос, как часто студентам бывает скучно во время лекций. Лишь 25 % респондентов ответили, что им не интересно на лекциях постоянно, и/или довольно часто, и/или даже скучно. На наш взгляд, эти данные уточняют результаты опроса студентов об их интересе к политологическим дисциплинам, так как 68 % студентов первого цикла и 79 % второго цикла обучения утверждают, что им не скучно на лекциях.

Для выяснения отношения и/или оценки удовлетворенности качеством организации процесса обучения, в анкете было предложено:

- оценить компетентность преподавательского состава кафедры политологии;
- охарактеризовать отношение преподавателей к возможности свободного выражения студентами собственной точки зрения;
- раскрыть уровень самооценки и оценки знаний сокурсников.

Следует уточнить, что оценивать качество преподавания политологических дисциплин было предложено студентам второй ступени обучения, так как они уже прошли достаточную адаптацию в процессе изучения политологических дисциплин и обрели определенный запас знаний. Как показали результаты опроса, больше половины студентов (62,5 %) считают, что преподавательский состав кафедры политологии высококвалифицированный, а еще 25 % высказали мнение, что часть преподавателей компетентны в отдельных частных вопросах. Только 12 % студентов ставят под сомнение компетентность преподавателей кафедры политологии: 4 % из общего числа опрошенных считают, что преподаватели абсолютно не компетентны в своей области знаний, а 8 % полагают, что они некомпетентны по частным вопросам (рис. 4.4). Таким образом, подавляющее большинство студентов удовлетворены уровнем подготовленности преподавательского состава кафедры политологии, главной целью которой является осуществление профессиональной подготовки, воспитание гражданского духа и создание нового политического класса Республики Молдова.

На вопрос, устраивает ли студентов интеллектуальный уровень однокурсников, большинство респондентов ответили утвердительно, так как 64 % достаточно высоко оценивают знания своих сокурсников в области политологии. Но на уточняющий вопрос, какова доля студентов в группе, интеллектуальный уровень которых позволяет им анализировать политику с научной точки зрения, уже только 36 % респондентов считают, что это

большинство, а 53 % – что только некоторые проявляют активный интерес к политической сфере и имеют необходимые способности для успешной деятельности в этой области. На наш взгляд, здесь нет противоречия – это свидетельствует об ответственном отношении к оценке своего интеллектуального уровня и способностей своих сокурсников.

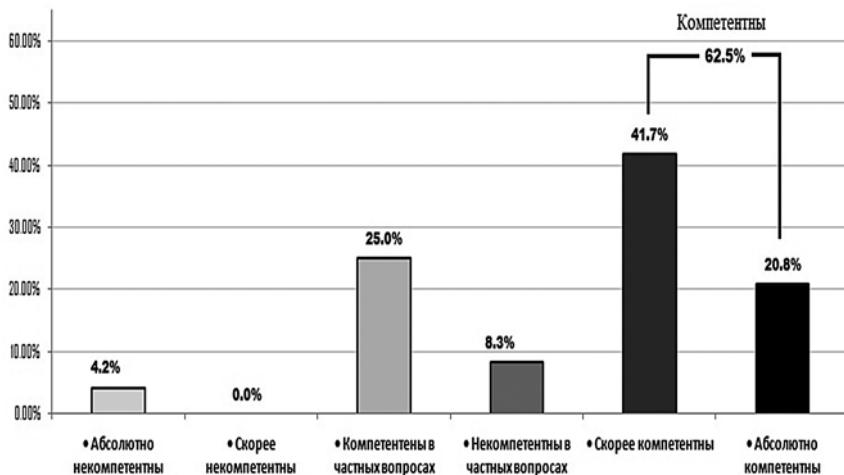

Рис. 4.4. Оценка удовлетворенности студентами качества преподавания по специальности «Политология»

О достаточно высоком качестве обучения и организации процесса образования можно судить по возможности свободного выражения студентами самостоятельного мнения на лекциях и семинарах. Как отмечают студенты, преподаватели не только не запрещают, а, напротив, поощряют инакомыслие. Поэтому только 20 % респондентов опасались высказывать самостоятельные суждения из-за боязни негативной реакции со стороны преподавателей. Большинство же студентов (56 %) заявляют, что преподаватели поощряют на занятиях инакомыслие и нонконформизм, и эта величина стабильна как среди бакалавров (55 %), так и среди магистров (58 %). Можно констатировать, что в целом процесс обучения политологов ориентирован на поощрение высказывания самостоятельного мнения студентов, что, в свою очередь, развивает креативность мышления и способствует формированию толерантности к другим точкам зрения.

В этом контексте результаты ответа на вопрос о возможности выражения самостоятельной точки зрения, невзирая на негативную реакцию со стороны других студентов, показывают различный уровень самооценки

студентов и оценки подготовленности своих сокурсников и/или их соотношение (рис. 4.5). Студенты первого уровня образования еще не самостоятельны и остерегаются выражать свое мнение (25 %) в группе, то есть студенты первых курсов не только не обладают достаточным объемом знаний по специальности, но и психологически не готовы к отстаиванию своего мнения. Магистры более уверены в себе и в меньшей степени зависят от мнения однокурсников: только 8 % часто избегают выражать свое мнение.

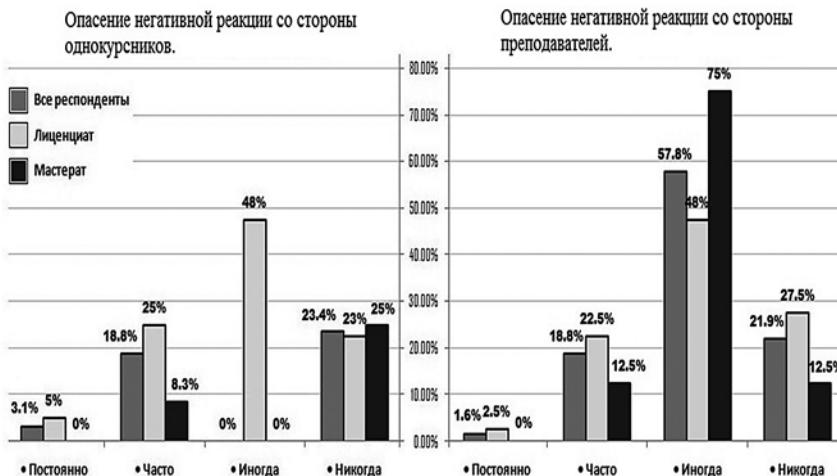

Рис. 4.5. Оценка возможности свободного выражения самостоятельного мнения студентами на лекциях и семинарах

При этом мы попытались уточнить, какой именно негативной реакции студенты опасаются больше всего – со стороны преподавателей или со стороны однокурсников. Как оказалось, большинство респондентов указали на возможность падения и/или потери своего имиджа среди однокурсников (41 %) и боязнь стать объектом насмешки (29 %). Также студенты опасались, что их коллеги, являясь членами определенных партий, будут резко реагировать на критику. Возможно, это объясняется жесткой конкуренцией между студентами и недостаточностью знаний, а также психологической неуверенностью (рис. 4.6).

В то же время на вопрос, не боятся ли студенты выразить самостоятельное суждение по причине возможной негативной реакции со стороны преподавателей, большинство респондентов ответили отрицательно, при этом постоянно и часто боятся выразить свое мнение 20 % студентов. Примечательно, что на уточняющий вопрос, какой разновидности негатив-

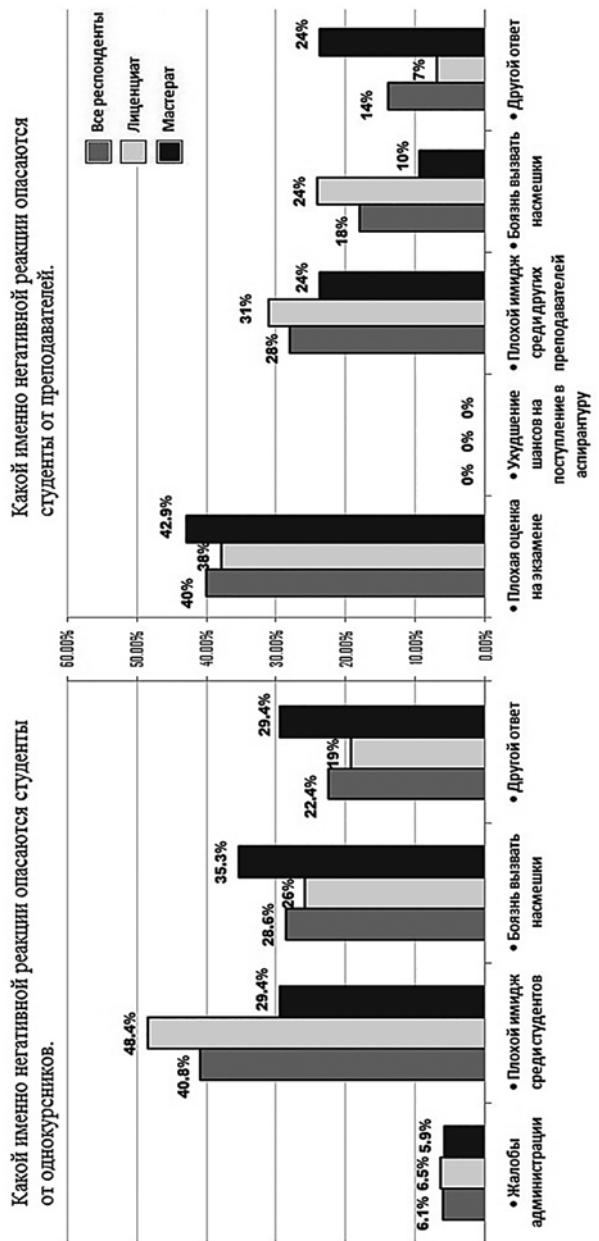

Рис. 4.6. Сравнительный анализ негативной реакции, которой страдают от преподавателей и/или однокурсников

ной реакции со стороны преподавателей студенты не хотели бы больше всего, 40 % респондентов назвали получение плохой оценки на экзамене, 28 % опасаются формирования отрицательного имиджа у преподавателей и 18 % боятся вызвать насмешки. Такие результаты свидетельствуют о том, что студенты серьезно опасаются снизить и/или потерять свой авторитет, ожидая негативной оценки и/или реакции как со стороны преподавателей, так и со стороны сокурсников.

Следует признать, что авторитет преподавателя все же довлеет над мнением студентов, что не мотивирует их к самостоятельному мышлению. Связано это и с тем, что у студентов недостаточно развита культура ведения полемики, вследствие чего они еще не владеют умением отстаивать свою точку зрения, лишь только 22 % респондентов заявили, что не боятся свободно выражать свою точку зрения по всем вопросам. По нашему мнению, в процессе образования преподавателям не следует допускать политизации учебного процесса и/или не манипулировать сознанием студентов в любых политических целях. Это не означает, что у преподавателей не может быть собственного мнения о политической жизни страны, но они обязаны способствовать формированию самостоятельного мнения у студентов, учить их аргументировать и отстаивать собственную точку зрения.

Студентам самим было предложено составить перечень названий научных трудов, которые они считают обязательными для изучения всеми политологами независимо от их специализации. Список текстов включает достаточно большое количество работ (70 источников), что свидетельствует об устойчивом интересе респондентов к избранной специализации. Это работы по истории философии, истории политологии и теории политики, современные политологические исследования как иностранных, так и отечественных авторов. Представляется важным, как и в какой последовательности были размещены предложенные тексты.

На первое место была поставлен труд «Государь» выдающегося итальянского мыслителя эпохи Возрождения Николо Макиавелли, идеи которой являются весьма актуальными для анализа многих политических событий современной эпохи, на второе – «Государство» великого мыслителя Древней Греции Платона, лейтмотивом которой выступает создание идеального, справедливого государства, и на третье – «Политика» древнегреческого философа Аристотеля, в которой классифицируются и категориально определяются формы государственного правления. На наш взгляд, предпочтение, отданное этим трем источникам, не случайно и связано со стремлением молодых людей осмысливать современные социально-политические процессы с целью их подлинно рационального реформирования, противоположного современной практике политических деятелей и государственных руководителей многих стран. На четвертом месте оказалась работа выдающегося

немецкого социолога Макса Вебера «Политика как призвание и профессия», что свидетельствует о целенаправленности устремлений студентов и их желании достичь высоких результатов в избранной специальности. Пятое место заняла работа французского социального психолога Гюстава Лебона «Психология масс», что также подтверждает стремление студентов содержательно познавать политические процессы, происходящие в обществе, а не скользить по их поверхности и упрощать.

Среди следующих обязательных для изучения источников студентами были названы: молдавское периодическое издание «Moldoscopie», в котором представлены статьи политологов, обсуждающих современные политические реалии Молдовы; работа основоположника теории научного коммунизма Карла Маркса «Капитал»; Конституция Республики Молдова; работа французского политического и государственного деятеля Алексиса де Токвилья «Демократия в Америке»; работа итальянского и американского политолога Джованни Сартори «Вертикальная демократия»; работа современного американского политолога Роберта Даля «Демократия и ее критики».

Примечательно следующее обстоятельство: интерес студентов связан со стремлением уяснить суть, основные особенности и конкретные характерные признаки демократии как наиболее распространенной формы правления современной цивилизации. При этом они считают необходимым ознакомиться с установками и принципами социалистической теории марксизма. На наш взгляд, это можно объяснить растущим интересом западной культуры к социально ориентированной политике, экономике, экологии и другим сферам общества.

§ 3. Идеологическая и политическая самоидентификация студентов-политологов: общие тенденции

Одной из задач исследования было выявление идеологических предпочтений молдавских студентов-политологов и/или уровень их идеологической и политической самоидентификации. Реализуя поставленные цели, мы опирались на ряд предварительных гипотез.

Во-первых, преобладающее большинство студентов-политологов отдают свои предпочтения либеральной и национал-демократической идеологии и поддерживают политические партии этого направления.

Во-вторых, политическая самоидентификация студентов должна в основном совпадать с политическими предпочтениями и/или политической пассивностью населения Молдовы в целом.

В-третьих, допускалось, что идеологическая самоидентификация студентов-политологов в определенной степени зависит от социально-классовых, гендерных, этнических и других релевантных параметров.

Анализируя идеологические предпочтения студентов политологов, необходимо пояснить, что современная партийная система в Республике Молдова далека от стабильности как с точки зрения количества политических акторов и/или их избирательного веса, так и с точки зрения сбалансированности и уравновешенности партийной системы в контексте «левого-правого» политического спектра.

Политические партии Республики Молдова можно условно разделить на две категории. Первая группа ориентируется на европейскую интеграцию страны, сюда относятся три партии: либерально-демократическая, либеральная и демократическая. Эти партии образовали на основе своих фракций в парламенте Молдовы в настоящее время правящий Альянс за европейскую интеграцию. Вторая группа ориентируется в основном на политику взаимодействия с Россией и странами СНГ. Среди них несколько малочисленных партий, но ведущее положение занимает партия коммунистов Молдовы. Опыт последних 20 лет партийного развития наглядно свидетельствует о том, что молдавская партийно-политическая система не стабильна, смешена в сторону левого фронта и характеризуется доминированием в ней Партии коммунистов [322].

Как известно, политические партии в подлинном смысле этого слова возникают и существуют лишь тогда, когда само общество достигает соответствующего уровня социально-политической дифференциации и/или когда социальные слои и группы более или менее ясно осознают свои интересы. Прежде всего, для этого необходима институционализация заинтересованных социальных групп, объединений, ассоциаций и других составляющих гражданского общества. В Молдове в настоящий период отсутствует стабильная политическая система, поэтому сам политический процесс протекает как бы при отсутствии интеграции и взаимопонимания между его участниками, нет необходимого консенсуса касательно общих целей и средств их достижения, общепринятых правил политической игры. Непрекращающиеся острые политические дискуссии многочисленных партий и их лидеров не способствуют стабилизации политических процессов в Молдове, а главное, результативности в принятии политических решений. Следовательно, в Республике Молдова в лучшем случае только начинается формирование политической системы и инфраструктуры гражданского общества, которое создает условия для становления политических партий, движений, объединений и организаций, способных представлять их интересы в структурах власти.

Для определения политической самоидентификации студентам был задан вопрос о том, существуют ли, по их мнению, какие-либо серьезные различия между молдавскими политическими партиями. Ответы распределились следующим образом: 59 % полагают, что существенных различий

между партиями нет, а 41 % считают, что некоторые определенные отличия наличествуют. При этом если 50 % студентов первого уровня обучения убеждены, что существуют такие различия, то среди магистров такого же мнения придерживаются только 25 %. Следовательно, 75 % магистров не видят существенных различий между молдавскими политическими партиями.

В этом контексте для выявления степени идеологической самоидентификации студентов-политологов спросили, какие идеологии им более близки. Результаты опроса мнений показали, что среди представителей этой специализации преобладают либеральные политические взгляды, так как большинство из них, 41 %, респондентов заявили, что придерживаются либеральных взглядов, 28 % – социал-демократических, 5 % – социалистических, 5 % – коммунистических. Национал-демократическая идеология близка 11 % респондентов и христианско-демократическая – 6 %. В сумме ответы по идеологиям дают больше 100 %, поскольку респонденты могли выбирать несколько позиций (табл. 4.2).

Таблица 4.2. Идеологические предпочтения молдавских студентов, учащихся по специальности «Политология», %

Идеология	Все респонденты	Девушки	Юноши	Лицензиат	Мастерат
Коммунистическая	4,7	3,2	6,0	2,5	8,3
Социалистическая	4,7	6,5	3,0	5,0	4,2
Социал-демократическая	28,1	35,5	21,2	17,5	45,8
Зеленые	1,6	0	3,0	2,5	0
Либеральная	40,6	38,7	42,4	35,0	50,0
Христианско-демократическая	6,3	9,7	3,0	7,5	4,2
Национально-демократическая	10,9	6,5	15,2	12,5	8,3
Националистическая	3,1	0	6,0	5,0	0
Другая (консервативная)	1,6	0	3,0	0	4,2
Ни одна вообще	4,7	6,5	3,0	7,5	0
Окончательно не определился	3,1	3,2	3,0	5,0	0
Не разбираюсь в этих течениях	0	0	0	0	0

Для того чтобы выявить, насколько последовательны студенты в своем выборе политической партии и/или идеологии, было предложено выбрать, что является для них более важным: свобода или равенство. При этом пояснялось, что под свободой понимается возможность для каждого человека жить и развиваться на основе удовлетворения личных интересов и/или потребностей без принуждения со стороны общества, а под равенством подразумевается недопустимость кому бы то ни было иметь различные привилегии, а разница между классами и/или слоями общества должна быть незначительной.

Больше половины всех участников опроса, 51 % студентов, выделили свободу более значимой ценностью, чем равенство, которое выбрали 32 % студентов, и лишь 16 % из их числа выбрали и то, и другое. Показательно то, что в качестве основной социальной ценности свобода была выделена подавляющим большинством студентов (72 %), придерживающихся либеральной политической ориентации, и только 20 % из их числа указали на равенство. 52 % студентов-политологов, ассоциирующих себя с социал-демократической идеологией, выделили равенство в качестве более важной социальной ценности, а на свободу из их числа указали только 33 % респондентов.

Как видим, в оценке значимости свободы и равенства студенты и либеральной, и социал-демократической ориентации осознанно следуют принципам выбранных идеологий (рис. 4.7).

На наш взгляд, преобладание влияния либеральной идеологии среди студентов можно объяснить тем, что студенты-политологи связывают политику и идеологию либерализма, прежде всего, с ее доминирующим принципом свободы деятельности личности и развития бизнеса и считают, что именно она способствует развитию экономики страны в условиях свободного рынка.

Исходя из анализа результатов проведенного опроса, можно сделать вывод, что либеральная идеология – одна из самых (если не самая) востребованных среди студентов Республики Молдова в настоящее время. Однако по результатам опроса, проведенного в июле 2013 г. Национальным демократическим институтом (NDI), либеральная идеология поддерживается лишь 20 % всего населения Молдовы [191]. Привлекает внимание и тот факт, что в среде студенческой молодежи факультета политологии весьма высока поддержка национал-демократической и христианско-демократической идеологий, хотя ее популярность у электорального населения Молдовы весьма низкая – 2 %, вследствие чего во время парламентских выборов 2009–2010 гг. Христианско-демократическая народная партия не преодолела избирательный порог и не прошла в парламент [125].

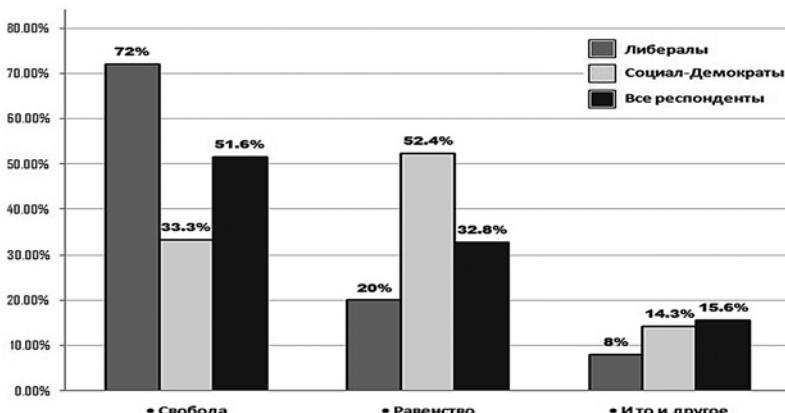

Рис. 4.7. Отношение студентов-политологов, последователей либеральной и социал-демократической идеологии, к выбору свободы и/или равенства в качестве базовых социальных ценностей

Особенно большое расхождение наблюдается между идеологическими предпочтениями студентов и избирателей в отношении к партии коммунистов и коммунистической идеологии. Только 5 % студентов придерживаются этой идеологии, в то время как у населения Молдовы ее влияние достаточно велико – 30 %. Но одновременно, как среди студентов, так и среди избирателей, растет популярность Демократической партии Молдовы, которая строит свою деятельность на основе социал-демократических ценностей. По последним данным, социал-демократическая идеология близка 9 % населения [191].

Результаты опроса студентов-политологов показали, что большинство очень и/или в большой мере интересуются политикой: таковых 70 % респондентов, из них 68 % бакалавров. Среди студентов второй ступени обучения этот показатель еще выше и составляет 75 % респондентов. При этом 28 % студентов интересуются политикой в определенной мере, совсем не интересуются лишь 2 %. Следовательно, специальность «Политология» студенты выбирают сознательно и обдуманно. Этот вывод подтверждают и результаты ответов на вопросы, в каком возрасте студенты стали интересоваться политикой и какими источниками информации пользуются при этом. Оказалось, что студенты, выбравшие в качестве своей специализации политологию, начали интересоваться политикой в среднем в возрасте 16 лет (юноши – в 15 лет, а девушки – в 17 лет). На вопрос о том, какими источниками информации они пользуются для того, чтобы узнать о политических событиях, большинство опрошенных (73 %) заявили, что получают инфор-

мацию из интернета, 19 % – по телевидению и 6 % респондентов – из газет и журналов.

Студенты-политологи также заявляют о своей готовности активно участвовать в различных политических акциях. Так, на вопрос, будут ли они голосовать на предстоящих парламентских выборах, большинство респондентов (86 %) ответили утвердительно. При этом студенты второй ступени обучения показали еще более высокий уровень гражданской активности, так как 96 % из числа магистров убеждены, что пойдут голосовать. Среди магистров также не оказалось ни одного студента, который сказал бы, что не пойдет на выборы. Активное участие студентов в гражданской деятельности способствует получению практических навыков по специальности. Отвечая на вопрос, в каких видах гражданской деятельности участвовали студенты, 86 % респондентов указали, что голосовали на выборах. Это свидетельствует о том, что студенты-политологи осознают выборы как важнейший компонент современной политики. Кроме этого, 39 % респондентов указали на участие в демонстрациях. В графе «Другое» многие из них отметили, что не имели возможности другими способами заставить коммунистическую власть (2001–2008 гг.) прислушаться к их мнению. Распространяли агитационные материалы по идеяным соображениям 28 % респондентов и 6 % – по меркантильным соображениям. По 14 % респондентов писали письма в печатные СМИ и работали в качестве политических консультантов. Никогда не участвовали ни в каких политических акциях только 5 % студентов.

Необходимо отметить, что либеральные взгляды, которых придерживаются молдавские студенты, существенно отличаются от либерализма в его существенном содержании, предполагающем акцентирование, развитие и/или защиту экономической и политической свободы, что выражается принципом классического либерализма: «минимум государства – максимум рынка». В ходе опроса студентам было предложено показать степень своего согласия и/или несогласия с основными позициями либеральной идеологии. Результаты и обобщения их ответов мы объединили и распределили по сферам их приложения, выделив 4 блока:

- экономический, ориентированный на различные аспекты и/или модели экономического развития общества;
- социальный, включающий вопросы прав граждан и/или свободу стилей жизни и поведения;
- этнический, охватывающий характеристики и/или проблемы различных форм и видов дискриминации в обществе;
- аксиологический, представляющий разнообразные способы и/или пути формирования духовных ориентаций личности и общечеловеческих ценностей.

При этом использовался компартиативный метод анализа мнений студентов – приверженцев либеральной и социал-демократической идеологий.

Экономическая сфера выполняет определяющую функцию в развитии современного общества, поскольку обеспечивает благосостояние и свободную деятельность людей. Как известно, основными принципами либерализма в экономике являются приоритет собственности над политикой, отсутствие государственного контроля и вмешательства в дела бизнеса, свободная конкуренция как возможность для всех желающих принять участие в различных рыночных структурах (рис. 4.8).

В этом контексте студентам было предложено выразить свое отношение к утверждению, должно ли правительство страны создавать условия, обеспечивающие граждан работой, что, надо отметить, по сути, противоречит установкам либеральной идеологии. Подавляющее большинство студентов, придерживающихся либеральной ориентации, 72 %, полностью согласны с такой постановкой вопроса, и только 16 % студентов действительно придерживаются позиции либерализма. Для сравнения: доля студентов социал-демократической ориентации, полностью согласных с этим утверждением, – 57 %.

Напрашивается вывод: студенты – приверженцы социал-демократической идеологии, в данном вопросе выражают более либеральные взгляды, чем позиционирующие себя последователями либеральной идеологии. Однако не наблюдается большого различия в оценках студентами деятельности правительства по уменьшению разницы в доходах бедных и богатых слоев населения, так как соответственно 40 и 43 % из обеих групп полностью согласны с этим утверждением.

Ответы на вопрос, должно ли правительство вмешиваться в регулирование и деятельность бизнеса, показали кардинальные различия в мнениях участников опроса. Большинство студентов-либералов, 64 %, полностью с этим согласны, в то время как только 34 % студентов социал-демократов поддерживают такую стратегию. Отметим, что в отношении к этому аспекту понимания либерализма мнения студентов резко разделились и по гендерному признаку, так как студенты мужского пола в большей степени (60 % vs. 45 % женщин) склоняются к тому, что правительство не должно вмешиваться в дела бизнеса.

Обращает внимание и единодушная поддержка роли конкуренции как важнейшего регулятора современной рыночной экономики. С этим абсолютно согласны большинство студентов, придерживающихся разных идеологий: полностью и/или частично согласны 80 % либерально настроенных студентов и 71 % студентов социал-демократической ориентации. При этом также наблюдается существенное различие в гендерном измерении этого утверждения. Только 18 % студентов согласны с тем, что конкуренция при-

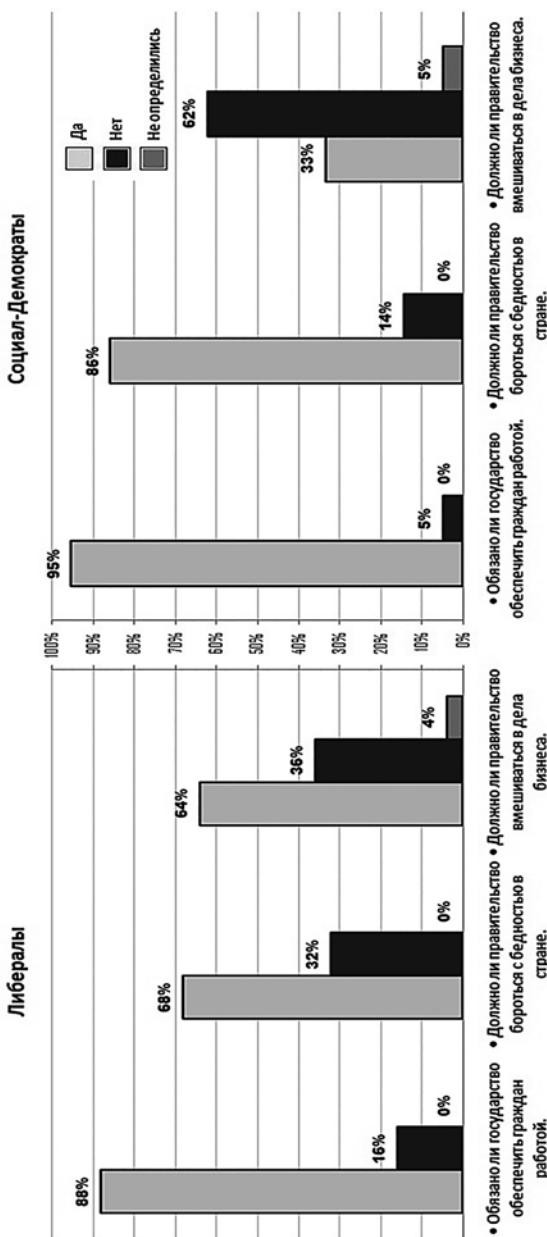

Рис. 4.8. Показатели отношения студентов «либералов» и «социал-демократов» к экономической сфере, ориентированной на различные аспекты и/или модели экономического развития общества

носит вред, в то время как доля студенток, придерживающихся этого мнения, составляет 36 %.

Социальная сфера – это область общественных отношений, в которой наиболее ярко проявляются специфические и/или качественные особенности понимания либерализма студентами (рис. 4.9). Наглядно это проявилось в их отношении к гомосексуальному стилю жизни.

Среди студентов-либералов, категорически не признающих этот стиль жизни, таковых практически половина – 48 %, частично и полностью согласных – соответственно 16 и 8 % респондентов. В гендерном измерении с утверждением, что гомосексуализм является таким же приемлемым стилем жизни, как и гетеросексуализм, согласны 35 % женщин, и 18 % мужчин. Это объясняется, на наш взгляд, низким уровнем в молдавском обществе в целом терпимости к чужому образу жизни, поведению, обычаям, мнениям. Однако нельзя не заметить, что сексуальная толерантность в Молдове не является запретной темой, она, скорее, не вызывает значимого общественного интереса. В большинстве случаев обсуждение этих вопросов навязывается обществу искусственно, что и объясняет в определенной степени результаты проведенного нами опроса. Среди студентов социал-демократов расклад мнений примерно одинаков с мнениями либералов: 43 % не признают гомосексуальный стиль жизни, а частично и/или полностью признают соответственно 24 и 10 %. Как видим, в рассматриваемом деликатном вопросе студенты, придерживающиеся социал-демократических ценностей, проявляют больше толерантности, чем либералы.

С правом женщины на прерывание беременности согласны 58 % из общего числа респондентов, из них 39 % мужчин. Среди студентов-либералов с таким подходом 28 % полностью согласны 28 % и частично согласны 28 %, а среди социал-демократов – соответственно 33 и 19 %. Возможно, такое соотношение мнений объясняется растущей эмансипацией женщин в молдавском обществе и/или приверженностью студентов религиозным ценностям православия, то есть преобладающей религии региона.

К возможности совместного проживания семейной пары без вступления в брак преобладающее большинство студентов более толерантны в сравнении с отношением к гомосексуальному стилю жизни. Полностью согласны с возможностью совместного проживания без заключения брака 64 % студентов, выражающих либеральные взгляды, и 81 % студентов, придерживающихся социал-демократической идеологии. Как видим, последние значительно более терпимы в этом вопросе, чем приверженцы либеральной идеологии. Среди мужчин и женщин этот показатель примерно одинаков, соответственно 72 и 65 %, но более низкий процент женщин можно объяснить тем, что они осознают нестабильность таких отношений, а главное, ответственность за судьбу детей, рожденных в таком «незаконном» браке. В

целом, наблюдаемое отношение к институту семьи и брака в среде молдавских студентов объясняется тем, что в современном обществе, и молдавском в частности, происходит смена парадигмы системы духовных ценностей.

Этническая сфера включает в себя различные уровни и срезы социальной, национальной, духовной жизни общества. В современном мире формируются различные общности людей по национальности, общим увлечениям и интересам, но порой в них наблюдается такое явление, как неготовность и нежелание считаться с чужим мнением. Республика Молдова традиционно является государством, где совместно проживают этнические группы, несущие в себе не только культурные, но даже цивилизационные отличия.

В связи с этим студентам-политологам был задан вопрос о статусе государственного языка в Республике Молдова. Из общего числа студентов, которые идентифицировали себя с либеральной идеологией, 92 % считают, что в Молдове должен быть один государственный язык – язык титульной нации. Следует отметить, что это не является проявлением нетерпимости по отношению к языкам других национальностей, такая установка связана со стремлением защитить и сохранить язык как базовую национальную ценность. Такого же мнения придерживаются 66 % студентов социал-демократической ориентации.

Нельзя не отметить изменения в динамике представлений о роли и/или статусе языка, так как 95 % студентов первой ступени образования и 88 % студентов второй ступени выступают за то, чтобы в Молдове был один государственный язык. Такое положение дел объясняется, во-первых, тем, что магистры более ответственно подходят к решению этой сложнейшей этносоциальной проблемы, а во-вторых, тем, что 95 % респондентов, участвующих в опросе, являются представителями титульной нации и стремятся отстаивать интересы национального большинства.

Следующим важным аспектом этого блока проблем является признание наличия дискриминации в обществе по этническим признакам. В этом контексте студентам был задан вопрос о существовании этнической дискриминации и проявлений расизма. Больше половины из общего числа опрошенных студентов, придерживающихся обеих идеологических ориентаций, соответственно 64 % либералов и 61 % социал-демократов, признают наличие фактов неравного отношения к различным этническим группам в молдавском обществе. Важно отметить, что преобладающее большинство студентов, 88 % либералов и 86 % социал-демократов, убеждены, что никто не должен иметь преференций на основе пола, расового или этнического происхождения при поступлении в вуз и/или на работу. Среди мужчин доля тех, кто категорически не допускает возможность каких-либо привилегий, составляет 79 %, а среди женщин эта доля еще выше – 90 %. Отсюда сле-

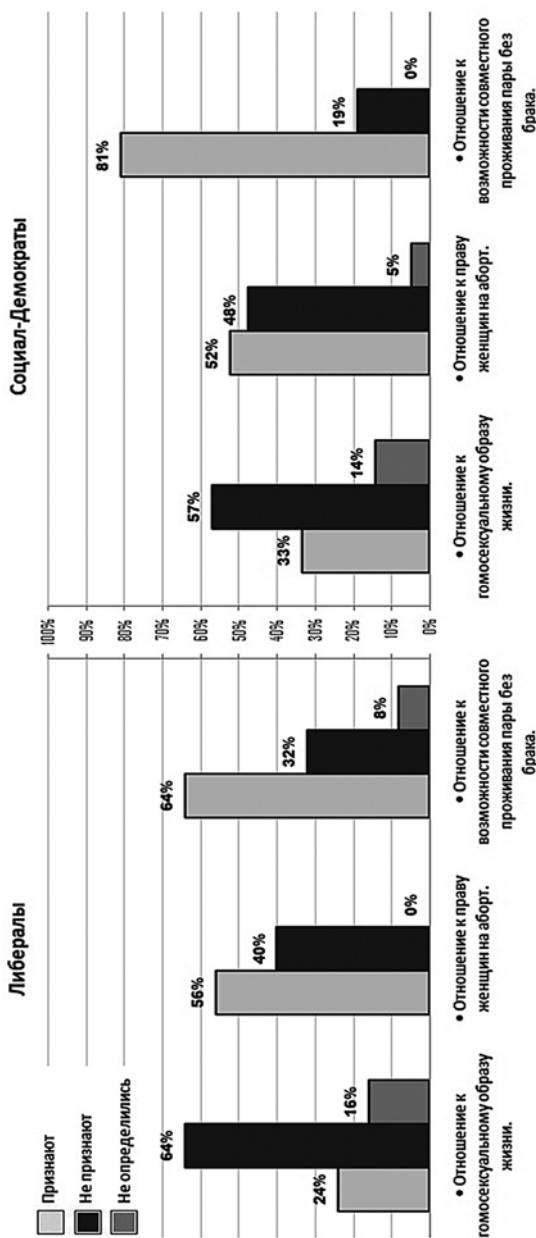

Рис. 4.9. Отношение студентов «либералов» и «социал-демократов» к социальной сфере, включющей вопросы прав граждан и/или свободу стиля жизни и поведения

дует, что система образования на политологических специальностях в Молдове способствует формированию установок, норм и ценностей, соответствующих направленности и принципам европейской культуры.

Аксиологическая сфера включает в себя характеристики и/или набор ценностных ориентаций, которые находят реальное воплощение в культуре личности и мировоззрении и/или могут служить ориентиром и моделью поведения в сложных или неопределенных ситуациях. В этом плане студентам было предложено выразить свое согласие и/или несогласие с утверждением, что каждый человек может достичь успеха в Молдове при наличии трудолюбия и упорства. Большинство студентов, придерживающихся позиции либерализма, 80 %, а также 57 % из числа сторонников социал-демократии согласны с такой постановкой вопроса. При этом среди бакалавров таковых 78 %, а среди магистров – 67 %; по гендерному измерению: мужчин – 79 %, женщин – 67 %. Здесь нашла отражение, на наш взгляд, такая базовая традиционно-национальная ценность народа Молдовы, как установка на трудолюбие.

Можно отметить также, что результаты опроса свидетельствуют о готовности молдавских студентов к кардинальным переменам в обществе и/или о том, что они приветствуют возможность новых начинаний. Преобладающее большинство как либерально настроенных студентов (92 %), так и социал-демократической ориентации (85 %) придерживаются такой установки. В то же время нельзя не указать, что такие категории респондентов, как магистры, сторонники социал-демократической идеологии и женщины, проявляют себя более консервативно в этом вопросе. Возможно, это связано как с накоплением жизненного опыта, так и с перипетиями современного этапа развития молдавского общества.

Поликультурное пространство общества предполагает формирование чувства собственного достоинства, умения оценивать себя и других людей. В связи с этим студентам было предложено оценить утверждение, должно ли высшее образование быть ориентированным на поощрение прежде всего самых одаренных студентов, даже за счет всех остальных. 68 % либерально настроенной группы студентов и 62 % социал-демократов заявили, что они согласны с таким утверждением. Свое согласие с таким подходом выразили 67 % мужчин и 74 % женщин. На наш взгляд, это отрадный факт, свидетельствующий о том, что студенты ратуют и/или выступают за продвижение талантливых индивидов во всех сферах общества.

§ 4. Идеологическая самоидентификация студентов-политологов: социальные ориентиры и/или предпочтения

Идеологическая самоидентификация и социальные ориентиры студентов-политологов в современных условиях формируются под доминирующим влиянием выбора европейского или пророссийского вектора цивилизационного развития Республики Молдова. Институт развития и социальных инициатив (IDIS) «Viitorul» проводит опросы общественного мнения для выявления отношения к интеграционным процессам в стране. В исследовании 2011 г. на вопрос о том, за или против европейской интеграции голосовали бы граждане Республики Молдова, если бы выборы состоялись в следующее воскресенье, большинство респондентов (62 %) высказались за европейскую интеграцию [189]. На наш взгляд, европейская интеграция является необратимой стратегической целью как внешней, так и внутренней политики и/или приоритетным вектором развития Молдовы, поскольку европейский путь развития обеспечивает Молдове базу сотрудничества с ЕС в политической, экономической, коммерческой, юридически-правовой, культурно-научной областях и нацелен на поддержку страны в процессе:

- сохранения суверенитета и самостоятельности;
- развития и консолидации демократии и правового государства;
- соблюдения прав человека и меньшинств путем обеспечения соответствующих рамок политического диалога;
- эффективного развития экономики и завершения перехода к подлинно рыночным отношениям во всех сферах;
- углубления процесса реформирования всей системы юстиции;
- разработки стратегии укрепления диалога с гражданским обществом в ходе осуществления реформ;
- обеспечения свободы самовыражения и деятельности СМИ.

Поэтому не удивительно, что студенческая молодежь Молдовы, в том числе и/или в особенности студенты-политологи, отдает предпочтение европейскому вектору развития и европейской интеграции. На вопрос, по какому пути развития должна идти Молдова, большинство студентов (59 %) отвечают, что нужно интегрироваться в ЕС. В этом еще больше убеждены студенты-магистры – 71 % респондентов. К тому же 8 % из числа опрошенных студентов ратуют за то, чтобы налаживать устойчивые связи с развитыми государствами Запада. При этом 16 % из общего числа респондентов полагают, что нужно опираться на собственные ресурсы, укрепляя независимость, 9 % затруднились ответить на этот вопрос. Справедливости ради отметим: такой расклад мнений свидетельствует о том, что решение вопроса о путях и/или векторах социального развития Молдовы на современном

этапе представляет сложность не только для студентов-политологов, но и для политиков и государственных деятелей нашей страны.

В контексте рассмотрения проблемы выбора пути социального и цивилизационного развития Молдовы студенты должны были выразить свое отношение к международным субъектам, которые, по их мнению, способствуют развитию демократии в Молдове. Как показывают результаты опроса, преобладающее большинство всех респондентов (87 %) на первое место поставили Европейский Союз, второе место (72 %) было отдано Соединенным Штатам Америки, третье (42 %) – Организации Объединенных Наций. Далее были названы Румыния (34 % респондентов), военный блок НАТО (27 %), Международный валютный фонд (14 %).

Одновременно студентам было предложено распределить международные субъекты по степени их неспособствования развитию демократии в Республике Молдова. 58 % респондентов назвали страны Африки, 44 % – страны Южно-Азиатского региона (так называемые «азиатские тигры»), 41 % – Россию, 34 % – страны Южной Америки, 28 % – Украину, 27 % – СНГ. Здесь нельзя не отметить разочарование молдавских студентов-политологов в оценке роли и/или влияния стран-соседей нашего региона, таких как Россия и Украина, на политическую жизнь Молдовы. Рассматривая такой расклад мнений студентов в целом, можно выделить устойчивость их взглядов, связывающих будущее Молдовы с европейской интеграцией, а также их векторную направленность на западный, а не восточный, пророссийский путь цивилизационного развития.

Также студентам предлагалось оценить степень и/или значимость влияния различных субъектов социального действия (акторов) на политическую жизнь нашей страны. Результаты опроса показали, что, по мнению большинства (65 %), самыми влиятельными акторами являются политические партии и их лидеры; 52 % респондентов считают, что большое влияние на политическую жизнь оказывает крупный бизнес; третье место студенты отдают масс-медиа – 27 % респондентов. В качестве других субъектов социального действия, влияющих на политику, студенты назвали семейные и региональные кланы (17 %), международные правительственные организации (11 %), международные неправительственные организации (11 %). Следует отметить, что такой расклад мнений в целом достоверно отражает реальную политическую жизнь в Молдове, где наиболее влиятельными социальными субъектами выступают политические партии и средства массовой коммуникации.

Для уточнения данных студентам был задан вопрос: «Кто должен играть ведущую и/или определяющую роль в политической жизни Молдовы?» Большинство студентов (56 %) в качестве главного политического актора назвали политические партии, вторым влиятельным социальным актором

были указаны масс-медиа (22 % респондентов), третьим политическим игроком студенты (14 %) посчитали международные правительственные организации. Также была отмечена значимость таких организаций, как профсоюзы (9 %) и международные неправительственные организации (9 %). Студенты отметили необходимость влияния на политическую жизнь Молдовы как со стороны крупного (8 %), так и среднего и мелкого бизнеса (8 %).

Среди важных проблем социального спектра можно выделить такие, как наличие коррупции во всех сферах молдавского общества и способы борьбы с ней, бедность большинства населения и пути ее преодоления, социальное положение и социальная принадлежность студентов, материальное положение и доходы родителей, зависимость положения студентов от материального благосостояния семьи и др.

В связи с этим студентов спросили, какая социальная проблема в Молдове беспокоит их больше всего: 39 % респондентов указали на бедность, 36 % – на коррупцию в стране, 9 % – на дефицит демократии, 6 % – на приданье русскому языку статуса государственного языка, 5 % – на легитимность власти и 5 % – на решение приднестровского конфликта. При этом студенты второй ступени обучения выделили проблему коррупции в стране (50 % респондентов), а бедность поставили на второе место (37 %).

Проблемы коррупции в стране и бедности населения действительно весьма актуальны и болезненны для Молдовы. Согласно различным оценкам, Молдова продолжает оставаться одной из самых бедных стран Европы. По официальным данным, почти 60 % населения проживают за чертой абсолютной бедности, а 80 % – ниже прожиточного минимума. Поэтому студенты-политологи совершенно точно выделили эти две актуальнейшие остросоциальные проблемы, требующие своего кардинального и/или скрежета решения.

Студентам в ходе опроса было предложено определить свою социальную принадлежность. При этом 62 % студентов из общего числа опрошенных идентифицируют себя со средним классом, 25 % респондентов считают, что принадлежат к высшему классу, а 13 % студентов причисляют себя к рабочему классу. Эти данные можно сравнить с данными исследования, проведенного Ассоциацией социологов и демографов в январе 2012 г., согласно которым в молдавском обществе выделяются 2,0 % богатых, 34 % представителей среднего класса и 64 % бедных [191].

Для уточнения вопроса о социальной принадлежности студенты отвечали на вопрос о том, чем занимаются их родители. Большинство студентов, 56 %, указали, что их родители являются работниками по найму в различных организациях, предприятиях и фирмах. О том, что их родители занимаются частным предпринимательством, заявили 17 % студентов, 19 % сообщили, что их родители нигде не работают, а 8 % указали, что их родители рабо-

тают за пределами Молдовы. В анализе результатов ответов о социальной принадлежности студентов и занятости их родителей проявилось реальное противоречие, так как большинство студентов причислили себя к среднему и высшему классу, а по занятости родителей большинство заявляли, что они являются работниками по найму или вообще нигде не работают. Следует признать, что студенты не могут адекватно самоидентифицировать свой социальный статус.

В этом контексте студентов попросили оценить состояние доходов семьи и ответить на вопрос, превышает ли доход семьи 5000 лей на человека в месяц. Надо пояснить, что в Молдове указанная сумма дохода на одного члена семьи в месяц условно признана показателем достаточно высокого уровня обеспеченности семьи. Отвечая на него, 20 % респондентов указали, что доход семьи равняется указанной сумме, 55 % студентов отметили, что доход семьи не превышает сумму в 5000 лей в месяц, а 41 % из них – что доход семьи значительно ниже. При этом 14 % указали, что доход семьи превышает сумму в 5000 лей, но незначительно, а 11 % респондентов – что доход семьи значительно превышает 5000 лей. То есть больше половины студентов живут в семьях с невысоким уровнем дохода, но позиционируют себя как представителей среднего и высшего класса, выдавая желаемое за действительное.

Такие противоречия, на наш взгляд, объясняются, прежде всего, особенностями менталитета и ценностными ориентациями старшего поколения Молдовы. Это связано с тем, что, хотя доходы семьи могут быть довольно скромными, родители стремятся дать детям высшее образование, которое рассматривают как возможность получить достойную работу и приобрести более высокий социальный статус. Этот вывод в определенной мере подтверждается результатами ответа на вопрос, имеют ли родители студентов высшее образование: 22 % респондентов указали, что один или оба родителя имеют высшее образование в области социальных и гуманитарных наук, 33 % заявили, что один или оба родителя имеют высшее образование в области естественных и точных наук, у 14 % родители имеют и гуманитарное, и техническое образование, 31 % респондентов сообщили, что у их родителей нет высшего образования. Таким образом, 69 % родителей студентов имеют высшее образование, что, по нашему мнению, могло в большой степени оказать влияние на выбор будущей профессии.

Кроме того, на вопрос, мотивируют ли их родители на максимальный результат при достижении каких-либо целей, 42 % студентов ответили, что оба родителя влияют на них, 16 % – что в основном это влияние матери, и лишь 3 % респондентов указывают на влияние отца, при этом 39 % студентов заявили, что они полностью самостоятельны в достижении поставленных целей.

При ответе на вопрос, кто в большей мере обеспечивает материальное благополучие семьи, половина опрошенных студентов отмечают, что благосостояние семьи обеспечивают оба родителя, 25 % указали, что больше зарабатывает отец, и 20 % – мать; 5% респондентов заявили, что им помогают родственники. Следует отметить, что только 11 % студентов из числа опрошенных не зависят от родителей в материальном плане и обеспечивают себя самостоятельно. В значительной мере и/или полностью зависят материально от родителей большинство, 64 %, студентов. В то же время полную экономическую зависимость от родителей отмечают 53 % бакалавров и лишь 21 % магистров. Возможно, это объясняется тем, что студенты второго уровня обучения учатся в вечернее время, и это дает им возможность труда-устройства для самостоятельной оплаты учебы.

Таким образом, социальная самоидентификация студентов-политологов еще не сформировалась, так как большинство опрошенных пока не в состоянии адекватно оценить свою социальную принадлежность и материальное и социальное положение своей семьи, хотя постоянно пытаются позиционировать свою самостоятельность.

§ 5. Этносоциальная и национально-культурная самоидентификация студентов-политологов: общие тенденции и особенности

Как известно, становление и развитие общества и государства способствовало формированию особой исторической общности – нации, которая характеризуется социально-историческими особенностями возникновения, своеобразием экономического строя, географической среды, быта, традиций, уникальностью культуры [65]. Все это накладывает отпечаток на духовное своеобразие нации и/или формирует специфические черты национального характера и национального самосознания, что и делает нацию своеобразным историческим образованием. Культурная составляющая политики позволяет лучше понять природу мира политики, помыслы участвующих в ней субъектов, особенности функций политических институтов. В этом контексте была поставлена цель – раскрыть взаимовлияние идеологической, политической и культурно-этнической самоидентификации студентов-политологов Молдовы. Поэтому студентам был задан вопрос, к какой этнической группе они себя причисляют.

Результаты опроса оказались следующими: подавляющее большинство респондентов, 95 %, указали, что они являются представителями титульной нации, и лишь 5 % заявили, что являются представителями других национальностей: среди них русских 1,56 %, евреев – 1,56 и татар – 1,56 %.

На уточняющий вопрос о том, принадлежат ли опрошенные студенты к национальному меньшинству, 5 % ответили положительно, что подтверждает результаты предыдущего опроса.

Необходимо пояснить, что обучение на факультетах по специальности «Политология» в вузах Молдовы осуществляется только на государственном языке, которым не владеют представители национальных меньшинств. Поэтому на вопрос, следует ли вводить квоту для представителей этнических меньшинств Молдовы, чтобы они могли получить образование по специальности «политолог», 91 % респондентов ответили, что этого делать не следует. Такое отношение студентов отражает сложившуюся и пока неразрешенную проблему современного положения нацменьшинств в Республике Молдова, представители которых не имеют возможности учиться для получения профессии политолога. На наш взгляд, это является результатом недальновидной политики в области образования и не способствует созданию толерантности в межнациональных отношениях.

Поскольку в опросе участвовало преобладающее большинство представителей титульной нации Молдовы, на последующий вопрос, какое влияние окажет введение квоты для студентов – представителей этнических меньшинств, 42 % респондентов заявили, что не следует вводить такие квоты, потому что это никак не повлияет на общий уровень академической успеваемости. Это мнение еще более упрочивается по мере накопления знаний и/или жизненного опыта студентов, так как из общего числа респондентов в этом убеждены только 35 % бакалавров и 54 % магистров, что и подтверждает наше предположение. Студенты, как представители титульной нации, не считают нужным, тем более необходимым, предоставление студентам – представителям нацменьшинств возможности получения политологической специализации.

Не наблюдается также устойчивой корреляции между политическими убеждениями и этнокультурными установками студентов, поскольку на вопрос, влияет ли этническая принадлежность на политические взгляды студентов, 36 % респондентов ответили, что очень влияет, 30 % заявили, что влияет, но не существенно, и 34 % считают, что абсолютно не влияет. Подавляющее большинство респондентов заявляют, что их этническая принадлежность объективно не влияет на политическую самоидентификацию. Но при ответе на вопрос, должен ли президент Молдовы обязательно принадлежать к титульной нации, большинство респондентов, 61 %, ответили утвердительно и лишь 22 % респондентов высказали мнение, что это не имеет никакого значения. При этом мнение студентов первого уровня обучения существенно отличается от мнения студентов-магистров, а именно 70 % бакалавров считают, что президент страны должен быть представителем титульной нации, но этого же мнения придерживаются только 46 % магистров.

Мнение, что это желательно, но не обязательно, высказали 12,5 % бакалавров и 25 % магистров. Это не имеет никакого значения, по убеждению 17,5 % бакалавров и 29 % магистров, что наглядно свидетельствует о динамике развития взглядов студентов.

Таким образом, и в этом аспекте этносоциальной самоидентификации проявляется неустойчивость и/или нестабильность идеологических представлений студентов-политологов.

Важнейшим фактором, влияющим на культуру этноса, бесспорно, является религия, которая в современном политизированном обществе, в свою очередь, тесно связана с идеологией и политикой. На вопрос, к какой религиозной конфессии они принадлежат, преобладающее большинство, 91 %, ответили, что они православные, 2 % – протестанты, 2 % – католики, 3 % – атеисты, 2 % – буддисты. Но главное внимание исследования направлено на выяснение отношения студентов к религии, в связи с чем студентам был задан вопрос, насколько важна и/или влиятельна религия в жизни студентов. Мнения бакалавров и магистров разделились: 40 % бакалавров и лишь 21 % магистров заявили, что религия очень важна в их жизни, и /или совсем не важна для 20 % бакалавров и 12 % магистров. В определенной степени религия важна для 40 % бакалавров и 67 % магистров.

Таким образом, по мере накопления знаний во время учебы по специальности студенты становятся менее категоричны в своих суждениях и оценках значимости религии в жизни общества и более толерантны в отношении к различным религиям и вероисповеданиям. Посещают церковь раз в неделю или даже чаще лишь 3 % бакалавров и 4 % магистров, раз или два в месяц – 31 %, несколько раз в год, особенно по праздникам, – 38 % респондентов; редко или никогда – 28 % студентов. В целом же студенты-политологи относятся к религии нейтрально, особенно оценивая ее позицию по отношению к политике, и рассматривают ее, прежде всего, как важнейшую базовую ценность молдавской культуры, сохраняющей и передающей национальные и общечеловеческие ценности.

Не наблюдается также устойчивой корреляции между политическими убеждениями, религиозной верой и этнокультурными установками студентов-политологов, поскольку на вопрос, влияет ли этническая принадлежность на политические взгляды студентов, 36 % респондентов ответили, что очень влияет, 30 % заявили, что влияет, но не определяющим образом, 24 % респондентов считают, что не оказывает никакого влияния. Подобное отношение проявилось и в ответе на вопросы, влияют ли их религиозные убеждения на политические взгляды, и интересуются ли они, участвуя в различных выборах, религиозными убеждениями кандидатов. При ответе на первый из них большинство респондентов, 62 %, заявили, что абсолютно не влияют, из них 52 % бакалавров и 79 % магистров; 28 % респондентов считают, что

влияют, но не существенно; 5 % студентов высказали мнение, что влияют определяющим образом, и 5 %, что влияют достаточно сильно. О том, что голосуя на выборах, они никогда не интересуются, какие религиозные убеждения у кандидатов, заявило 55 % опрошенных студентов, интересуются в отдельных случаях – 34 %, всегда интересуются – 11 % респондентов.

В то же время нельзя не обратить внимание на следующее обстоятельство. Отвечая на вопрос, должен ли президент Молдовы в обязательном порядке принадлежать к доминирующей в государстве религиозной конфессии, 38 % студентов высказали мнение, что должен обязательно, столько же считают, что это желательно, но не обязательно, и только 25 % респондентов убеждены, что это не имеет никакого значения. Отметим также, что по этому поводу мнения бакалавров и магистров также расходятся, так как 48 % бакалавров считают, что религиозные убеждения президента должны совпадать с религиозными убеждениями большинства избирателей, и только 21 % магистров согласны с этим. Анализируя эти результаты, следует признать, что студенты пока не выходят на глубинный уровень анализа места и роли религии в современном мире, так как не усматривают существенных связей, взаимоотношений и/или взаимовлияний между религией и политикой в современном молдавском обществе.

В этом же контексте студентам было предложено указать, существует ли в их вузе дискриминация по религиозным и/или политическим взглядам, признаку пола, сексуальной ориентации и/или этническому происхождению. Большинство студентов, 92 %, ответили, что вообще не было случаев дискриминации и такого отношения к себе они не ощущали, но 8 % респондентов признали, что подвергались разного рода дискриминации. Следует уточнить, что из 8 % студентов, признавших, что были случаи дискриминации, многие указали, что основной причиной дискриминационного отношения к ним являются их политические взгляды и/или этническое происхождение, а не гендерные различия и/или сексуальная ориентация. Таким образом, случаи дискриминации, к сожалению, проявляются в образовательном процессе специальности «Политология», но не являются систематической проблемой и решаются в каждом конкретном случае.

Одним из наиболее распространенных видов дискриминации в современном обществе является дискриминация по гендерному признаку. Следует признать, что молдавское общество не является исключением в этом плане, поскольку в таких сферах общества, как политика, предпринимательство, менеджмент и др., традиционно считающихся мужскими, представительницы слабого пола чаще подвергаются дискриминации. Однако результаты нашего исследования свидетельствуют об обратном. Складывается мнение, что отношение к студенткам лучше, чем к студентам, а большинство, 86 %, респондентов заявили, что отношение к ним равное.

§ 6. Влияние социально-этнических, религиозных и гендерных факторов на выбор специальности политолога

В рамках данного проекта в мае – июне 2013 г. нами было проведено интервьюирование кандидатов и докторов политических наук Молдовы. Использованный метод – полуструктурированное интервью, включающее 60 вопросов по различным аспектам генезиса, стратегии и перспектив развития политологических наук. Некоторым респондентам были заданы дополнительные вопросы, ответы на которые мы также рассматривали как важные и значимые. В интервью приняли участие 12 респондентов, все граждане Республики Молдова, из них 7 кандидатов политических наук, 5 докторов политических наук. Защищили кандидатскую диссертацию в возрасте от 27 до 35 лет 3 респондента, от 36 до 45 лет – 3, свыше 46 лет – 1 респондент. Защищили докторскую диссертацию в возрасте 44–45 лет 2 респондента, в 54–56 лет – 2, в 68 лет – 1. Национальность: молдаван – 10, русский – 1, болгарин – 1. Уроженцы Молдовы – 11 респондентов, один человек родился в Украине. У половины респондентов родители по профессии учителя, преподаватели, инженеры, у остальных – рабочие. В интервьюировании участвовали 5 женщин и 7 мужчин. Возраст: от 30 до 40 лет – 3, от 41 до 50 лет – 4, от 51 до 60 лет – 2, свыше 61 года – 3.

Представленные интервью содержат обширную и разнообразную информацию по исследуемой проблеме, которая является отражением переходного периода общественного развития Республики Молдова, сложного времени трансформации и становления общественно-гуманитарных наук и/или политологии в частности, а также срезом многообразия человеческих судеб, стратегий индивидуального и общественного развития. Осуществление такого количества интервью было обусловлено рядом обстоятельств:

- необходимостью получения более полной и обстоятельной информации;
- стремлением соблюсти необходимые и/или достаточные параметры респондентской представительности, обусловленной целями исследования;
- для проведения глубоких по содержанию интервью был использован план, разработанный украинскими коллегами, участвующими в данном проекте;
- план интервью был доработан, расширен, переведен на румынский язык, так как интервью осуществлялось на двух языках: русском и румынском.

Главной задачей настоящего исследования является рассмотрение условий становления и/или институционализации политологической науки в Молдове. Применительно к любой науке и/или научной дисциплине это означает решение как чисто научно-теоретических, так и сугубо практических проблем представителей той и/или иной научной специализации.

К числу таковых, на наш взгляд, относятся:

- приобретение, развитие и упрочение научного и интеллектуального авторитета как в среде научного сообщества, так и в социальной жизни страны;
- удовлетворенность результатами своей деятельности;
- необходимость установления демаркации избранной научной области в системе наук;
- возможность автономизации и/или независимости научной деятельности от внешнего (политического) вмешательства;
- поступательное расширение своего карьерного роста.

Применительно к политологии как науке в процессе реализации различных аспектов обозначенных проблем мы считали важным рассмотрение и/или изучение широкого круга вопросов – от влияния социальных, политических, религиозных, гендерных, этнических факторов на выбор специализации политолога и на становление молдавских политологов как специалистов-профессионалов в этой области до анализа отношения, стратегий и/или участия представителей политологических сообществ Молдовы в научно-исследовательской работе, преподавательской, публичной и административной деятельности.

В целях настоящего исследования представляется необходимым со-
ставление социально-демографического портрета представителей полито-
логического сообщества преподавателей и ученых Молдовы и рассмотрение
влияния всего комплекса социально-демографических, религиозных,
этнических факторов на становление их как специалистов в области полито-
логии (табл. 4.3). Можно отметить, что из 12 респондентов, кроме одного
(Р. 2), все уроженцы Молдовы, при этом все родились и воспитывались в
советский период развития молдавского общества. На основании этих дан-
ных можно сделать вывод, который подтверждается и официальной стати-
стикой: в основном преподавательский состав вузов Молдовы пока уком-
плектован кадрами, подготовленными советской системой образования, хотя 4 респондента из общего числа участников интервью обучались в вузе
и аспирантуре нового образца в соответствии с требованиями Болонского
процесса. К примеру, Р. 12 сообщает, что «окончил гимназию, после чего был
среди первых, кто сдавал экзамены на бакалавра. Далее последовал факуль-
тет политических наук и аспирантура».

Социальное происхождение участников опроса охватывает все слои молдавского общества. Половина респондентов – из семей рабочих и кре-
стьян. Р. 6 сообщает: «Папа – простой рабочий из объединения “Водока-
нал”»; Р. 10: «Я из семьи рабочих»; Р. 8: «Мои родители крестьяне, они пер-
выми вступили в колхоз и работали на полях». У шести респондентов один
или оба родителя – учителя, преподаватели, экономисты, врачи, инженеры.

Таблица 4.3. Социально-этнические и демографические параметры респондентов

Респондент	Возраст (лет)	Пол	Национальность	Профессия родителей	Ученая степень
P. 1	40	М	Молдаванин	Мать – учительница, отец – юрист	Кандидат наук
P. 2	74	М	Русский	Мать – учительница, отец – кадровый офицер	Доктор хабилитат
P. 3	72	Ж	Молдаванка	Мать – учительница, отец – учитель	Кандидат наук
P. 4	49	Ж	Молдаванка	Мать – учительница, отец – учитель	Кандидат наук
P. 5	46	М	Молдаванин	Мать – экономист, отец – завхоз	Доктор хабилитат
P. 6	34	Ж	Молдаванка	Мать – врач, отец – рабочий	Кандидат наук
P. 7	58	М	Молдаванин	Мать – учительница, отец – учитель	Доктор хабилитат
P. 8	67	М	Молдаванин	Мать – крестьянка, отец – крестьянин	Доктор хабилитат
P. 9	49	Ж	Молдаванка	Мать – преподаватель, отец – рабочий	Кандидат наук
P. 10	60	Ж	Молдаванка	Мать – рабочая, отец – рабочий	Доктор хабилитат
P. 11	30	М	Болгарин	Мать – фармацевт, отец – инженер	Кандидат наук
P. 12	33	М	Молдаванин	Мать – служащая, отец – служащий	Кандидат наук

Несмотря на различия в социальном происхождении, большинство респондентов ответили, что на их выбор профессии политолога родители мало влияли, и это было осуществлением их самостоятельных стремлений. К примеру, Р. 6 сообщает: «Мои родители дали мне свободу выбора. Они сказали: “Выбирай любую специальность, мы тебя будем поддерживать”». При этом многие отмечают: хотя непосредственного влияния семьи на выбор профессии и специальности не было, в семьях будущих преподавателей-политологов был культ книги и хорошее воспитание. Р. 8 рассказывает: «Нельзя сказать, что родители оказали влияние на мой профессиональный выбор, но они дали мне очень хорошее воспитание. Воспитание и влияние школы». Р. 5: «Родители выписывали журналы и газеты. Наверное, это оказало влияние на то, что полученное мною воспитание помогло мне и с профессиональным выбором, по окончании средней школы я выбрал историю, а потом политологию и международные отношения».

В то же время несколько респондентов заявили, что именно семья оказалась влияние на выбор специальности. Так, Р. 9 отмечает: «Семья оказала большое влияние на мой профессиональный выбор. Моя мама, дядя, двоюродные брат и сестра занимались этой профессией. Влияние родственников очень большое. Я знала, что буду поступать в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, на философский факультет».

Как уже отмечалось, все участники опроса по этническому происхождению молдаване, кроме двух респондентов – одного русского и одного болгарина. Всем было предложено охарактеризовать значение и/или влияние этнического происхождения на их жизнь, образование и возможность свободного выбора профессии. Следует признать, что диапазон ответов оказался весьма разнообразным, как в известной поговорке: «Сколько людей, столько и мнений»: «Никакого значения не имеет» (Р. 5); «Я придерживаюсь мнения моего преподавателя, который на лекциях говорил, что “до того, как быть болгарином, гагаузом, румыном, молдаванином, мы все – люди”» (Р. 6); «Я никогда не думал об этом. Я считаю, могут быть счастливы все этнические группы, любой человек, любого этнического происхождения. Я не считаю это важным фактором в плане занятия наукой» (Р. 8); «Этническое происхождение, вероятно, важно для каждого человека» (Р. 12); «Мое происхождение (болгарин. – Авт.) обязало меня знать несколько языков» (Р. 11); «Я родился и вырос в городе, где преобладало русское население, поэтому чувствовал определенную дискриминацию» (Р. 1).

В то же время на уточняющий вопрос, связаны ли профессиональные интересы респондентов с их этническим происхождением, большинство опрошенных, без всяких оговорок, заявили, что не связаны никаким образом. К примеру, Р. 5 утверждает: «Нет, этническое происхождение не связано с профессиональными интересами, это зависит от других факторов». Только Р. 11 отметил: «Да, моя диссертация основана на опыте политических конфликтов в Республике Молдова. В ней я отразил и положение этнических болгар, их культурной автономии. Так что здесь мое “Я” было перенесено в научную работу». Таким образом, для большинства респондентов их этническое происхождение не является чем-то препятствующим получению и развитию их образования и свободно выбранной профессии.

Участникам интервью было предложено охарактеризовать также свое отношение к религии как элементу индивидуальной веры и мировоззрения, а также раскрыть, если они это считают возможным, степень влияния религиозных убеждений на их профессиональную деятельность. Восемь респондентов ответили, что они религиозны и верят в Бога. При этом все придерживаются православной традиции, но церковь посещают время от времени, в основном во время православных праздников: «Да, я религиозный человек. Я православная, вера у меня с детства. Мои родные так меня воспитали» (Р. 3);

«Да, я – религиозный человек. Для меня вера – это опора, это такая сила, которая поможет все превзойти» (Р. 6). Четыре респондента заявили, что они атеисты. В этом отношении показателен ответ Р. 7: «Нет, только в силу каких-то обстоятельств могу оказаться в церкви. Могу покреститься, но не думаю, что от этого выиграет церковь или пострадает мой атеизм, или, наоборот, атеизм возгордится, что я не крещусь. Просто я не крещусь». А также Р. 10: «Я вышла из того времени, когда атеизм был просто философией жизни».

Однако все респонденты заявили, что стараются соблюдать религиозные праздники и посещать богослужения в церкви, хотя делают это не регулярно: «Нет, посещаю не часто. Но делаю это тогда, когда появляется потребность души» (Р. 10); «По праздникам, на Рождество, Пасху, а вот пост держу всегда» (Р. 6); «Не часто посещаю, но думаю, что большое количество людей, которые сегодня уважают христианские каноны, делают это по мере возможностей» (Р. 12).

По вопросу о влиянии религиозных убеждений на политические взгляды и/или профессиональную деятельность мнения респондентов разделились практически поровну. При этом каждая из сторон приводит свою аргументацию: «Влияют, на профессиональную деятельность – гуманизм. На политические предпочтения также, потому что Иисус Христос учил, что все люди братья» (Р. 3); «Один мой коллега сказал, что сегодня нельзя быть гуманистом, не прочитав Библию. На современных христианских ценностях основано современное гражданское и политическое общество» (Р. 11); «Да, в какой-то мере влияют. Например, на политические взгляды есть какое-то влияние моих религиозных предпочтений» (Р. 6). В то же время есть категорические заявления: «Не влияют, ни в коем случае» (Р. 5); «Я бы не сказал, так как то, что характеризует политику и политологию как науку, – это парадигма» (Р. 8); «Я не думаю, что мои религиозные убеждения влияют на профессиональную деятельность» (Р. 1).

Как видим, практически все участники опроса уважительно относятся к религии как базовой основе ценностей духовной культуры молдавского общества, многие соблюдают важнейшие религиозные праздники и отмечают влияние религии как источника общечеловеческих ценностей на политическую жизнь общества, но особого и/или определяющего влияния на их профессиональную деятельность политологов не признают.

Респондентам было предложено поделиться своим отношением к гендерному вопросу и его воздействию и/или влиянию на профессиональную деятельность политологов Молдовы. В этой связи было предложено рассказать о своем студенческом опыте во время учебы в вузе: ощущали ли студенты разницу в отношении к себе по сравнению со студентками в процессе обучения в вузе. Все без исключения заявили, что никакой разницы не ощущали: «Я не могу утверждать, что существует какое-то различие между

студентами» (Р. 1); «Очень интересный вопрос. Честно говоря, я не чувствовала особой разницы. Единственное отличие – молодые люди проходили военную подготовку, а девушки проходили обучение по гражданской обороне по специальности “медсестра”» (Р. 4); «На мой взгляд, такого отличия нет» (Р. 7); «Когда я был студентом, я не ощущал разницы. Не было такого, чтобы кто-то из преподавателей симпатизировал девушке» (Р. 8). Но при этом многие высказали суждение, что разница все же есть, но только в отношении самих студентов и студенток к учебе, так как студентки более старательны и ответственно готовятся к семинарам, стараются выполнить все задания, предлагаемые преподавателем, а студенты-мужчины значительно меньше настроены на учебу. Р.10 дополняет это общее мнение своим личным опытом: «В 90-е годы, когда была создана специализация по политологии, на нее поступали преимущественно студенты-мужчины, они составляли 2/3 от общего числа поступивших учиться. Уже с 2000 г. установилось равенство, далее семь лет 60 % составляли девушки, а в последние три года бывают группы, где до 70 % составляют девушки».

Для более глубокого изучения вопроса о наличии и/или признании гендерной дискриминации в молдавском политологическом сообществе был предложен вопрос: «Сталкиваются ли женщины-политологи со специфическим отношением со стороны мужчин коллег или общества, образно говоря, со “стеклянным потолком”?».

Многие респонденты ответили, что не имеет смысла говорить о гендерном измерении молдавской политической науки, так как многие женщины находятся на руководящих постах в университетах, в Академии наук Молдовы и других организациях и учреждениях. Такого мнения придерживаются как респонденты-мужчины, так и респонденты-женщины: «Говорить о гендерном различии в политической науке Молдовы я бы не стала. Женщины успешно преподают, успешно защищают диссертации, что можно подтвердить статистикой» (Р. 4); «Я не думаю, что гендерный вопрос стоит на повестке дня. Я не заметил никаких препятствий на пути женщин политологов или какого-то предвзятого отношения. У нас есть, и не только по политологии, но и по философии, доктора наук, которые могут выдвигать свои идеи, писать свои работы» (Р. 5); «Нет, не считаю, что в этом отношении есть проблемы. Кандидатские диссертации, которые были защищены до сих пор, и нынешние аспиранты не нарушают гендерное равенство. Я считаю, что у нас девушки больше занимаются наукой, чем юноши» (Р. 8); «Этого сегодня нет. У нас на кафедре нет мужчин. Какой “стеклянный потолок”? Если не из кого выбирать, конечно, выберешь женщину» (Р. 7).

Таким образом, гендерная проблема в молдавском политологическом сообществе остро не стоит, но следует все же указать на одно обстоятельство: по числу поступающих и по числу выпускников преобладают женщины, а

на руководящих должностях, в управлении, в парламенте доминируют мужчины. Это, по всей вероятности, во многом объясняется чисто жизненными устремлениями женщин, в частности стремлением выйти замуж и создать семью, что составляет важнейшую ценность бытия людей.

Особо следует выделить мнение Р. 10, которая выполняла по заказу Международной организации труда национальное исследование гендерных аспектов рынка труда в Республике Молдова. Исследование показало, что в Молдове гендерная дискриминация начала четко проявляться в 1990-е гг., есть она и сейчас. Причем интересно то, что проявляется она очень специфично. В первую очередь на рынке труда оказываются невостребованными мужчины, так как отрасли реального сектора экономики (машиностроение, приборостроение, которые были развиты в составе военно-промышленного комплекса) прекращают свое существование и исключаются из экономики Молдовы. А специалисты, особенно мужчины, столкнувшись с серьезным психологическим и социальным кризисом, оказались неспособными адаптироваться к новым условиям. Это вызвало явление миграции трудовых ресурсов. Поэтому гендерная проблема более рельефно выразилась в контексте миграции трудовой силы из Республики Молдовы. При этом наблюдается своеобразная картина: потоки мужчин на Восток, связанные с работой в сфере строительства, и потоки женщин на Запад, связанные с работой в сфере обслуживания. Международная организация труда отмечает, что чаще гендерной дискриминации подвергаются именно женщины. Существует также много проявлений гендерного неравенства в семье и в быту. Р. 12 обсуждает вопрос, почему мало женщин в политике, правительстве, в сфере управления, и делает вывод, что в Молдове общество еще очень традиционно, поэтому мало мужчин, которые могут остаться дома, вести домашнее хозяйство, растить детей, в то время когда их супруги будут заниматься политической или управлеченческой деятельностью.

Все участники опроса оказались единодушными в том, что не корректно разделять политологию по гендерному признаку и говорить о мужской и женской политической науке в плане выбора проблем изучения и/или методов исследования. Но, как отмечает Р. 8, «есть некоторые темы, которые более популярны у женщин-политологов, например проблемы формирования политической культуры, развития социальной политики, гендерного измерения в политической сфере и др.».

Таким образом, на основе анализа можно сделать вывод, что и социальное происхождение, и гендерные различия, и этнические ценности и особенности, и религиозные убеждения в определенной степени оказали и оказывают влияние на становление личности всех представителей молдавского политологического сообщества, но не являются определяющими факторами в выборе специальности политолога.

§ 7. Политические ориентиры молдавских политологов

Поскольку политология – это интегральная, комплексная наука о политике во всех ее проявлениях, которая непосредственно связана с анализом явлений политической жизни общественного развития, то в качестве одной из гипотез настоящего исследования выступает идея об определяющем воздействии политических взглядов преподавателей-политологов на их профессиональную деятельность. В связи с этой установкой участникам интервью был задан вопрос о влиянии политических взглядов респондентов на их профессиональную преподавательскую и научную деятельность.

Следует констатировать, что и в ответах на этот вопрос наблюдается большой диапазон мнений – от полного отрицания влияния политических убеждений на их преподавательскую деятельность до признания политических взглядов в качестве определяющего фактора и ориентира как в преподавательской, так и в научной политологической деятельности: «Прямого влияния не вижу» (Р. 4); «Нет, ни в коем случае не влияют» (Р. 5); «Политические взгляды не влияют, а ориентированность на познание того, что думает и чего хочет человек, повлияло» (Р. 7); «В каком-то смысле, да, потому что когда ты придерживаешься каких-то взглядов, ты пытаешься защитить их, аргументировать и объяснять с точки зрения науки происходящие в стране политические процессы» (Р. 5). В то же время Р. 11 подчеркивает: «Думаю, да, потому что я отстаиваю свои политические взгляды, постоянно участвую в дискуссиях. Мои политические предпочтения заставляют меня совершенствоваться именно в научном плане, находить новые аргументы, открывать для себя новые горизонты. Мои политические взгляды определяют и мою научную деятельность. Я занимаюсь поиском консервативных ценностей и оправданием националистических позиций, ищу пути выхода согласно своим убеждениям, научные формулировки и свои позиции».

Большинство респондентов признают, что их политические убеждения и взгляды менялись с течением времени и объясняют это, прежде всего, отходом от советской идеологии. Исключение составляют три респондента: «Не менялись, я всегда был приверженцем теории консерватизма» (Р. 5); «Думаю, что не менялись. Охарактеризовал бы их так: левые умеренные. Мне ближе шведский вариант социал-демократии, а также вариант социал-демократии Вилли Брандта» (Р. 7); «Нет, мои взгляды в течение времени не менялись, скорее, они только укреплялись. Я считаю себя человеком левых взглядов, поэтому мыслители левого толка вызывают у меня повышенный интерес» (Р. 11).

Спектр политических ориентиров и взглядов представителей молдавского политологического сообщества весьма широк и разнообразен

(табл. 4.4). Большинство респондентов придерживаются социал-демократической, демократической и левоцентристской идеологии и отстаивают демократические взгляды и ориентиры, а из моделей общественного развития отдают предпочтение западной либеральной демократии, ориентированной на гуманистические ценности, свободу личности и толерантность общества.

Таблица 4.4. Политические взгляды и предпочтения преподавателей-политологов Молдовы

Политические ориентиры	Количество приверженцев
Демократическая идеология	2
Социал-демократическая	3
Либерально-демократическая	1
Левоцентристская	2
Правоцентристская	3
Этатизм	1

Для определения степени влияния политических взглядов на профессиональную деятельность преподавателей-политологов респондентам было предложено указать факторы, сыгравшие первостепенную роль в формировании заявленных ими идеологических и политических предпочтений и ориентиров. Среди главных были названы:

- кардинальные изменения политической и социальной структуры общества;
- процессы глобализации;
- политические события в стране: задержка выборов президента страны, недостаточные демократические реформы;
- научная дисциплина – современные политические доктрины;
- специфика и условия социализации личности;
- общечеловеческие ценности христианства, принципы интернационализма и толерантности.

Факторы влияния на политические взгляды включают в себя как воздействие конкретных политических событий, происходящих в отечественной и мировой политике, на умонастроение и мировоззрение респондентов, так и/или становление и развитие самих политических взглядов, принципов и ценностей в процессе преподавания политологии.

В ходе обсуждения политических ориентиров молдавских политологов респондентам было предложено указать, что именно заставило их обратиться к исследованию политических феноменов, было ли это связано с каким-то внешним фактором или событием или же обусловлено неким

внутренним порывом (импульсом). Большинство респондентов – 7 участников – высказались в пользу формирования у них внутреннего интереса к изучению политических процессов. При этом каждый называет и характеризует свой собственный мотив. Р. 1 сообщает, что желание изучать политику возникло на IV курсе учебы в вузе, когда шло изучение новейшей истории, в том числе истории Молдовы, и в частности возникновения и специфики национальных движений; Р. 2 считает, что важную роль сыграла его склонность к аналитическому мышлению; Р. 6 полагает, что это связано с интересом к решению социальных конфликтов, свидетелем которых он являлся; Р. 7 объясняет это интересом к политическим преобразованиям в процессе перехода от социализма к общественному устройству с рыночной экономикой, что заставило совершенно по-новому взглянуть на жизнь и происходящие процессы в обществе; Р. 8, Р. 11, Р. 12 заявляют о формировании внутренней установки найти самостоятельное объяснение феноменов политической жизни Молдовы.

Пять респондентов указали на внешние факторы и события, среди которых есть даже такие, которые можно определить как случайные: «Искала работу в другом вузе, где уволился преподаватель политологии, и мне предложили подготовиться читать курс политологии в новом семестре. Потихоньку стала изучать, потом пришла к выводу, что надо углублять свои знания» (Р. 4); «В университете предложили читать курс “Политическая жизнь румынского пространства”, пришлось защищать диссертацию по политологии» (Р. 5); «В конце 80–90-х годов XX века научный коммунизм себя исчерпал и его убрали из преподавания. Мне пришлось, как и большинству специалистов в этой области, переключиться на изучение политологических дисциплин» (Р. 9).

Участникам интервью был предложен вопрос, связанный с сугубо личностным отношением респондентов к выбору политологии в качестве своей профессии. Следует отметить, что все участники опроса дали весьма откровенные и развернутые ответы. Р. 1 связывает свой выбор с желанием заниматься социальной философией, и в частности становлением гражданского общества в период распада Советского Союза, над этой темой он работает до настоящего времени. Р. 3 сообщает, что выбрала тему диссертации по этническим феноменам, в частности по проблемам межэтнических отношений сельской молодежи, в связи с ее жизненными обстоятельствами (ее родное село было многонациональным, студенческая группа тоже, после окончания вуза работала на юге Молдовы в многонациональном коллективе), сейчас занимается исследованием этнического феномена как важной составляющей европейской интеграции. Р. 4 убеждена, что в современном демократическом обществе каждый человек должен обладать развитой политической культурой и владеть набором политических знаний. Р. 5 заявляет, что всегда

интересовался текущими политическими событиями, поэтому решил заняться политологией и теорией международных отношений. Р. 6 объясняет свой выбор тем, что политическая наука дает возможность объяснить себе, а также своей семье, друзьям, студентам происходящие политические феномены. Р. 8 убедился, что выбрал политологию в качестве своей профессии сознательно, так как считает, что она способствует выработке конкретных эффективных рекомендаций для политической практики. Р. 11 делает вывод, что политическая наука дала ему ответы на многие вопросы истории, а это, в свою очередь, помогло сформировать научное мировоззрение и парадигму объяснения политических феноменов.

Участникам интервьюирования было предложено прокомментировать известную китайскую мудрость «Не дай вам Бог жить в годы перемен», то есть оценить, является ли жизнь в «интересное время» благословением или проклятием для политолога? Большинство респондентов высказали мнение, что жить в годы перемен и социальных трансформаций никоим образом не проклятие, а, напротив, возможность реализовать себя, быть участником происходящих политических процессов. Все считают, что интереснее жить не в застойные времена, а во времена социального движения. Например, Р. 11 отмечает: «Да, в этом есть своеобразное противоречие: с одной стороны, конечно, хочется жить стабильно в предсказуемые времена, но в стабильные и предсказуемые времена политологам как исследователям недостаточно тем и областей исследования. А эпоха перемен не ограничивает ни в постановке задач, ни в реализации личных амбиций, тем более что мы живем на рубеже эпох и/или становления новой эпохи. Так что для политологов эта китайская мудрость очень актуальна».

Таким образом, не представляется возможным выделить один и/или несколько определяющих факторов, побудивших представителей молдавского политологического сообщества к занятию политологией, так как у каждого респондента сформировались свои индивидуальные побудительные мотивы и обстоятельства.

§ 8. Стратегии молдавских политологов в становлении политологии как науки

В целях нашего исследования респондентам было предложено определить свое отношение к политологии как науке, обладающей специальным предметом изучения, категориальным аппаратом и методами познания и/или не уступающей другим общественно-гуманитарным наукам. Предлагалось также определить место политологии в системе наук и охарактеризовать ее отношение к другим наукам (сотрудничество, конкуренция, вражда) и взаимодействие с ними.

Как показал анализ результатов интервью, все респонденты убеждены, что политология является наукой со специальным предметом исследования, занимающей свою самостоятельную нишу в системе других естественных и общественно-гуманитарных наук. При этом политологию они определили как науку о политике во всех ее проявлениях, которая оперирует научным категориальным аппаратом и методологией познания. К примеру, Р. 5 считает: «Конечно, политология является наукой, которая ни в чем не уступает другим, в том числе и точным наукам. Политология имеет свой предмет исследования, свой круг исследователей. Исходя из того, что есть предмет исследования, существует методология, есть исследователи, следовательно, политология является точной наукой. Это указывает на то, что она входит в круг наук, хотя ее предмет может постоянно меняться, из-за того, что связан с реальностью». Р. 6 указывает: «Сейчас, в связи с новыми парадигмами, даже математика и физика влияют на политику, а политика влияет на физику и математику. Это объясняется тем, что политикам нужны технократы, которые бы с помощью математических подходов объясняли и/или давали результаты для политических лидеров. Сейчас мы живем в обществе новых информационных технологий». Р. 7 убежден, что политология ни в чем не уступает физике или математике, считая, что «это более сложная наука, так как в ней количество параметров и переменных больше, ведь люди действуют в соответствии со своими планами, установками, которые могут меняться. В области точных наук этого нет. В обществе все сложнее: сколько людей, столько и планов». Р. 4 подчеркивает, что политология не уступает даже таким точным наукам, как физика и математика, хотя при этом есть своя специфика, поскольку политологи, так же как и ученые конкретных наук, предлагают результаты исследований общественных и политических событий для измерения и разрешения реальных политических феноменов.

Р. 2 полагает, что в отличие от конкретных специальных наук политология – это интегральная, комплексная наука о политике и ее взаимоотношениях с обществом, которая включает в себя политическую философию, политическую социологию, политическую психологию, политическую географию, теорию политических институтов. Р. 10 утверждает: «Политология, безусловно, наука, которая сегодня очень успешно использует методы точных наук, в том числе и математические, это наука, которая необходима в плане развития как государства, так и международных отношений. Поэтому я считаю, что политология – это одна из актуальных, современных наук, которая уже более ста лет убедительно доказывает свою состоятельность».

На уточняющий вопрос, занимается ли политология изучением в определенной степени закономерностей повторяющихся общественных феноменов или же исследует уникальные явления и можно ли проиллюстрировать это на конкретных примерах, были получены различные ответы.

Р. 2 считает: «И так, и так. Политология занимается и закономерностями, и уникальными явлениями, что зависит от условий каждой страны. К примеру, я исследовал такое явление в молдавской политике, как говор о политических партий, и опубликовал статью в еженедельнике “Коммерсант”. До этого изучил опыт западных партийных систем, который наглядно демонстрирует, что партии сейчас все больше склоняются к говору, так как все становятся экономически более взаимосвязаны, их мало интересуют идеинные вопросы, а больше вопросы регулирования денежных потоков. В связи с этим я предложил идею картелизации политических партий в Молдове, которую поддержали и стали использовать другие политологи и эксперты в этой области». Р. 3 также утверждает: «И то, и другое. Есть, например, история политических учений. Мы должны изучать прошлое, без которого нет настоящего и будущего. Мы не можем отрываться от хода истории и должны анализировать ее уроки. Есть и абсолютно уникальные явления в самой молдавской политической истории – приднестровский конфликт, решение которого до сих пор не найдено».

Р. 4 полагает, что специфика политологии как науки в том и состоит, что она занимается исследованием и закономерностей, и уникальности политических феноменов. Изучение закономерностей – одна из основных характеристик любой науки, и политология не является исключением. Но в соответствии со своей специализацией она изучала политическую культуру на примере политической культуры студентов Молдовы периода перестройки как уникального явления, присущего данному региону. Р. 10 утверждает: «Напрасно поставили “или” в вопрос, так как политическая наука занимается сначала исследованием закономерностей политической жизни, а затем определением каких-то проблем, тенденций и перспектив их решения. К примеру, в современном политическом развитии жизни Молдовы появилось влияние такого уникального явления, как Евросоюз и евроинтеграция, которые мы сейчас активно исследуем.

Другим уникальным явлением в общественной жизни Молдовы является феномен массовой трудовой миграции. Это созданный феномен, но создали его в контексте интеграционных региональных и глобальных процессов, которые происходят в Европе, и/или не только в Европе. Конечно, трудовая миграция и раньше была объектом изучения социологов и экономистов, но сегодня она стала объектом изучения политической науки. Следует признать, что государство утратило влияние на этот процесс, вследствие чего идет разрушение человеческого капитала, коррозия социального капитала, человеческого ресурса, становящееся угрозой развитию страны. Необходимо поставить политический заслон на пути миграции, а для этого использовать экономические, демографические, гуманитарные и другие механизмы решения этой проблемы. Важно подключить бизнес, чтобы сделать

привлекательным обратное движение в Молдову, необходимо создавать условия для работы молодежи в стране, а не выталкивать ее за границу. Таким образом, уникальные явления политической жизни должны рассматриваться в контексте общего процесса развития страны и закономерностей развития государства и политической системы в целом». Р. 11 в качестве примера уникальности политических феноменов в Молдове приводит состояние и ход обсуждения молдавскими политологами проблемы путей развития страны и ее дальнейшего существования как суверенного государства и субъекта международного права. При этом сложились два диаметрально противоположных подхода, сторонники которых не желают услышать друг друга: либо объединение с Румынией и/или потеря левобережных территорий, либо вступление в Таможенный союз и ориентированность на Россию с определенной долей зависимости от нее. Решение пока не найдено.

Таким образом, можно констатировать, что представители молдавского политологического сообщества признают специфику политологии как науки и считают, что она занимается исследованием и закономерностей, и уникальности политических феноменов, поскольку изучение закономерностей – одна из основных характеристик любой науки, и политология не является исключением. В то же время ее особенность и уникальность самих политических объектов предполагают исследование процессов и явлений, присущих данному региону, с целью определения тенденций и перспектив их решения.

Респондентам было предложено ответить на вопрос, есть ли, с их точки зрения, дисциплины, превосходящие политическую науку по уровню развития и/или претендующие на более успешное решение ее проблем. Хотя все респонденты, как было показано выше, с уверенностью заявляли, что политология – самодостаточная научная дисциплина со своим объектом и предметом изучения, мнения разделились, причем почти поровну. Как показал анализ ответов на поставленный вопрос, только три респондента ответили, что нет, так как те проблемы, которыми занимается политическая наука, находятся в ее компетенции. Конечно, признают они, политология использует данные исследований других наук, научные понятия и методы познания (табл. 4.5).

Три респондента считают, что такой научной дисциплиной является философия, ведь, по их мнению, философия – это база и основа всех наук, и не только политологии, поскольку разрабатывает методологию. Так, Р. 2 аргументирует: «Конечно, есть, например, философия, поэтому следует разрабатывать составную часть политологии – политическую философию, которая позволяет раскрыть качественные особенности политической жизни и разрабатывать модели развития социальных систем». Особое мнение высказал Р. 1, который полагает: «Наверное, на данный момент политическую

науку может превосходить юридическая наука, которая сложилась еще в 50-х годах прошлого века в Молдове, в ней есть ряд выдающихся ученых, преподавателей. Политические процессы должны оцениваться исходя из правовых норм. Например, Конституционный суд оценивает политические решения парламента Молдовы, правительства и других органов с точки зрения их соответствия правовым нормам и положениям Конституции Республики Молдова как высшего нормативного акта».

Таблица 4.5. Оценка молдавскими политологами соотношения политологии с другими науками

Соотношение политологии с другими науками	Количество приверженцев
Нет наук, превосходящих политологию, она самодостаточна	3
Есть такая наука – это философия	3
Такая наука – юридическая	1
Таких наук нет, но она должна сотрудничать со всеми	5

Пять респондентов высказали мнение, что, хотя политология ни в чем не уступает другим наукам, она должна развиваться в тесном взаимодействии с ними: «Я не думаю, что одна наука превосходит другую. В условиях междисциплинарности у каждой науки есть свой статус и/или свое место, которое способствует достижению научной истины или хороших результатов» (Р. 5); «Каждая из наук имеет свой предмет исследования. К примеру, социология тоже занимается вопросами, связанными с политической жизнью общества, но рассматривает совершенно другие аспекты, это же можно сказать и об истории. Поэтому политология должна находить точки соприкосновения с ними» (Р. 7); «Любая наука имеет преимущество перед политологией, тем не менее именно на стыке дисциплин политология находит те вопросы, которые наиболее уместны для обсуждения политических проблем, потому она ни в коем случае не предполагает конечных истин, так как учитывает специфику общественного развития» (Р. 11).

В контексте обсуждения соотношения политологии с другими науками предлагалось уточнить позицию респондентов по такому аспекту проблемы: существуют ли в политологии направления, которые успешнее остальных решают и/или могут решать проблему кумулятивности знаний о политике. Ответы и мнения респондентов разделились кардинально: от полного неприятия такого подхода до возможности его принятия и реализации, но с определенными оговорками. Показателен в этом плане ответ Р. 8: «Нет, не считаю. Думаю, политология не решает лучше философии проблему куму-

лятивности знаний. Хотя политическая наука предоставляет обобщающую информацию о политике, но непосредственно функцию кумулятивности, на мой взгляд, может выполнять политическая информатика, политическая психология и биополитика. К сожалению, у нас нет специалистов в этой области». Р. 2 считает, что если речь идет о таком направлении в политологии, как политическая философия, то можно говорить о кумулятивности знаний о политике. Р. 6 считает, что «в политической науке есть много направлений, например демократия, политические партии, предвыборные технологии, конфликтология. Возможно, когда-нибудь все они будут кумулированы, например, в теории анализа политических явлений, но говорить о каком-то единственном направлении, отбрасывая другие, наверное, ошибочно». Р. 7 заявляет: «Я не могу определенно ответить на этот вопрос, так как кумулятивные знания о политике – это знания на сегодняшний день, а завтра окажется, что их недостаточно, поскольку радикально изменилась политическая картина. На мой взгляд, нельзя ограничиваться чем-то одним, но установка или подход должен быть таким: диалектическое единство и кумуляция знаний и учет их относительности в контексте и времени, и парадигмы». Только Р. 11 указал на кумулятивное направление в политологии – политическую конфликтологию, которая, по его мнению, «численно аккумулирует знания о конфликтах. Приобретение опыта разрешения этих конфликтов помогает разрешать конфликты, существующие сегодня в мире. К тому же сама политология, как специализация в науке, тоже формируется по мере накопления опыта».

В ходе обсуждения проблемы кумулятивности политической науки возникли вопросы, насколько политическая наука зависит от политики, и/или в какой степени может быть достигнута объективная истина в анализе политической реальности, и может ли вообще быть научная истина в политической науке. На вопрос о зависимости или независимости политической науки от политики большинство респондентов ответили, что политология непосредственно связана с политической жизнью общества, но не должна превращаться в служанку политики. В то же время Р. 7 считает, что «политическая наука развивается своим путем, а политическое развитие происходит своим путем. Пока процесс развития молдавской политической науки оказывается процессом “варки в собственном соку”, так как пока нашему молдавскому истеблишменту политическая или иная другая наука не нужна. Когда наука станет востребованной и общество станет требовать от науки соответствующих действий, тогда это будет стимулом ее развития». Р. 11 полагает, что «в принципе политическая наука не должна зависеть от политики. Это объективно. В то же время она не может не испытывать такого влияния, но прямо пропорциональной зависимости нет, по моему мнению».

Все респонденты отметили также сложность проблемы истинности знания в политической науке. При этом большинство респондентов заявили, что объективной истины о политической реальности не существует, особенно в современном постоянно меняющемся мире, поэтому истина всегда относительна. К примеру, Р. 11 утверждает: «Думаю, что нет, это всегда стечеие обстоятельств. К тому же поиск такой политической истины устроил бы тех политических деятелей, которые используют это в определенных целях». Р. 8 считает: «В политике доминирует субъективный взгляд. Мы видим, как очень часто происходят отклонения от норм политической игры. Почти всеми политическими акторами: и либералами, и либерал-демократами, и коммунистами – постоянно нарушаются эти правила, а это разрушает сам процесс формирования истины». В то же время Р. 10 убеждена: «Объективная истина существует для конкретного исторического периода времени, и этого нельзя отрицать, но в перспективе она станет носить относительный характер, связанный с возникновением новой политической реальности. В этом смысле объективная истина в политической науке связана с базовыми ценностями, такими как гуманизм, свобода и права личности, общечеловеческие ценности».

Таким образом, хотя, как уже было отмечено ранее, молдавские политологи считают политологию наукой, но признают, что поиск истины в области анализа политических феноменов весьма проблематичен, так как связан с постоянно меняющейся динамикой событий и действий. В этом контексте предлагалось поразмышлять о том, имеет ли и/или должна ли иметь политология некую общую парадигму, поскольку многие исследователи в этой области, и в особенности американские, утверждают, что нехватка парадигмы мешает стать политологии наукой в подлинном смысле слова.

Большинство респондентов считают, что не может быть общей парадигмы в политологии, так как она имеет дело с особыми объектами изучения. В этом отношении показателен ответ Р. 5: «Томас Кун, разработавший теорию парадигмы в науке, основывался на идеях физики, и в естественных науках такая методология работает. А в политологии не может быть и речи о том, чтобы была только одна парадигма». Р. 6 утверждает: «Не считаю, что она должна быть. Мы не можем особенности и закономерности одной политической реальности переносить на другую, к примеру американской или европейской на нашу. То, что у них успешно функционирует, у нас может оказаться совсем неэффективным. Я думаю, что мы можем изучать, заимствовать какие-то парадигмы, общая парадигма означает монополизацию в науке, а этого делать нельзя. Это уже было в советское время». В то же время Р. 7 считает: «И да, и нет. Наличие общей парадигмы – положительный момент, так как все работают, видя один и тот же ориентир. С другой стороны, наличие только одной парадигмы ведет к сужению ориентиров,

так как жизнь всегда богаче любых наших представлений о ней». А Р. 8 утверждает: «Да, может, если под общей парадигмой политологии понимать интеграционную роль политики и ее влияния на все сферы общественной жизни». Р. 11 полагает: «На данный момент нет, потому что научная парадигма не создается одновременно, а нарабатывается в процессе взаимодействия всех современных политологических школ».

В продолжение вопроса о специфике и/или самодостаточности политологии как самостоятельной научной дисциплины респонденты характеризовали отношения политологии со смежными дисциплинами (сотрудничество, конкуренция, вражда). Следует отметить, что все респонденты без исключения заявили, что ни о какой вражде не может быть и речи, все науки находятся во взаимосвязи и диалогическом сотрудничестве, хотя наблюдается определенная специфика в их взаимоотношениях: «Политология постоянно обращается и тесно сотрудничает с философией и социологией, что позволяет ей оценивать политические феномены в качественном и количественном аспектах. Надо находить общее, что объединяет» (Р. 2); «Не вижу никакой агрессивности, есть добрая, хорошая конкуренция, которая только способствует прогрессивному развитию всех наук. Поэтому междисциплинарные взаимодействия и конкуренция – это хорошо» (Р. 3); «Я вижу только сотрудничество, которое, в первую очередь, должно быть между политологией и философией, социологией и правом. Эти науки заимствуют друг у друга какие-то методы, понятия и результаты исследований» (Р. 4); «На данном этапе общая тенденция развития науки указывает на интердисциплинарность и мультидисциплинарность. Мультидисциплинарность с точки зрения эпистемологии и методологии – вот что определяет уровень научного познания. Сейчас менталитет политолога и круг его интересов должен быть шире и креативнее, чтобы уметь овладевать методами и принципами научного исследования и из истории, и из социологии, и из философии» (Р. 5); «Почти все исследования имеют междисциплинарный характер. Независимо от устремлений политологи обращаются к социологии, философии и другим наукам. Жаль, что нет такого научного центра в Молдове, который объединил бы усилия ученых этих областей знания» (Р. 8).

Таким образом, молдавские политологи отмечают, что не встречаются с враждебным отношением к их дисциплине, не отрицают здоровую конкуренцию, особенно смежных дисциплин, нацелены на плодотворное сотрудничество со всеми научными дисциплинами и в этом видят залог успеха в своей деятельности.

На вопрос «Есть ли в политической науке теории или направления, которые вызывают личное неприятие и отторжение?» из 12 респондентов только трое ответили утвердительно: «Мне неприятно говорить, что я не могу понять политическую антропологию и этнополитологию, но мне нра-

вится конфликтология» (Р. 6); «Конечно, есть, я не люблю писать о демократизации. Неприязнь и отторжение вызывает партийная идеологизация государственной политики, идеологизация науки, которая ведет к отходу от принципов объективного анализа. Кроме того, вызывает неприятие навязывание ценностей» (Р. 10); «Определенный скептицизм вызывают вопросы гендерного равенства. Есть выражение: «Бог создал мужчину и женщину, чтобы они были разные». Попытка в этом направлении, политика «унисекс», меня скорее раздражает и/или вызывает определенное отторжение, нежели заставляет задуматься на эту тему» (Р. 11).

Большинство респондентов считают, что любая теория имеет право на существование, поэтому политолог должен быть беспристрастным; единственное, что вызывает отторжение, это непрофессионалы в политике, олигархизация государства и партийной жизни. Показательна в этом плане позиция Р. 5: «Я не думаю, что мы должны презирать теории, потому что они являются результатом интеллектуального развития. Конечно, можно с некоторыми или с большинством из них соглашаться или не соглашаться, но в этом случае можно их и покритиковать. А иметь предвзятое отношение к теориям – неправильно. Если с чем-то не согласен, необходимо привести аргументы, показать уязвимые места, тем более что каждая теория по своей сути относительна и не может претендовать на абсолютную истину».

Респондентам было предложено ответить на вопрос о том, видят ли они какие-то принципиальные различия между молдавской и американской политологической наукой и в чем они проявляются. Большинство респондентов считают, что такие различия есть, причем по различным аспектам.

1. Время возникновения. Американская политология возникла во второй половине XIX в. В ней всегда существовал плюрализм мнений. Молдавская политология возникла 20 лет назад, то есть это еще очень молодая наука. При этом большинство молдавских политологов занимались до этого другими науками, молодые кадры только формируются.

2. Представительность кадров. Американские политологи – это ученые с мировым именем и/или признанием, в молдавской политологии пока налицо существует дефицит научных кадров, имеющих подготовку европейского или американского уровня.

3. Содержание и направленность исследований. В американской политологии преобладает бихевиористский подход, так как в ней изучается поведение политиков. Американская политология в большей мере прикладная наука. В молдавской политологии преобладает теоретический, философский подход.

4. Востребованность в обществе. Американская политология поддерживается и финансируется, на ее исследования ориентируются политики. Молдавская политология развивается по большей части на энтузиазме и ин-

тересе самих политологов, но без финансирования создание конкурентной на мировом уровне науки проблематично.

В связи с предыдущим вопросом респондентам предлагалось также указать, существуют ли региональные отличия в молдавской политологической науке и с чем это связано. Мнения разделились практически поровну. При этом пятеро респондентов полагают, что таких различий нет, поскольку Молдова небольшая страна. Кроме того, считают приверженцы этой позиции, в Молдове только один большой центр подготовки политологов, который находится в Кишиневе. Учебники тоже пишутся в Кишиневе. В то же время Р. 7 высказал особое мнение относительно того, можно ли вообще утверждать о формировании или наличии особых политологических школ в Молдавии: «Создание школы предполагает наличие финансирования кадров для работы над определенной проблемой или набором проблем. У нас же нет финансовых возможностей, чтобы кафедра занималась тем, чем она занимается сейчас, когда каждый пишет на определенную тему, потому что у него грант, или диссертация, или еще что. Получается, что члены кафедры занимаются разными проблемами, а это весьма далеко от традиций школы в науке». Следовательно, молдавская политология находится еще в стадии становления и формирования.

Другая половина респондентов отмечает, что такие различия есть, и связаны они с региональными особенностями развития Центра, Севера и Юга Молдовы. К тому же самостоятельно развивается политологическая наука региона Приднестровья. Но в целом эти региональные различия, кроме Приднестровского региона, не слишком большие. При этом молдавские политологи ориентируются на западные политологические школы и направления, приднестровские политологи ориентированы на российские исследования и российскую политологическую науку.

Поскольку политология непосредственно связана с анализом конкретных политических феноменов, было интересно узнать отношение молдавских политологов к фундаментальным исследованиям в политологической науке. Большинство респондентов считают, что в политологической науке Молдовы есть и фундаментальные теоретические исследования, связанные с изучением предмета политологии, политических режимов и/или политической системы общества, демократии и др., и прикладные исследования, анализирующие конкретные политические явления и процессы.

Респондентам было предложено ответить на вопрос: была ли, с их точки зрения, молдавская политическая наука до перестройки или до 1991 г. Большинство респондентов ответили, что политологии как науки в современном понимании вообще не существовало, потому что в условиях тоталитарного режима компартия руководила всеми общественными процессами. В теории преобладала идеология научного коммунизма. Однако Р. 7 считает, что

«была, но очень ограниченная и ущемленная. Она была ограничена решением правящей коммунистической партии и правительства». Р. 8 полагает: «Как таковой политической науки не было, но в историческом материализме, в научном коммунизме рассматривались политические проблемы, связанные с развитием международного коммунистического движения, национально-освободительного движения». Р. 11 утверждает: «Конечно, была какая-то молдавская политическая наука до 1991 г., но развивалась она в рамках теории марксизма-ленинизма».

В этом контексте нескольким респондентам, работавшим в советский период Молдовы, был задан вопрос, была ли политологическая наука в СССР, и чем она им запомнилась, а также открылись ли новые возможности в интеллектуальном развитии после краха Советского Союза. Р. 3 сообщает: «Никакой политологии мы, как студенты, не изучали, а изучали историю КПСС, знакомились с историей коммунистического движения. Мы не были подготовлены к многопартийной системе или к двухпартийной, как в Великобритании и США. Мы не имели доступа к этим материалам». Р. 2 заявляет: «Конечно, мы почувствовали себя более свободными, наука перестала быть идеологизированной, перестала быть приводным ремнем одной идеологии. У нас не должно быть одной идеологии». Из чего можно заключить, что преобладание одной господствующей идеологии препятствовало развитию политологической науки в советском периоде развития общества, и ее как таковой фактически не существовало.

Анализ мнений респондентов о сущности и стратегиях развития молдавской политологической науки показал: все политологи убеждены в ее востребованности в обществе и развитии как в системе наук и/или образования, так и в анализе политических реалий Молдовы.

§ 9. Участие в научной работе: состояние и перспективы развития

Для всестороннего анализа состояния и развития политологической науки в Молдове респондентам было предложено раскрыть свое отношение к процессу преподавания политологии и осуществлению научной деятельности. Предполагалось определить основные стратегии и приоритеты научной работы представителей молдавского политологического сообщества. В связи с этим респондентам задавался вопрос, что им нравится больше: преподавание или научная деятельность в области политологии.

Из общего числа участников интервью семь респондентов заявили, что с полной отдачей и увлечением занимаются преподавательской деятельностью, трое отдают приоритет научной деятельности и еще два респондента считают, что и преподавание, и научная работа им интересны одинаково и

взаимно дополняют друг друга: «Преподавание понравилось мне, когда я проводил на пятом курсе педагогическую практику, сразу нашел диалог с учащимися и понял, что карьера преподавателя для меня – призвание» (Р. 1); «Мне всегда была интересна работа со студентами, потому что студенты всегда очень активны и интересуются политикой» (Р. 4); «Я не говорю, что мне нравится преподавание, но у меня, в отличие от многих коллег, нет никаких проблем с преподаванием. Многие идут на лекции, делая усилия над собой, для меня эти усилия не требуются, так как преподаю не по учебнику, а то, о чем думаю» (Р. 5); «Наверное, когда работала в школе. Тогда я поняла, что мне нравится преподавать, потому что у меня получается, и получается хорошо, хотя это и было очень тяжело» (Р. 9); «Я поняла, что мне нравится преподавание, еще в школьные годы. К преподаванию в вузе приступила после защиты диссертации» (Р. 10). Как видим, большинство преподавателей считают, что эта деятельность является их призванием. При этом ряд респондентов заявляют, что работа преподавателя нравилась еще в школьные годы. Другие пришли к осознанию этого во время учебы в вузе.

О том, что приоритетом выступает научная работа, заявляет Р. 2: «Я всегда интересовался исследованиями в области общественных наук, а действительность добавила новую тему – национальные движения, “Народный фронт”, место и роль гражданского общества в этих процессах». Р. 3 сообщает: «С детства меня тянуло к литературе, а со студенческой скамьи мне уже нравилось заниматься наукой. В дальнейшем стала увлекаться работами по философии, атеизму, научному коммунизму. Затем пригласили на работу в отдел философии Академии наук, где я занялась изучением проблем социологии, политологии и права». Р. 11 констатирует: «Я осознал, что мне нравится наука, находясь в аспирантуре, три года обучения в которой открыли мне науку в широком смысле слова. Я имею в виду социальную науку, в том числе политологическую». Как видно из ответов, призвание к научной деятельности сформировалось под влиянием как личных мотивов и интересов, так и жизненных обстоятельств.

В то же время Р. 7 утверждает, что «и педагогическая и научная стезя – это мое. Я получаю огромное удовольствие как от преподавания, так и от исследования», а Р. 8 признает: «Я не могу отделить науку от преподавания, это два неразделимых аспекта в работе преподавателя. Наука дает материал для преподавания и, наоборот, преподавание повышает интерес к науке». Позиция, представленная в этих утверждениях, на наш взгляд, является наиболее соответствующей современным требованиям образовательного процесса, так как способствует повышению качества преподавания.

Как уже отмечалось, ряд респондентов сообщили, что почувствовали стремление к деятельности преподавателя с детства, со школьной скамьи и в период учебы в вузе, когда формируется осознанное отношение к вы-

бору профессиональной деятельности. В связи с этим респондентам был задан вопрос, какие планы были у них, когда они заканчивали вуз, и почему решили продолжить учебу в аспирантуре. Большинство участников настоящего исследования заявили, что решение стать преподавателем было принято еще в период учебы в вузе на последнем курсе, тогда же возникло и решение поступать в аспирантуру: «К пятому курсу я стал отделять политику от политологии и понял, что политология мне интересна не меньше, чем сфера политики. Поэтому получение определенного статуса, а не только диплома о высшем образовании, для меня стало принципиальным моментом. Поэтому я поступил в аспирантуру, тем более что благоприятствовали обстоятельства – меня знали преподаватели и хорошо ко мне относились. Все позитивно восприняли мое желание пойти дальше» (Р. 11); «Никаких планов у меня тогда не было. Я хорошо учился, и по результатам учебы меня направили в аспирантуру. Просто счастливое стеченье обстоятельств» (Р. 5); «Я решила поступать в аспирантуру, во-первых, из-за влияния родственников, а, во-вторых, я сама осознавала, что без этого мне будет нечего делать в преподавании» (Р. 9).

Поскольку все респонденты защитили диссертации на соискание кандидатской ученой степени, а некоторые из них и докторской, им было предложено рассказать о личном опыте написания диссертации и о том, чему они научились в ходе этого процесса. Каждый из участников обстоятельно ответил на эти вопросы и представил свое отношение к научной работе в период учебы в аспирантуре. Остановимся на некоторых ответах. Например, Р. 3 рассказывает: «Я стала первой, кто защитил кандидатскую работу по политологии. Это было в 1994 г. Но в связи с перестройкой пришлось полностью перестроить свою работу. Тема моей диссертации “Актуальные проблемы межэтнических отношений сельской молодежи”. Необходимо было изучить и обобщить научную литературу по философии, социологии, психологии». Р. 4 самокритично заявляет: «Не считаю, что мой опыт был каким-то особенным. Правда, начав работу над материалом диссертации, поняла, что не хватает знаний, не хватает литературы. Пришлось переработать большое количество научных источников, проводить социологические исследования, проводить опросы студентов, так как тема моей диссертации посвящена изучению политической культуры студентов вузов Молдовы. Диссертационный опыт показал мне самой, что необходимо углубленно заниматься методологией научного познания, так как это помогает глубже уяснить многие сложные вопросы, преподаваемые по учебной программе курса политологии».

Р. 6 сообщает: «Очень много могу рассказать, для меня это был интересный опыт изучения научного обогащения. Я училась в аспирантуре Испанского государственного университета, тема диссертации посвя-

щена сравнительному анализу социальной политики переходного периода Испании и Молдовы. Учеба в аспирантуре дала мне возможность познакомиться с особенностями европейской школы, бывать на занятиях преподавателей из других европейских стран, а главное, я смогла сравнить наши высшие школы. Я поняла, что надо учиться видеть и позитивное, и отрицательное и у них, и у нас». Р. 7 констатирует: «Я писал две диссертации – кандидатскую и докторскую. У меня был очень интересный опыт, потому что первую диссертацию я писал по эволюции философских и социально-политических взглядов Л. Н. Толстого. Вторая диссертация была посвящена особенностям миграционных процессов в Республике Молдова. Первую диссертацию я делал в духе советской традиции, которая предполагала четкое формулирование темы, утверждение плана работы и подбор литературы, а вторую – по западной и американской традициям, которые представляют собой участие в различных проектах, написание материалов отчетов и статей, то есть работаешь в проектах и не думаешь о диссертации, а выполняешь то, что нужно. Но работа идет в одном направлении, начинаешь это обобщать, и получается работа. Я еще раз мог бы написал докторскую диссертацию, так легко мне это сделать». Р. 11 признает: «Для меня это была настоящая проверка на прочность. Это, наверное, для каждого проверка на прочность. Мой опыт, конечно, не универсален, и я не могу его рекомендовать другим, но могу поделиться им. Я мог долго ничего не писать, просто вынашивал идею, а потом садился и за несколько дней выдавал результат. Считаю, процесс написания и защиты диссертации – серьезный вызов и испытание для молодых исследователей. И еще одно обстоятельство: не столько сложно собрать научный материал и написать диссертацию, сколько довести ее до кондиции и выполнить все требования оформления работы, и сам процесс защиты перед коллегами».

Респондентам был задан вопрос о том, какие книги, авторы и/или коллеги оказали наибольшее влияние на их становление в качестве преподавателя и/или исследователя. Большинство участников интервью отметили влияние как западноевропейских и американских политологов, так и российских исследователей. Среди первых названы работы классиков политологии, таких как Платон, Аристотель, Шарль Монтескье, Жан-Жак Руссо, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Людвиг Фейербах, Карл Маркс, Макс Вебер, Карл Шмидт, и современных представителей политологической науки: Эмиля Дюркгейма, Юргена Хабермаса, Мориса Дюверже, Габриэля Алмонда, Жака Рупника, Энрико Ферри, Марка Гроссмана, Хуана Линца, Жака Барра, Стефано Гуззини, Саймона Кларка. Среди российских политологов названы работы как классиков философии и политической науки, таких как Николай Бердяев, Михаил Булгаков, Владимир Ленин, Питирим Сорокин, так и со-

временных исследователей, таких как Василий Пугачев, Александр Дугин, Камалудин Гаджиев, Александр Панарин, Олег Зазнаев.

По-разному отмечают значимость политологических текстов наши респонденты. Р. 4 особо отметила книгу «Гражданская культура» Алмонда, которая очень помогла ей при написании диссертации по политической культуре студентов. Р. 9 отмечает значимость первого учебника по политологии в Молдове, который назывался «Курс лекций по политологии» под редакцией профессора А. Завтура. Р. 12 в качестве значимой для него книги назвал работу Стефano Гуззини «Реализм и международные отношения», которая, по его мнению, является одной из лучших по теории международных отношений. Р. 6 выделила книги молдавского исследователя И. Санду «Политология» и итальянского политолога Дж. Сартори «Пересматривая теорию демократии». Можно выделить особое мнение Р. 5: «У меня нет никаких любимых книг, я читаю по политологии все подряд, осмысливаю и делаю выводы. Никто не оказал на меня никакого влияния, я сам разработал свои концепции, свое видение внутренней политики, особенно международных отношений. Моя установка – плюрализм мнений, где каждый может выбирать, аргументировать и отстаивать свои взгляды». Следует отметить, что такая установка свидетельствует как о самодостаточности, так и изрядной доле самоуверенности автора.

Все респонденты, кроме одного, указали на влияние своих коллег по кафедре, научных руководителей диссертационных работ, заведующих кафедрами. Анализ этих ответов позволяет утверждать, что написание диссертации и научная работа для преподавателя не только важны, но и необходимы, поскольку развивают его творческий потенциал и обогащают педагогическое мастерство. Научная работа респондентов характеризуется большим спектром тем и многообразием направлений, таких как:

- особенности современных политических систем;
- проблемы и перспективы развития гражданского общества;
- проблемы демократизации молдавского общества;
- политическая культура студентов;
- проблемы трудовых отношений и социального партнерства в условиях современного рынка труда;
- современные проблемы политики социального финансирования;
- миграционные процессы и демографические трансформации в Республике Молдове;
- национализм и национальные вопросы;
- проблема толерантности в межэтнических отношениях;
- актуальные проблемы межэтнических отношений сельской молодежи;
- проблемы geopolитики в решении приднестровского конфликта;

- трансформация международной политической системы;
- проблемы международных политических отношений.

При этом респонденты в ходе изучения указанных тем делают теоретические выводы и/или предложения, а также предлагают практические рекомендации:

- гражданское общество в Республике Молдове еще только формируется, так как налицоует ряд моментов, которые свидетельствуют о его незрелости;
- молдавское общество должно развиваться на основе принципа уважения национального достоинства каждого народа, населяющего Молдову, развивать отношения доверия, сотрудничества и толерантности, чтобы не допустить межнациональных конфликтов;
- к решению приднестровского конфликта, поскольку он является на данный момент геополитическим и международным, необходимо привлекать ответственных международных политических акторов;
- государство должно создавать условия и перспективы возврата мигрантов на родину для развития возможностей этого человеческого капитала;
- в условиях глобализации политика не должна осуществляться в интересах какой-либо идеологии, а быть нацеленной на развитие социальных, трудовых и гуманитарных отношений в обществе;
- парламенту и правительству необходимо создавать новые парадигмы международных отношений.

Это наиболее значимые выводы, подводящие определенные итоги научной деятельности молдавских политологов.

В ходе рассмотрения результатов научной деятельности респондентам предлагалось выделить среди своих работ такие, которые для них наиболее ценные и которыми они сами гордятся. Больше половины респондентов отметили, что крупных работ по политологии у них нет, в основном это статьи в научных сборниках и журналах.

В то же время Р. 5 сообщает: «У меня семь монографий, но больше всего ценю работу “Формирование международных отношений после окончания холодной войны: теоретико-методологические и геостратегические перемещения”. Эта работа посвящена формированию международных отношений в постбиполярном периоде развития современного мирового сообщества». Р. 6 выделила статью, опубликованную в молдавском политологическом издании “Moldoscopie”, в которой рассматривается стратегия по экономическому развитию Молдовы с целью снижения бедности населения в стране. Р. 7 заявил, что работа, которой он может гордиться, была издана в США в 2005 г. и получила международное признание. Это монография, в которой представлены адаптации современных западных нейроисследований Сар-

тори и других ученых к развитию политических реалий и становлению партийно-политической системы в Молдове. Р. 8 указывает: «У меня несколько монографий, я автор пяти учебников, но самая важная работа – это работа десятилетней давности, ее тема “Политические интересы и политические отношения”. В ней рассматривается транзитное измерение этих интересов и отношений. Это фундаментальная работа в области политологии, в ней много выводов и рекомендаций для конкретных адресатов». Р. 9 признается, что любимой является работа, посвященная формированию имиджа Молдовы, в которой рассматриваются молдаво-российские отношения в контексте политики сотрудничества. Она считает: «Мое личное достижение состоит в том, что я решилась написать об этом и показать, что не все так плохо, что можно и нужно сотрудничать, а главное, что не так уж мы далеко разошлись, чтобы совсем разорвать эти отношения». Р. 10 указывает на монографию, посвященную исследованию социальной политики в области рынка труда, в которой исследуются проблемы современной социальной политики государства в различных сферах жизни общества: труда, образования, национальных меньшинств, молодежи, старшего поколения и др.

Анализируя представленные сообщения респондентов, нельзя не отметить их открытость и искреннее желание поделиться своим опытом научной работы. Все темы оригинальны, самостоятельны и посвящены актуальным проблемам социально-политического развития Молдовы. Многие респонденты во время написания диссертации участвовали в различных проектах и использовали полученный материал для своих научных обобщений. Все респонденты отмечают, что работа над написанием диссертации способствовала углублению их знаний, что, в свою очередь, оказало влияние на повышение качества преподавания.

Отвечая на вопрос, какую роль в их становлении как ученых-политологов сыграли стажировки за рубежом и/или контакты с иностранными специалистами, большинство респондентов сообщили, прежде всего, о том, что стажировки за рубежом помогли расширить их кругозор. Все респонденты были в зарубежных стажировках, притом по всему миру. Были названы Румыния, Украина, Россия, Польша, Венгрия, Болгария, Германия, Франция, Испания, США. Обращает внимание оценка своего отношения к стажировкам за рубежом и контактам с иностранными специалистами двух респондентов. По-разному, но достаточно убедительно они отмечают важность этих событий. Р. 11 эмоционально рассказывает: «Мои стажировки – это, конечно, культурный шок. Как только выезжаешь за пределы Молдовы, понимаешь, насколько мала наша страна. Но это позволяет посмотреть со стороны на наше общество, понять, что наши проблемы не самые страшные и вполне решаемые. Стажировки – это и возможность общения с преподавателями и исследователями из других стран. Я проходил стажировку в Евро-

пейском парламенте два месяца. На выходные дни мог себе позволить съездить в Париж, Берлин, Прагу, Гаагу, Маастрихт». В то же время Р. 5 сообщает: «У меня практически не было научных стажировок. Я особенно и не люблю путешествовать. Сейчас все доступно и без этого. Есть очень много научной литературы в библиотеках и в интернете, так что я не могу сказать, что зарубежные стажировки оказали большое влияние». На наш взгляд, последнее суждение ни в коей мере не снижает значимость зарубежных стажировок и научных контактов с политологами других стран как в плане саморазвития преподавателя, так и в целом развития политологии как науки.

В ходе исследования респондентов просили порассуждать на свободную тему и ответить на вопрос, что бы каждый из них сделал, если бы имел возможность реально влиять на развитие молдавской политологической науки. Мнения кардинально разделились. При этом каждый респондент выдвинул свое предложение, которое убежденно отстаивал. Приведем наиболее оригинальные и интересные из высказанных предложений. Р. 4 предлагает расширять научные зарубежные стажировки молдавских студентов и аспирантов, так как в настоящее время такая возможность предоставляется единицам. Р. 9 считала бы необходимым создание особого фонда финансирования развития преподавателей политологии, чтобы преподаватели имели возможность ездить на научные стажировки или в порядке обмена опытом». Р. 6 заявляет: «В первую очередь, я, наверное, лоббировала бы в парламенте положение о том, чтобы каждый центр, который принимает решение, представлял вместе с разрабатываемым документом доклад специалиста по этому вопросу. Таким образом, я бы промотивировала сотрудничество между политической наукой и принятием решения». Р. 7 считает: «В первую очередь, должен быть выполнен комплекс мероприятий, связанных с преподаванием. И начинать нужно со школ, затем высшие учебные заведения. Политологическая наука должна отойти от теоретического уровня исследований и стать ближе к реальной практике. Нам нужно прийти в школу, в лицей, в любое учебное заведение». Р. 8 убежден: «В первую очередь, надо подготовить хорошие научные кадры, их нужно готовить не только для поступления в аспирантуру, важна также переподготовка и повышение квалификации этих кадров. К сожалению, в республике нет специального института повышения квалификации преподавателей политологии». Р. 11 полагает, что «политологию должны изучать студенты всех факультетов и специальностей, чтобы иметь базовое понимание того, что такая партия, государство, общество, политическая система, избирательная система. При этом не только каждый студент, но и школьник старших классов должен иметь определенные политологические знания».

Можно выделить следующие предложения и/или рекомендации преподавателей-политологов по развитию политической науки в Молдове:

- укреплять материальную базу и финансирование научных исследований, что способствовало бы повышению интереса молодых ученых;
- расширять научные зарубежные стажировки молдавских студентов и аспирантов;
- создать специальный фонд финансирования развития политической науки в Молдове, чтобы преподаватели политологии имели возможность ездить на научные стажировки и научные конференции;
- развивать сотрудничество между политической наукой и практикой принятия решения политиками;
- разработать комплекс мероприятий, связанных с системой преподавания политологии; политологическая наука не должна ограничиваться теоретическим уровнем, но стать ближе к реальной практике;
- создать специальный институт повышения квалификации преподавателей политологии;
- политологию должны изучать студенты всех факультетов и специальностей, чтобы иметь базовое понимание того, что такая партия, государство, общество, политическая система, избирательная система;
- ввести в преподавание адаптированный курс политологии для школьников старших классов.

Подводя итоги, следует отметить, что молдавские преподаватели политологии ответственно относятся к своей профессиональной педагогической и научной деятельности.

§ 10. Специфика и характерные особенности преподавательской и административной деятельности молдавских политологов

Одной из задач настоящего исследования является рассмотрение не только отношения молдавских преподавателей к политической науке и стратегий ее развития, но и к проблемам преподавания политологии, их отношения к работе со студентами и аспирантами.

Прежде всего, респондентам был задан вопрос, каковы, на их взгляд, главные современные политические проблемы и/или тенденции, которые должны изучать и над которыми должны работать студенты сегодня. Большинство респондентов указывают, что главной стратегией преподавания является не навязывание студентам темы для исследования, а лишь оказание помощи в определении актуальных современных тенденций и проблем политологии, чтобы вызвать интерес к ним. Особое внимание в процессе преподавания политической науки следует уделять изучению вопросов модернизации молдавского общества и молдавской политики. При этом необходимо кардинально изменить социальные стереотипы сознания, ко-

торые не соответствуют содержанию понятий «гражданского общества» и «правового государства». Надо активнее привлекать студентов к изучению проблем гражданского общества, межэтнических отношений, политической культуры, вопросов трудовой миграции. Важно также развивать у студентов толерантность к другим взглядам, отличающимся от их собственных. Следует привлекать студентов и к участию в научных конференциях, к научно-исследовательской работе на кафедре.

По мнению Р. 7, задача преподавания курса политологии состоит, прежде всего, в том, чтобы «показать актуальность и перспективность исследовательских тем. При этом важно знать то, чего раньше не было в нашей педагогической и научной деятельности, насколько выбранная тема является, образно говоря, “грантоподъемной”». Р. 11 полагает, что «основными темами для изучения студентами должны стать политические конфликты, эффективность функционирования политической системы Республики Молдовы, гражданское сознание и политическая социализация».

Анализ ответов респондентов в плане определения стратегии преподавания политологии позволил предложить респондентам привести наиболее показательные примеры привлечения студентов к совместной научной работе. Большинство респондентов отметили, что основной формой привлечения студентов к научной работе в их вузах является участие в научных конференциях разного уровня: вузовских, межвузовских, региональных, международных. Так, Р. 6 привлекает студентов к работе над совместными публикациями в молдавских изданиях. Р. 11 уверяет: «Обязательно привлекаю, студенты – это, наверное, мои первые помощники в исследованиях, которые мы постоянно проводим. Считаю, что для них это опыт и практика, а для преподавателей это выполнение серьезного объема интеллектуального труда. Конкретные примеры: участие в совместных научных проектах и написание совместных научных статей». Вместе с тем Р. 7 высказал особое мнение, кардинально отличающееся от всех остальных: «Редко привлекаю и студентов и аспирантов, так как бытует мнение, что профессор берет идеи студентов и аспирантов и приписывает их себе. Я сам пишу. Студенту могу дать тему, могу подсказать, но исследование они должны делать самостоятельно. Конечно, я помогаю, но о соавторстве и речи быть не может».

Можно констатировать, что пока показательных примеров привлечения студентов к совместной научной деятельности с преподавателями очень мало, фактически единицы. Работа в этом направлении ограничивается подготовкой и привлечением студентов к участию в научных конференциях.

В целях нашего исследования респондентам давали задание охарактеризовать специфику преподавательской работы с аспирантами, а также поделиться достижениями в этой области деятельности. Следует

отметить, что только половина респондентов, участвовавших в интервью, занимаются подготовкой и обучением аспирантов. В этом контексте был сформулирован вопрос о принципах и философии обучения, если таковая имеется, и/или конкретных подходах при подготовке аспирантов. Отвечая на него, Р. 9 считает, что «философия – это громко сказано, все-таки подход, а не философия обучения аспирантов. Моя установка – давать аспирантам как можно больше самостоятельности, то есть стоять над ними ни к чему. Самое главное – самостоятельность мышления и самостоятельность действий». Р. 10 сообщает: «Да, у меня есть такая философия. Прежде всего, философия моего обучения аспирантов заключается в том, что современная научная подготовка аспирантов и вообще деятельность в науке кардинально отличается от того, что было 20 лет назад, от того, что было до 1990 г. Сегодня в подготовке и написании научной работы большое место занимают компьютеризация и информационные технологии. Второй составляющей моего подхода является обязательная включенность молодого ученого в международное сотрудничество, то есть без участия в программах и проектах он не состоится как ученый». Остальные респонденты признали, что работают в соответствии с традиционным подходом, то есть оказывают помощь в выборе темы и составлении плана работы, а также осуществляют постоянный менеджмент и аудит деятельности аспирантов.

Респондентам также было предложено рассказать, есть ли у них аспиранты и/или однокурсники, с которыми они поддерживают творческие связи: «Конечно, есть. Есть однокурсники, с которыми поддерживаются постоянные научные контакты, в Румынии, Словакии, Канаде, а также поддерживаю связи с коллегами по аспирантуре в Испании, приглашаю их публиковать у нас научные работы» (Р. 6); «Я учился в МГУ им. М. В. Ломоносова, поэтому у меня очень много коллег, которые работают в разных странах на разных должностях в вузах, аналитических центрах, государственных структурах, бизнесе. Благодаря сокурснику уже шестой год подряд участвую в Родосском форуме» (Р. 7). Следует признать, что, судя по ответам, большинство респондентов постоянных творческих связей с аспирантами и однокурсниками не поддерживают.

Следующие вопросы были адресованы двум респондентам, которые являются заведующими кафедрами политологии и занимаются административной деятельностью. На вопрос «Были ли у Вас какие-нибудь ориентиры при создании кафедры (в плане создания учебных программ, организации учебного процесса и/или выбора дисциплин и спецкурсов)?» Р. 10 отвечает: «Первоначально, в качестве базовых были взяты учебные программы МГИМО. Позже стали использовать программы учебных заведений Румынии. После стажировки в США снова скорректировали программы. Сейчас много контактов с европейскими вузами. Есть общие программы с

итальянскими университетами». Р. 7 сообщает: «Вначале мы пошли по пути заимствований румынской, польской, французской и американской политологических школ, действовали поверхностно, схематически и ориентировали учебные программы только на проблемы административного управления и международных отношений. Но реальная политическая практика показала, что современная внешняя политика – это не самостоятельный, обособленный объект политической науки, она неразрывно связана и во многом обусловлена внутренней политикой. Например, европейская интеграция – это больше внутренний вопрос страны, а не внешняя политика. В этом плане мы стали ориентироваться на французскую школу политических и административных наук, также поддерживаем тесные связи с румынскими коллегами».

На вопрос, были ли какие-либо сложности с размежеванием предметного поля политологии в момент ее становления как науки в Молдове, последовали следующие ответы: «Осознав, что Молдова – маленькая страна, и вследствие этого мы не можем сразу выстроить какие-то собственные политологические школы, мы пошли по пути адаптации и нахождения того, что является приемлемым для нас. В нашей республике в советское время развивались такие науки, как история и право. В постсоветское время общественные науки стали бурно развиваться, выходя из-под пресса марксизма-ленинизма. Когда стали появляться политология, философия, антропология, историки почувствовали опасность. Специальность “политология” была открыта в составе исторического факультета. Это вызвало конкуренцию, и конкурс на специальность “история” заметно снизился. В 1995 году был создан факультет политических наук, на который молодые люди стремятся, так как хотят активно участвовать в политике, поскольку политология использует технологии, приближенные к жизни, связанные с подготовкой политических экспертов и консультантов» (Р. 7); «В начале 1990-х годов кафедра политологии была межуниверситетской. Курс истории политических учений и политологии был в учебных планах всех специальностей. После внедрения Болонской системы произошло уменьшение количества часов, сокращение курсов. Многие факультеты стали отказываться от политологии, мотивируя тем, что это ведет к политизации процесса обучения. Политология изучается только на факультете политологии, что объясняется в большей мере борьбой факультетов за часы своих специальных дисциплин. Поэтому можно отметить противодействие на уровне образовательных учебных программ» (Р. 10).

На что были ориентированы респонденты как руководители кафедр в момент становления политической науки в Молдове, разрабатывая учебную дисциплину: на накопление теоретических знаний о политике или разработку практических рекомендаций по улучшению жизни граждан, борьбе с

коррупцией, укреплению демократии в стране? На этот вопрос были получены такие ответы: «Нельзя отделять одно от другого. И накопление знаний о политике, и укрепление демократического режима, и улучшение жизни людей, и задача дать знания подрастающему поколению, будущей элите общества – все взаимосвязано. Вначале мы готовили учебные программы по политологии, больше ориентированные на историю политических учений, сейчас мы совмещаем историю и политическую науку. На мой взгляд, надо выстраивать ясную и логически обоснованную иерархию общественных наук, как во французских лицеях, где сначала учат философию. Сейчас политология исключена из учебных программ всех факультетов, кроме политологических специальностей, из-за сокращения количества часов» (Р. 7); «Сначала было осознание того, что нужно теоретическое знание политики. Нас интересовало, что такое политика как феномен, каковы ее направления. Дальнейшее развитие социальной жизни страны призвало отвечать на потребности электорального развития, объяснять резкие перемены в развитии демократии в Молдове. Моя цель и цель кафедры – разработка политических аспектов использования европейских механизмов, инструментов, стандартов для улучшения жизни молдавских граждан» (Р. 10). Таким образом, развитие политологии как науки, по мнению руководителей (администраторов), предполагает органичное соединение теории и практики политической науки.

На вопрос, с какими трудностями респонденты-руководители сталкивались при руководстве кафедрой и есть ли среди них такие, которые обусловлены спецификой политической жизни Республики Молдовы, Р. 7 ответил, что, прежде всего, это низкие зарплаты, из-за чего мужчины практически не идут на кафедру. Поэтому работают в основном женщины. При этом есть свои особенности, связанные с семейными обязанностями, необходимостью ухода в декретный отпуск. Состав кафедры постоянно меняется. Р. 10 выделила целый комплекс проблем: низкая заработная плата, что снижает возможность привлечения молодых кадров в преподавание; нет кадровой политики, которая предполагала бы особую стратегию в отношении научных кадров с опытом – профессоров, доцентов, составляющих научный фонд страны. Государство не участвует в этом; для университетских кадров не предусматривается поощрение научной работы. За публикацию в научных изданиях авторы должны платить сами.

Респондентам рассказали, как именно происходил набор персонала на кафедру политологии, какими принципами и/или критериями они руководствовались в кадровой политике или же это был стихийный процесс: «Когда создавалась кафедра политологии, брали преподавателей с кафедр истории КПСС и научного коммунизма. Мы издали один из первых учебников по политологии. Время было тяжелое, многие уходили из системы образования.

Но с 1995 г. ситуация стала меняться, начали приходить молодые сотрудники, наши выпускники, в основном женщины. Особой политики подбора кадров не было, брали тех, кто лучше учился. В последние годы появилось требование хорошего владения иностранным языком, что, в свою очередь, связано с необходимостью поиска и участия в международных проектах» (Р. 7); «Главным принципом отбора кадров на кафедре является привлечение молодых выпускников, которые проявляют интерес к преподаванию политологии. Отбираем выпускников, которые проходили школу и/или [имели] опыт работы в международных проектах и которые знают иностранные языки. Иногда приходили случайные люди по чьим-либо рекомендациям, но в дальнейшем оценка шла по результатам их преподавательской и научной деятельности. Сейчас приглашаем выпускников магистратуры, которые готовы продолжить обучение в аспирантуре, это наш главный критерий подбора кадров» (Р. 10).

В контексте предыдущего вопроса предлагалось поделиться стратегиями возможного формирования политологической школы в Молдове. Р. 7 считает, что пока о создании политологической школы речь не идет. Школа, по его мнению, может формироваться только в процессе накопления исследований. Но сейчас определились две основные темы, вокруг которых началось устойчивое формирование участников (исследователей): это проблема миграции, по которой имеются гранты с семью странами, и политические партии. Обе темы прикладные и финансируемые. Р. 10 также придерживается мнения, что пока политологической школы в Молдове нет, но на кафедре ставится цель сформировать школу исследований истории и теории международных отношений. Для реализации этой цели на кафедре разрабатывается методология исследования стратегий развития как молдавской политики, так и международных политических процессов и явлений.

Подводя итог, можно сказать, что молдавские политологи ответственно относятся к преподавательской деятельности, рассматривая ее в качестве основы развития как теории, так и практики политической науки. При этом главной стратегией образования практически все участники интервью считают формирование высококвалифицированных кадров и создание молдавской политологической школы.

§ 11. Отношение и/или участие молдавских политологов в публичной деятельности

В контексте настоящего исследования респонденты характеризовали достижения в молдавской политологии с момента ее институциализации и указывали такие, которые могут быть востребованы в мировой политической науке, если они имеются.

Как отмечает Р. 4: «Вопрос непростой, но тем не менее любые идеи и результаты могут быть использованы в научных исследованиях. Но следует признать, что о работах наших политологов недостаточно известно, поэтому они и не востребованы в мировой политической науке». Р. 3 считает: «Конечно, есть, это опыт Молдовы по пути продвижения к Евросоюзу. Поэтому европейские исследователи пристально присматриваются к нашей науке и изучают нас». Р. 1 сообщает, что «есть такие ученые в Молдове, они занимаются проблемами, интересными на региональном и международном уровнях. Речь идет о проблемах современной глобализации и конкретной теме – теме региональной миграции из Республики Молдовы. Тема миграции интересует многие государства стран СНГ и Восточной Европы, так как миграционные потоки ориентируются на эти регионы». Р. 2 также указывает на проблему изучения миграционных потоков и дополняет, что «проблема трудовой миграции носит общеевропейский характер, а миграция вообще – это мировая проблема. Поэтому мировой политической науке интересен наш опыт, вернее его обобщение. В США есть институты, изучающие это, в том числе опыт и нашей страны». Р. 5 сказал: «Есть иностранные ученые, которые интересуются положением в Республике Молдове. Я был удивлен, когда мне позвонили из Пармы и сказали, что хотят встретиться, чтобы поговорить о структуре международных отношений и национальных интересах Республики Молдовы». Р. 6 утверждает: «Что касается институализации молдавской науки, могу сказать, что с 2004 года в каждом министерстве есть департамент анализа и мониторинга политики, который занимается анализом общественных проблем, существующих в обществе, и их продвижением в экономической, социальной и культурной сферах. Именно чиновникам и политическим деятелям необходим качественный анализ эксперта. Хочу отметить, что многие наши публикации признаны и цитируются на Западе». Р. 8 отмечает: «Конечно, есть, мы уже двадцать лет издаем журнал по специальности "Moldoscopie", уникальный в плане анализа политического опыта Республики Молдовы. Это может быть интересно в мировом контексте». Р. 9 считает, что «молдавская наука сделала огромный шаг, многое добилась. Есть достижения, которые могут быть востребованы в мировом контексте. В частности, это проблема разрешения конфликтов».

Можно констатировать, что с момента институализации молдавская наука сделала только первые шаги, но имеет уже определенные успехи, в частности в исследовании процессов миграции и разрешения национальных конфликтов, опыт которых используется в международных научных исследованиях.

Обсуждая значимость и вклад молдавской политической науки, респонденты отвечали на вопрос, стремились ли они занимать государственные должности, чтобы на практике попытаться реализовать свои теоретические

наработки и рекомендации. Большинство респондентов заявили, что не стремятся к этому, так как, находясь в преподавательской среде, обладают определенной свободой действий, чего не может быть на государственной должности. В то же время Р. 10 сообщает: «Может быть, в перспективе, не знаю, но следующие 20 лет – нет, потому что считаю, что интереснее работать преподавателем. Просто не вижу сегодня такой государственной должности». Р. 11 признает: «Когда-то у меня была мечта работать в Министерстве иностранных дел, сейчас хотелось бы поработать в Министерстве реинтеграции, на практике заниматься разрешением приднестровского и других политических конфликтов».

Респондентам было предложено рассказать, привлекались ли они в качестве профессионального политолога (эксперта, консультанта и др.) к процессу разработки и принятия политически значимых решений. Из 12 участников интервью только четверо заявили о привлечении их в качестве экспертов. Р. 5 сообщает: «В 2008 г. принимал участие в качестве эксперта в разработке концепции национальной безопасности Республики Молдова и национальной военной стратегии, которая пока не принята. Кроме того, участвовал в работе Министерства социальной защиты в разработке концепции устойчивого развития Молдовы на 2012–2020 гг., которая также еще не принята». Р. 6 заявляет: «Привлекаюсь как эксперт в Государственную канцелярию по разработке общественных политик. Участвую в “круглых столах”, в которых эксперты и госчиновники обсуждают разработки государственных документов». Р. 7 указывает, что «неоднократно участвовал в качестве консультанта выборного штаба кандидата в депутаты, ответственного за политологические эмпирические исследования. Привлекался также в качестве эксперта к разработке ряда законов и стратегий миграционной политики». Р. 11 сообщает: «В качестве консультанта работал в выборных кампаниях в Кишиневе и Тирасполе, на протяжении последних трех лет постоянно приглашался на телевидение, где обсуждаются актуальные политические проблемы молдавского общества». Остальные респонденты отметили, что в своих научных работах предлагают выводы и практические рекомендации, которые используются экспертными комиссиями разного уровня.

В продолжение предыдущего вопроса респонденты должны были оценить, насколько они были успешны в роли эксперта или консультанта, а также рассказать, прислушиваются ли молдавские политики и должностные лица к рекомендациям профессионалов, в том числе политологов. Из ответов принимавших участие в роли экспертов и консультантов можно выделить только ответ Р. 7, который заявил, что был успешен в такой роли, когда участвовал в качестве начальника штаба предвыборной кампании президента Молдовы в 1996 г., тогда все проведенные социологические исследования и прогнозы оказались успешными. Другие респонденты высказали сомнения

в том, что молдавские политики и должностные лица прислушиваются к советам и рекомендациям ученых политологов. При этом большинство респондентов высказали мнение, что для политолога главное – излагать свои идеи и/или свое видение политических проблем в научных статьях, монографиях и других изданиях, которые должны изучать референты политиков и государственных деятелей.

В этом контексте был задан вопрос, повлиял ли опыт публичной деятельности респондентов на их научную и преподавательскую деятельность, и было предложено проиллюстрировать это на конкретных примерах. Большинство респондентов высказали мнение, что опыт участия в публичной деятельности не повлиял на их профессиональную деятельность как политолога. В то же время отмечают, что используют в процессе преподавания личный опыт публичной деятельности, который не описан ни в каких публикациях. К примеру, Р. 10 считает, что «опыт такой работы бесценен. Когда рассказываешь о нем студентам, они отмечают, что такие лекции носят практический характер, то есть одно дело – излагать теорию, совсем другое – показать, как это делается в практической деятельности». Р. 11 полагает, что «участие в предвыборных штабах позволяет быть в гуще политических событий, позволяет лучше в них разобраться. Соответственно, студенты получают от меня не только теоретические знания, но и знания, примененные к реалиям политической жизни Молдовы. И для меня, и для студентов это большой плюс, так как я не просто прочитал на несколько книг больше, чем они. У меня нарабатывается уникальный профессиональный опыт, которым я могу поделиться».

У респондентов спросили, позволяет ли молдавская система политологического образования выпускать достаточно подготовленных и востребованных в качестве профессиональных экспертов. Мнения разделились, половина респондентов считают, что пока идет процесс становления политологического образования в Молдове, поэтому в этом отношении еще предстоит большая работа. Показательна позиция Р. 9: «Во-первых, Болонская система образования не позволяет выпустить не то что высококлассного, а даже хорошо подготовленного эксперта. Во-вторых, лишь небольшая часть студентов идет в магистратуру, так как мало бюджетных мест, а контракт очень дорогой. В-третьих, в Молдове нет государственной политики в отношении тех, кто закончил магистратуру. Ведь степень магистра предполагает высокий уровень знаний и подготовки, поэтому люди с таким образованием должны быть востребованы. В действительности, в большинстве своем это не так».

Другая половина респондентов убеждена, что молдавская система политологического образования позволяет готовить политологов-экспертов на региональном и национальном уровне, хотя и высказывают сомнение, что они могут конкурировать со специалистами европейского, американского,

российского уровня. Так, Р. 11 заявляет: «Могу сказать о себе, что являюсь продуктом молдавской политологической системы образования. Я учился на кафедре политологии, которая выпустила достаточно большое количество специалистов, некоторые из них оказались востребованными на всех государственных уровнях».

Оценивая представленные мнения, можно сделать вывод, что система политологического образования в Молдове требует дальнейшего совершенствования, так как востребованность профессионалов-политологов пока невелика.

§ 12. Заключительные замечания

Проведенное исследование состояния и развития политики знания политологических сообществ в Молдове требует дальнейшего углубленного исследования. Как показал анализ результатов, специализация «Политология» и учебная дисциплина «Политология» являются востребованными в вузах Молдовы, способствуют активизации и/или оптимизации потенциальных возможностей личности каждого студента, так как, прежде всего, ориентируют студентов на развитие креативного мышления и формирование жизненного кредо. В связи с этим нельзя не отметить, что в настоящий период в Республике Молдова существуют реальные сложности с трудоустройством студентов, вследствие чего многие не находят работу по специальности. Этим, на наш взгляд, объясняется неуверенность в планировании учебы на мастерате и в аспирантуре ввиду отсутствия перспектив карьерного роста.

Следует также отметить как положительный факт доминирование идей и принципов либеральной идеологии и политики в среде студенчества. Однако при этом наблюдается следующее: в большинстве своем молдавские студенты связывают политику и идеологию либерализма с преобладанием принципа свободы во всех сферах жизни общества, и прежде всего в деятельности личности и бизнеса в условиях рыночной экономики.

Самым важным, на наш взгляд, является то, что молдавские студенты в своем большинстве отдают предпочтение европейскому вектору развития и европейской интеграции Республики Молдова. Они устремлены на западный, а не восточный, пророссийский путь развития страны. Определенный оптимизм вызывает стремление и желание студентов решительно бороться и искоренить две самые остро социальные проблемы молдавского общества: бедность народа и коррумпированность власти.

Тем не менее многие актуальные проблемы и аспекты современного развития Молдовы не получили достаточного освещения и требуют дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abbot A. Chaos of Disciplines. – Chicago: The University of Chicago Press, 2001. – 259 p.
2. Alatas S. F. Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences // Current Sociology. – 2003 (November). – Vol. 51(6). – Pp. 599–613.
3. Almond G. A. Separate Tables: Schools and Sects in Political Science / Almond G. A. A Discipline Divided: School and Sects in Political Science. – Newbury Park: Sage, 1990. – Pp. 13–31.
4. Almond G. A. Structural Functionalism and Political Development // Munck G. L., Snyder R. (Eds.). Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. – Pp. 63–85.
5. Amsler S. The Politics of Knowledge in Central Asia. Science between Marx and the market. – Routledge, 2007. – 188 p.
6. Anderson F. An Historian's Life. Max Crawford and the Politics of Academic Freedom. – Melbourne: Melbourne University Press, 2005. – 398 p.
7. Apple M. The State and the Politics of Knowledge / Apple M. (Ed.) The State and the Politics of Knowledge. – New York: Routledge-Falmer, 2003. – Pp. 1–24.
8. Arimoto A. Remarks on the Relationship between Knowledge Functions and the Role of the University // Sörlin S., Vessuri H. (Eds.) Knowledge Society vs. Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – Pp. 175–198.
9. Baard P. P., Deci E. L., Ryan R. M. Intrinsic Need Satisfaction: A Motivational Basis of Performance and Well-Being in Two Work Settings // Journal of Applied Social Psychology. – 2004. – Vol. 34, Issue 10. – Pp. 2045–2068.
10. Baer M. A., Jewell M. E., Sigelman L. (Eds). Political Science in America: Oral Histories of a Discipline. – The University Press of Kentucky, 1991. – 250 p.

11. Ball T. Is There Progress in Political Science? // Ball T. (Ed.) *Idioms of Inquiry. Critique and Renewal in Political Science*. – Albany: State University of New York Press, 1987. – P. 13–44.
12. Barinaga M. Overview: Surprises Across the Cultural Divide // *Science*. – 1994 (March, 11). – Vol. 263. – Pp. 1468–1474.
13. Barnes B., Bloor D., Henry J. *Scientific Knowledge. A Sociological Analysis*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1996. – 230 p.
14. Barrett J. Career, aptitude and selection tests. Match your IQ, personality and abilities to your ideal career. – 3rd ed. – Philadelphia: Cogan Page, 2009. – 215 p.
15. Basalla George. The Spread of Western Science // *Science*. – 1967. – Vol. 156, Issue 3775. – Pp. 611–622.
16. Bates R. H. Markets, Politics, and Choice // Munck G. L., Snyder R. (Eds.). *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. – Pp. 504–555.
17. Benghabrit-Remaoun N. Knowledge and Equity: Unequal Access to Education, Academic Success and Employment Opportunities: The Gender Balance in Algeria // Sörlin S., Vessuri H. (Eds.) *Knowledge Society vs. Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics*. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – Pp. 107–124.
18. Berndtson E. The Development of Political Science. Methodological Problems of Comparative Research // Easton D., Gunnell J. G., Graziano L. (Eds). *The Development of Political Science. A Comparative Survey*. – London, New York: Routledge, 1996. – Pp. 34–58.
19. Blondel J., Müller-Rommel F., Malovà D. *Governing New European Democracies*. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 238 p.
20. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1991. – 203 p.
21. Bohannon J. Who's Afraid of Peer Review? // *Science*. – 2013. – October: Vol. 342, No. № 6154. – Pp. 60–65. (режим доступа: <http://www.sciencemag.org/content/342/6154/60.full>)
22. Bosswell C. *The Political Uses of Expert Knowledge. Immigration Policy and Social Research*. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 272 p.
23. Bourdieu P. *Homo Academicus* / Translated by P. Collier. – Stanford, California: Stanford University Press, 1988. – 344 p.
24. Brintnall M. Political Science in the United States: Notes on the Discipline / M. Brintnall, T. Affigne, D. Pinderhughes // Prepared for the IPSA Conference on International Political Science: New Theoretical and Regional Perspectives. Concordia University Montreal (Quebec), Canada April 30 – May 2, 2008. – Pp. 1–24. (режим доступа: <http://montreal2008.ipsa.org/site/images/PAPERS/section2/2.1%20-%20Brintnall%20Affigne%20Pinderhughes%20-%20USA.pdf>)
25. Brock W. A., Durlauf S. N. A Formal Model of Theory Choice in Science // Mrowski Ph., Sent E.–.M. (Eds.) *Science Bought and Sold: Essays in the Economics of Science*. – Chicago: University of Chicago Press, 2002. – Pp. 341–361.
26. Caesar T. *Traveling through the boondocks: in and out of academic hierarchy*. – New York: State University of New York Press, 2000. – 203 p.

27. Cervero R. M., Wilson A. L. At the Heart of Practice: The Struggle for Knowledge and Power // Cervero R. M., Wilson A. L. and associates (Eds.). Power in practice: adult education and the struggle for knowledge and power in society. – San Francisco: Jossey-Bass, 2001. – Pp. 1–20.
28. Charaffedine F. Knowledge, Culture, and Politics: The Status of Women in the Arab World // Sörlin S., Vessuri H. (Eds.) Knowledge Society vs. Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – Pp. 125–136.
29. Chen Wai-Fah. My Life's Journey. Reflections of an Academic. – Singapore: World Scientific Publishing, 2007. – 449 p.
30. Ching N. Fame is Fortune in Sino-science // (режим доступа: http://nautil.us/is-sue/5/fame-is-fortune-in-sino_science)
31. Clark J. E., Blake M. The power of prestige: competitive generosity and the emergence of rank societies in lowland Mesoamerica // Brumfiel E.M., Fox J.W. (eds.) Factional competition and political development in the New World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – Pp. 17–30.
32. Cognitive Basis of Science / Carruthers P., Stich St., Siegal M. (Eds.). – Cambridge University Press, 2004. – 409 p.
33. Cognitive Models of Science / Giere R. N. (Ed.). – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992. – 508 p.
34. Cohen E. B., Winch R. Diploma and Accreditation Mills: New Trends in Credential Abuse // (режим доступа: <http://www.icde.org/filestore/Resources/Reports/NewTrendsinCredentialAbuse.pdf>)
35. Cole St. Why Sociology Doesn't Make Progress like the Natural Science // Sociological Forum. – 1994. – Vol. 9, No.№ 2. – Pp. 133–154.
36. Costa A., Almeida P. T. de. Portugal: the primacy of 'independents' // Dowding K., Dumont P. (Eds.) The Selection of Ministers in Europe. Hiring and firing. – New York: Routledge, 2009. – Pp. 147–158.
37. Cotta M., Best H. (Eds.) Democratic Representation in Europe. Diversity, Change, and Convergence. – New York: Oxford University Press, 2007. – 527 p.
38. Crick B. The Amerian Science of Politics. Its Origins and Conditions. – Berkley : University of California Press, 1959. – 252 p.
39. Crowther W. E. Legislative elite formation in Moldova. Community and change // Semenova E., Edinger M., Best H. (Eds.). Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and representation. New York: Routledge, 2014. – P. 219–240.
40. Daalder H. (Ed.). Comparative European Politics: The Story of a Profession. – London and Washington: Pinter, 1997. – 369 p.
41. Dahl R. Normative Theory, Empirical Research, and Democracy // Munck G. L., Snyder R. (Eds.). Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. – Pp. 113–149.
42. Dahl R. A. Complexity, change, and contingency // Shapiro I., Smith R. M., Masoud T. E. (Eds.). Problems and Methods in the Study of Politics. – New York: Cambridge University Press, 2004. – Pp. 377–381.

43. Deci E. L., Koestner R., Ryan R. M. Extrinsic Rewards and Intrinsic Motivation in Education: Reconsidered Once Again // *Review of Educational Research*. – 2001 (Spring). – Vol. 71, № 1. – Pp. 1–27.
44. Deci E. L., Vallerand R. J., Pelletier L. G., Ryan R. M. Motivation and Education: The Self-Determination Perspective // *Educational Psychologist*. – 1991. – Vol. 26, Issue 3–4. – Pp. 325–346.
45. Development of Political Science. A Comparative Survey / Easton D., Gunnell J. G., Graziano L. (Eds.). – London, New York: Routledge, 1996. – 296 p.
46. Dillard C. B. On spiritual strivings: transforming an African American woman's academic life. – New York: State University of New York Press, 2006. – 136 p.
47. Discipline and History: Political Science in the United States / Farr J., Seidelman R. (Eds.). – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993. – 427 p.
48. Divided Knowledge. Across Disciplines, Across Cultures / Easton D., Schelling C. S. (Eds.). – Newbury Park: SAGE, 1991. – 261 p.
49. Dowding K., Dumont P. (Eds.) *The Selection of Ministers in Europe. Hiring and firing*. – New York: Routledge, 2009. – 235 p.
50. Dreijmanis Jh. Political Science: A Precarious Vocation // *Teaching Political Science*. – 1981. – Vol. 8, No. 4 (July). – Pp. 475–485.
51. Dryzek J. S. The Progress of Political Science // *The Journal of Politics*. – 1986 (May). – Vol. 48, No. 2. – Pp. 301–320.
52. Facing an unequal world: challenges for a global sociology / Burawoy M., Chang M., Hsieh M. F. (Eds.). – Taiwan: Institute of Sociology, Academia Sinica, 2010. – 361 p.
53. Farr J. Political Science // Porter T. M., Ross D. (Eds.) *The Cambridge History of Science*. Vol. 7. The Modern Social Sciences. – New York: Cambridge University Press, 2003. – Pp. 306–328.
54. Feist G. *The Psychology of Science and the Origins of the Scientific Mind*. – New Haven: Yale University Press, 2006. – 316 p.
55. Fettelschoss K., Nikolenyi C. Learning to rule: ministerial careers in post-communist democracies // Dowding K., Dumont P. (Eds.) *The Selection of Ministers in Europe. Hiring and firing*. – New York: Routledge, 2009. – Pp. 204–227.
56. Fisher F. *Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge*. – Durham and London: Duke University Press, 2000. – 336 p.
57. Fox M. F. *Gender, Hierarchy, and Science* // Chafetz J. S. (Ed.) *Handbook of the Sociology of Gender*. – Springer, 2006. – Pp. 441–458.
58. Frey B. S. *Not Just for the Money. An Economic Theory of Personal Motivation*. – Edward Elgar Publishing, 1997. – 156 p.
59. Frickel S., Gibbon S., Howard J., Kempner J., Ottinger G., Hess D. J. *Undone Science: Charting Social Movement and Civil Society Challenges to Research Agenda Setting* // *Science, Technology, & Human Values*. – 2010. – № 35 (4). – Pp. 444–473.
60. Fuller S. *The Sociology of Intellectual Life. The Career of the Mind in and around the Academy*. – London: Sage, 2009. – 178 p.
61. Gagne M., Deci E. L. *Self-determination Theory and Work Motivation* // *Journal of Organizational Behavior*. – 2005. – № 26. – Pp. 331–362.

62. Gaman-Golutvina O. Parliamentary representation and MPs in Russia: historical retrospective and comparative perspective // Semenova E., Edinger M., Best H. (Eds.). Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and representation. New York: Routledge, 2014. – P. 241–260.
63. Gaxie D., Godmer L. Cultural Capital and Political Selection: Educational Backgrounds of Parliamentarians // Cotta M., Best H. (Eds.) Democratic Representation in Europe. Diversity, Change, and Convergence. – New York: Oxford University Press, 2007. – Pp. 106–135.
64. Gershengorn J. Melville J. Herskovits and the Racial Politics of Knowledge. – Lincoln: University of Nebraska Press, 2004. – 338 p.
65. Gidens Anthony. Sociologie. – Bucureşti: BIC ALL, 2000. – 696 p.
66. Gieryn T. Boundary-work and the demarcation of science from non-science: strains and interests in professional ideologies of scientists // American Sociological Review. – 1983 (December). – Vol. 48., No. № 6. – Pp. 781–795.
67. Gilhooly K. Thinking: Directed, Undirected and Creative. – Academic Press Limited, 1996. – 300 p.
68. Goodin R. The State of the Discipline, the Discipline of the State // Goodin R. (Ed.) The Oxford Handbook of Political Science. – Oxford University Press, 2009. – Pp. 1–57.
69. Hall B. L. The Politics of Globalization: Transformative Practice in Adult Education Graduate Programs // Cervero R. M., Wilson A. L. and associates (Eds.). Power in practice: adult education and the struggle for knowledge and power in society. – San Francisco: Jossey-Bass, 2001. – Pp. 107–125.
70. Haltiwanger J., Waldman M. Rational Expectations and the Limits of Rationality: An Analysis of Heterogeneity // UCLA Economics Working Papers 303, UCLA Department of Economics (<http://www.econ.ucla.edu/workingpapers/wp303.pdf>)
71. Handbook for Teaching and Learning in Higher Education. Enhancing Academic Practice / Fry H., Ketteridge S., Marshall S. (Eds.). – 3rd edition. – London: Routledge, 2009. – 525 p.
72. Harding S. After the Neutrality Ideal: Science, Politics, and “Strong Objectivity” // Social Research. – 1992 (Fall). – Vol. 59, No. № 3. – Pp. 567–587.
73. Harnad S. Crowd-Sourced Peer Review: Substitute or supplement for the current outdated system? // (режим доступа: [http://blogs.lse.ac.uk/ impactofsocialsciences/2014/08/21/crowd-sourced-peer-review-substitute-or-supplement/](http://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2014/08/21/crowd-sourced-peer-review-substitute-or-supplement/))
74. Hayden B. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // Journal of Archaeological Method and Theory. – 1998. – № 5 (1). – Pp. 1–55.
75. Hayward J. Cultural and contextual constraints upon the development of political science in Great Britain // Easton D., Gunnell J. G., Graziano L. (Eds.). The Development of Political Science. A Comparative Survey. – London, New York: Routledge, 1996. – Pp. 93–107.
76. Holden Jr. M. The Competence of Political Science: “Progress in Political Research” Revisited. *Presidential Address, American Political Science Association, 1999* // American Political Science Review. – 2000 (March). – Vol. 94, No. № 1. – Pp. 1–19.
77. Holland J. L. Making vocational choices. – New Jersey: Prentice-Hall, 1973. – 150 p.

78. Hvistendahl M. China's Publication Bazaar // *Science*. – 2013. – November: Vol. 342, No. № 6162. – Pp. 1035–1039.
79. Ideas in Context. Political Innovation and Conceptual Changes / Ball T., Farr J., Hanson R. L. (Eds.). – Cambridge University Press, 1995. – 366 p.
80. Inkson K., King Z. Contested terrain in careers: A psychological contract model // *Human Relations*. – 2010 (November). – № XX(X). – Pp. 1–21.
81. Intrinsic and Extrinsic Motivation. The Search for Optimal Motivation and Performance / Sansone C., Harackiewicz J. M. (Eds.). – San Diego: Academic Press, 2000. – 489 p.
82. Ioannidis J. P. A., Boyack K. W., Klavans R. Estimates of the Continuously Publishing Core in the Scientific Workforce // *PLOS ONE*. 2014 (July), Vol. 9, Issue 7, e101698 (режим доступа: <http://www.plosone.org/article/fetchObject.action?uri=info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0101698&representation=PDF>)
83. Jegede J. O. Science Education in Nonwestern Cultures: Towards a Theory of Collateral Learning // *What is indigenous knowledge? Voices from the Academy* / L. M. Semali, J. L. Kincheloe (Eds.). – New York: Falmer Press, 1999. – Pp. 119–142.
84. Jenkins E. K. The politics of knowledge: implications for understanding and addressing mental health and illness // *Nursing Inquiry*. – 2014 (March). – Vol. 21, Issue 1. – Pp. 3–10.
85. Johnson-Bailey J. The Power of Race and Gender: Black Women's Struggle and Survival in Higher Education // Cervero R. M., Wilson A. L. and associates (Eds.). *Power in practice: adult education and the struggle for knowledge and power in society*. – San Francisco: Jossey-Bass, 2001. – Pp. 126–144.
86. Kam C., Indridason I. Cabinet dynamics and ministerial careers in the French Fifth Republic // Dowding K., Dumont P. (Eds.) *The Selection of Ministers in Europe. Hiring and firing*. – New York: Routledge, 2009. – Pp. 41–57.
87. Kasapoğlu A., Kaya N-C., Ecevit M. The Center-Periphery Relationship between Turkish and Western Sociologies // Burawoy M., Chang M., Hsieh M. F. (Eds.). *Facing an unequal world: challenges for a global sociology*. – Taiwan: Institute of Sociology, Academia Sinica, 2010. – Pp. 97–117.
88. Keohane R. O. Political Science as a Vocation // *PS: Political Science & Politics*. – 2009 (April). – Volume 42, Issue 02. – Pp. 359–363.
89. Klahr D. Exploring Science. The Cognition and Developmenr of Discovery Process. – Massachusetts: The MIT Press, 2000. – 239 p.
90. Knorr-Cetina K. The Manufacture of Knowledge. An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. – Pergamon Press, 1981. – 189 p.
91. Knowledge Society vs. Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics / Sörlin S., Vessuri H. (Eds.) – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 208 p.
92. Koenig A. M. Hands-on admissions: Diploma Mills // (режим доступа: <http://shelby-clearley.files.wordpress.com/2010/06/diploma-mills.pdf>)
93. Kogan M. Modes of Knowledge and Patterns of Power // Sörlin S., Vessuri H. (Eds.) *Knowledge Society vs. Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics*. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – Pp. 35–51.

94. Kremen V., Nikolajenko S. (Eds.). Higher education in Ukraine. Bucharest: UNESCO European Centre fo Higher Education, 2006. – 99 p.
95. Ladd E.C., Lipset S. M. Portrait of a Discipline. The American Political Science Community. Part II. // *Teaching Political Science*. – 1975 (January). – Vol. 2, No.№ 2. – Pp. 144–171.
96. Ladd E. C., Lipset S. M. The Divided Academy: Professors and Politics. – McGraw-Hill Company, 1975. – 351 p.
97. Ladd E. C., Lipset S. M. Portrait of a Discipline. The American Political Science Community. Part I. // *Teaching Political Science*. – 1974. – Vol. 2, No.№ 1 (October). – Pp. 3–39.
98. Ladd E., Lipset S. M. The Politics of American Political Scientists // *PS: Political Science*. – 1971 (Spring). – Vol. 4, No.№ 2. – Pp. 135–144.
99. Leca J. French political science and its 'subfields': Some reflections on the intellectual organization of the discipline in relation to its historical and social situation // Easton D., Gunnell J. G., Graziano L. (Eds.). *The Development of Political Science. A Comparative Survey*. – London, New York: Routledge, 1996. – Pp. 147–186.
100. Leonard S. The Pedagogical Purposes of a Political Science // Farr J., Dryzek J., Leonard S. (Eds.) *Political Science in History. Research Programs and Political Traditions*. – Cambridge University Press, 1995. – Pp. 66–98.
101. Lijphart A. Political Institutions, Divided Societies, and Consociational Democracy // Munck G. L., Snyder R. (Eds.). *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. – Pp. 234–272.
102. Lipset S. M. *Political Man. The Social Bases of Politics*. – New York: Doubleday & Company, 1960. – 432 p.
103. Lucas L. *The Research Game in Academic Life*. – The Society for Research in Higher Education & Open University Press, 2006. – 186 p.
104. Macdonald K. M. *The Sociology of the Professions*. – California: Sage, 1999. – 224 p.
105. Macfarlane B. *The Academic Citizen. The Virtue of Service in University Life*. – New York: Routledge, 2007. – 201 p.
106. Mama, PhD. *Women Write about Motherhood and Academic Life* / Evans E., Grant C. (Eds.). – New Jersey: Rutgers University Press, 2008. – 262 p.
107. Manual de știință politică / ed. : Robert E. Goodin, Hans-Dieter Klingemann. – Iași : Polirom, 2005. – 734 p.
108. Martin Ph. Key aspects of teaching and learning in arts, humanities and social sciences // *Handbook for Teaching and Learning in Higher Education. Enhancing Academic Practice* / Fry H., Ketteridge S., Marshall S. (Eds.). – 3rd edition. – London: Routledge, 2009. – Pp. 300–322.
109. Masuoka N., Grofman B., Feld S. L. The Political Science 400: A 20-Year Update // *PS: Political Science and Politics*. – 2007 (January). – Pp. 133–145.
110. Maurial M. Indigenous Knowledge and Schooling: A Continuum Between Conflict and Dialogue // *What is indigenous knowledge? Voices from the Academy* / L. M. Semali, J. L. Kincheloe (Eds.). – New York: Falmer Press, 1999. – Pp. 59–78.
111. Merriam Ch. Progress in Political Research // *American Political Science Review*. – 1926. – Vol. XX, № 1 (February). – P. 1–13.

112. Mills Ch. W. The professional ideology of social pathologists // American Journal of Sociology. – 1943 (September). – Vol. 49, № 2. – Pp. 165–180.
113. Mojab S. The Power of Economic Globalization: Deskilling Immigrant Women Through Training // Cervero R. M., Wilson A. L. and associates (Eds.). Power in practice: adult education and the struggle for knowledge and power in society. – San Francisco: Jossey-Bass, 2001. – Pp. 23–41.
114. Moon D. M. Pluralism and Progress in the Study of Politics // Crotty W. (Ed.) Political Science: Looking to the Future. Vol. 1. The Theory and Practice of Political Science. – Evanston: Northwestern University Press, 2001. – P. 45–56.
115. Mucina M. K. Remembering the 1947 Partition of India Through the Voices of Second Generation Punjabi Women // Wane N., Kempf A., Simmons M. (Eds.) The Politics of Cultural Knowledge. – Rotterdam: Sense Publishers, 2011. – Pp. 51–70.
116. Munck G. L., Snyder R. (Eds). Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. – 773 p.
117. Nersessian N. J. The cognitive basis of model-based reasoning in science // Cartwright P., Stich St., Siegal M. (Eds). The cognitive basis of science. – Cambridge University Press, 2004. – Pp. 133–153.
118. Norris P., Lovenduski J. Political Recruitment. Gender, race and class in the British parliament. – Cambridge University Press, 2004. – 320 p.
119. Norton A. Political science as a vocation // Shapiro I., Smith R. M., Masoud T. E. (Eds.). Problems and Methods in the Study of Politics. – New York: Cambridge University Press, 2004. – Pp. 67–82.
120. O'Cadiz, M. del P. Knowledge and curriculum: the transformative politics of the interdisciplinary project // Stromquist N. P., Basile M. L. (Eds.). Politics of educational innovations in developing countries. An analysis of knowledge and power. – New York and London, 1999. – Pp. 17–50.
121. Oleinik A. Knowledge and Networking. On Communication in the Social Sciences. – New Jersey: Transaction Publishers, 2014. – 233 p.
122. Oliveira J. B. A., Orivel F. Training teachers at a distance: the case of logos ii in Brazil // Stromquist N. P., Basile M. L. (Eds.). Politics of educational innovations in developing countries. An analysis of knowledge and power. – New York and London, 1999. – Pp. 150–176.
123. Oren I. Our Enemies and US: America's rivalries and the Making of Political Science. – Ithaca: Cornell University Press, 2003. – 234 p.
124. Pedersen M. N. Present at the Creation // Daalder H. (Ed). Comparative European Politics: The Story of a Profession. – London: Pinter Publishers, 1999. – Pp. 253–266.
125. Peru-Bălan A. Imaginea internațională: afiliile internaționale ale partidelor politice din Republica Moldova; În: MOLDOSCOPIE, (Probleme de analiză politică), nr. 55(LIV), Chișinău, AMSP, 2011, p.150–163. ISSN 1812-2566.
126. Pivneva L. Political aspects of reforming the higher-education system in Ukraine // Webber S., Liikanen I. (Eds.) Education and Civic Culture in Post-Communist countries. – Basingstoke: Palgrave, 2001. – Pp. 248–259.

127. Plourde A. M. Prestige Goods and the Formation of Political Hierarchy. A costly signaling model // Shennan S. (Ed.) *Pattern and Process in Cultural Evolution*. – University of California Press, 2009. – Pp. 265–276.
128. Political Science in History. Research Programs and Political Traditions / Farr J., Dryzek J., Leonard S. (Eds.). – Cambridge University Press, 1995. – 360 p.
129. Politics of Cultural Knowledge / Wane N., Kempf A., Simmons M. (Eds.). – Rotterdam: Sense Publishers, 2011. – 163 p.
130. Politics of educational innovations in developing countries. An analysis of knowledge and power / Stromquist N. P., Basile M. L. (Eds.). – New York and London, 1999. – 231 p.
131. Power in practice: adult education and the struggle for knowledge and power in society / Cervero R. M., Wilson A. L. and associates (Eds.). – San Francisco: Jossey-Bass, 2001. – 303 p.
132. Pritchard K. W., Fen S.-N., Buxton Th. H. The Political Leanings of College Teachers of Education in Eight Selected Universities and Colleges // *Western Political Quarterly*. – 1971 (September). – N № 3. – Pp. 549–559.
133. Private Higher Education in Post-Communist Europe. In *Search of Legitimacy* / Slantcheva S., Levy D. C. (Eds.). – New York: Palgrave, 2007. – 327 p.
134. Rafferty A. M. The Politics of Nursing Knowledge. – London: Routledge, 1996. – 294 p.
135. Rawls, John: For the Record // *Harvard Review of Philosophy*. – 1991. – Vol. 1 (Spring). – Pp. 38–47.
136. Reeve J. A Self-determination Theory. Perspective on Student Engagement // Christenson S. L., Reschly A. L., Wylie C. (Eds.). *Handbook of Research on Student Engagement*. – Springer, 2012. – Pp. 149–142.
137. Regime and Discipline. Democracy and the Development of Political Science / Easton D., Gunnell J., Stein M. B. (Eds.). – The University of Michigan Press, 1998. – 295 p.
138. Registrul gradelor științifice de doctor și doctor habilitat conferite în perioada, 2002–2012 / Consiliul Național pentru Acreditare și Atestare. – Chișinău : S.n., 2012. – 232 c.
139. Reinharz S. (with the assistance of L. Davidman). *Feminist Methods in Social Research*. – New York: Oxford University Press, 1992. – 414 p.
140. Remedios F. Fuller and Rouse on the Legitimation of Scientific Knowledge // *Philosophy of the Social Sciences*. – 2003. – Vol. 33, N.№ 4
141. Researchers and their 'Subjects'. Ethics, power, knowledge and consent / Smyth M., Williamson E. (Eds.). – Bristol: The Policy Press, 2004. – 227 p.
142. Retamar R .F. Knowledge, Theory, and Tension Between Local and Universal Knowledge // Sörlin S., Vessuri H. (Eds.) *Knowledge Society vs. Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics*. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – Pp. 137–156.
143. Ricci D. Reading Thomas Kuhn in the Post-Behavioral Era // *Western Political Quarterly*. – 1977 (March). – N № 1. – Pp. 7–34.
144. Ricci D. M. The Tragedy of Political Science. Politics, Scholarship, and Democracy. New Haven: Yale University Press, 1984. – 335 p.
145. Riffe D., Lacy S., Fico F. *Analyzing Media Messages: Using Quantitative Content Analysis in Research*. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1998. – 216 p.

146. Ross D. The Origins of American Social Science. – Cambridge University Press, 2004. – 508 p.
147. Rothman S., Kelly-Woessner A., Woessner M. The Still Divided Academy: How Competing Visions of Power, Politics, and Diversity Complicate the Mission of Higher Education. – Rowman & Littlefield Publishers, 2011. – 282 p.
148. Rouse J. Engaging Science: How to Understand Its Practices Philosophically. – Cornell University Press, 1996. – 282 p.
149. Rubenson K. The Power of the State: Connecting Lifelong Learning Policy and Educational Practice // Cervero R. M., Wilson A. L. and associates (Eds.). Power in practice: adult education and the struggle for knowledge and power in society. – San Francisco: Jossey-Bass, 2001. – Pp. 83–103.
150. Ruget V. Scientific Capital in American Political Science: Who Possesses What, When and How? // New Political Science. – 2002. – Vol. 24, № 3. – Pp. 469–478.
151. Ryan R. M., Deci E. L. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions // Contemporary Educational Psychology. – 2000. – № 25. – Pp. 54–67.
152. Sabloff P. L. W. Introduction // Sabloff P. L. W. (Eds.) Higher Education in the Post-Communist World: Case studies of eight universities. – New York: Garland Publishing, 1999. – P. ix–xiv.
153. Safi O. The Politics of Knowledge in Premodern Islam. Negotiating Ideology and Religious Inquiry. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2006. – 292 p.
154. Said E. The Politics of Knowledge // Raritan. – 1991. – Vol. 11., № 1. – Pp. 17–31.
155. Samuel H., Sutopo O. R. The Many Faces of Indonesia: Knowledge Production and Power Relations // Asian Social Science. – 2013. – Vol. 9, № 13. – Pp. 289–298.
156. Sato Y. Are Asian Sociologies Possible? Universalism versus Particularism // Burawoy M., Chang M., Hsieh M. F. (Eds.). Facing an unequal world: challenges for a global sociology. – Taiwan: Institute of Sociology, Academia Sinica, 2010. – Pp. 192–200.
157. Schwitzgebel E. Do Ethicists and Political Philosophers Vote More Often Than Other Professors? // Review of Philosophical Psychology. – 2010. – N №1. – Pp. 189–199.
158. Scott J. Peasants, Power, and the Art of Resistance // Munck G. L., Snyder R. (Eds.). Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. – Pp. 351–391.
159. Scraton Ph. Speaking truth to power: experiencing critical research // Smyth M., Williamson E. (Eds.) Researchers and their 'Subjects'. Ethics, power, knowledge and consent. – Bristol: The Policy Press, 2004. – Pp. 175–198.
160. Seidelman R. Political scientists, disenchanted realists and disappearing democrats // Farr J., Seidelman R. (Eds.) Discipline and History: Political Science in the United States. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993. – Pp. 311–325.
161. Semali L. M., Kincheloe J. L. Introduction: What is Indigenous Knowledge and Why Should We Study It? // What is indigenous knowledge? Voices from the Academy / L. M. Semali, J. L. Kincheloe (Eds.). – New York: Falmer Press, 1999. – Pp. 3–58.
162. Semenova E. Patterns of Parliamentary Representation and Careers in Ukraine: 1990–2007 // East European Politics and Societies. – 2012 (August). – Volume 26. Number 3. – P. 538–560.

163. Semenova E., Edinger M., Best H. Patterns of parliamentary elite recruitment in Central and Eastern Europe. A comparative analysis // Semenova E., Edinger M., Best H. (Eds.). *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and representation*. New York: Routledge, 2014. – P. 284–304.
164. Shapin S. *The scientific life: a moral history of a late modern vocation*. – Chicago: University of Chicago Press, 2008. – 468 p.
165. Shih Cheng-Feng. Academic Colonialism and the Struggle for Indigenous Knowledge System in Taiwan // *Social Alternative*. – 2010. – № 1, Vol. 29. – Pp. 44–47.
166. Shlapentokh V. (in collaboration with Joshua Woods). *Contemporary Russia as a Feudal Society. A New Perspective on the Post-Soviet Era*. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2007. – 268 p.
167. Sigelman L. Top twenty commentaries // *American Political Science Review*. – 2006 (November). – Vol. 100, № 4. – Pp. 667–688.
168. Singh M. *Universities and Society: Whose Terms of Engagement?* // Sörlin S., Vessuri H. (Eds.) *Knowledge Society vs. Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics*. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – Pp. 53–78.
169. Skocpol Th. *States, Revolutions, and the Comparative Historical Imagination* // Munck G. L., Snyder R. (Eds.). *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. – Pp. 649–707.
170. Snyder R. *The Human Dimension of Comparative Research* // Munck G. L., Snyder R. (Eds.). *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. – Pp. 1–31.
171. Sommit A., Tanenhaus J. *American Political Science. A Profile of a Discipline*. – New York: Prentice Hall, 1964. – 173 p.
172. Sommit A., Tanenhaus J. *The Development of American Political Science*. – New York: Irvington Publishers, 1982. – 246 p.
173. Spivak G. *Can the Subaltern Speak?* // *The post-colonial studies reader* / Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (Eds.). – New York: Routledge, 1995. – Pp. 24–29.
174. State and the Politics of Knowledge / Apple M. (Ed.). *The State and the Politics of Knowledge*. – New York: RoutledgeFalmer, 2003. – 259 p.
175. Stein M. B. *Major Factors in the Emergence of Political Science as a Discipline in Western Democracies: A Comparative Analysis of the United States, Britain, France, and Germany Regime and Discipline* // *Democracy and the Development of Political Science* / Easton D., Gunnell J., Stein M. B. (Eds.). – The University of Michigan Press, 1998. – Pp. 169–196.
176. Stetar J., Pohribny A. *Toward a New Definition of Quality: Taras Shevchenko National University (Kyiv University), Ukraine* // Sabloff P. L. W. (Ed.) *Higher Education in the Post-Communist World: Case studies of eight universities*. – New York: Garland Publishing, 1999. – P. 163–187.
177. Stetar J., Berezkina E. *Evolution of Ukrainian Private Higher Education: 1991–2001* // *International Higher Education*. – 2002 (Fall). – № 3. – P. 15–17;
178. Stetar J., Panych O., Tatusko A. *State Power in Legitimizing and Regulating Private Higher Education: The Case of Ukraine* // Slantcheva S., Levy D. C. (Eds.) *Private*

- Higher Education in Post-Communist Europe. In Search of Legitimacy. – New York: Palgrave, 2007. – Pp. 239–256.
179. Sörlin S., Vessuri H. Introduction: The Democratic Deficit of Knowledge Economies // Sörlin S., Vessuri H. (Eds.) Knowledge Society vs. Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – Pp. 1–33.
180. Tarleton B., Williams V., Palmer N., Gramlich S. ‘An equal relationship?’: people with learning difficulties getting involved in research // Smyth M., Williamson E. (Eds.) Researchers and their ‘Subjects’. Ethics, power, knowledge and consent. – Bristol: The Policy Press, 2004. – Pp. 73–90.
181. Thagard P. The passionate scientist: emotion in scientific cognition // Carruthers P., Stich St., Siegal M. (Eds.) The cognitive basis of science. – Cambridge University Press, 2004. – Pp. 235–250.
182. Todorov Tzvetan. The Conquest of America: The Question of the Other. – University of Oklahoma Press, 1999. – 275 p.
183. Tolleson-Rinehart S. Carroll S. J. “Far from Ideal:” The Gender Politics of Political Science // American Political Science Review. – 2006 (November). – Vol. 100, № 4. – Pp. 507–513.
184. Trent J. E., Stein M. The interaction of the state and political science in Canada. A preliminary mapping // Easton D., Gunnell J. G., Graziano L. (Eds.) The Development of Political Science. A Comparative Survey. – London, New York: Routledge, 1996. – Pp. 59–92.
185. Turner H., Hetrick C. C. Political Activities and Party Affiliations of American Political Scientists // Political Research Quarterly. – 1972. – No. № 25. – Pp. 361–374.
186. Turner M. Cognitive Dimensions of Social Science. – New York: Oxford University Press, 2001. – 183 p.
187. Uniunea Europeană - marea provocare a Republicii Moldova, Sondaj la nivel național. – Chișinău, IDIS Viitorul, septembrie 2011 (режим доступа: <http://www.viitorul.org/doc.php?l=ro&idc=298&id=3285&t=/STUDII-IDIS/Sondaje-national/ Sondaj-national-Uniunea-Europeană-marea-provocare-a-Republicii-Moldova>)
188. Utter G. H. (Ed.) American political scientists. A Dictionary / (Eds.) G. H. Utter, Ch. Lockhart; foreword by R. Jervis. – 2nd ed. – Greenwood Press, 2002. – 517 p.
189. Viziuni asupra administrației curente și a factorilor de schimbare. Sondaj realizat de Institutul Național Democrat, Chișinău, iulie 2013 (режим доступа: <http://www.ndi.org/moldova>)
190. Voss J., Wolfe C. R., Lawrence J. A., Engle R. A. From representation to Decision: An Analysis of Problem Solving in International Relations // Sternberg R. J. (Eds.) Complex Problem Solving: Principles and Mechanism // R. J. Sternberg, P. A. Frensch. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. – Pp. 119–158.
191. Vox Populi. Stratificarea socială în Republica Moldova: analiză sociologică. – Chișinău, ianuarie, 2012 (режим доступа: <http://www.stiri-azi.ro/ziare/articol/articol/vox-populi--ianuarie--stratificarea-sociala-in-republica-moldova-analiza-sociologica/sumar-articol/44158902/>)

192. Wane N. The Politics of African Development: Conversations with Women from Rural Kenya // Wane N., Kempf A., Simmons M. (Eds.). The Politics of Cultural Knowledge. – Rotterdam: Sense Publishers, 2011. – Pp. 137–154.
193. Wang Nai-Xing. China's chemists should avoid the Vanity Fair // (режим доступа: <http://www.nature.com/news/2011/110817/full/476253a.html>)
194. What is Indigenous Knowledge? Voices from the Academy / L. M. Semali, J. L. Kincheloe (Eds.). – New York: Falmer Press, 1999. – 381 p.
195. White P. Education and Career Choice. A New Model of Decision Making. – Palgrave Macmillan, 2007. – 188 p.
196. Whitley R. The Intellectual and Social Organization of the Sciences. 2nd edition. – New York: Oxford University Press, 2000. – 319 p. [i–xliv].
197. Zeleza P. T. Knowledge, Globalization, and Hegemony: Production of Knowledge in the Twenty-First Century // Sörlin S., Vessuri H. (Eds.) Knowledge Society vs. Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – Pp. 79–106.
198. Алмонд Г. Гражданская культура: предыстория, взгляд в прошлое и будущее // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. – Вып. 5. – Харьков, 2007. – С. 30–44.
199. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука : новые направления : пер. с англ. – М. : Вече, 1999. – С. 69–112.
200. Альбах Ф., Райсберг Л., Пачеко И. Академическое вознаграждение и контракты: мировые тенденции и реалии // Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов: пер. с англ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 15–35.
201. Амабайль Т. Внутри вас, вне вас: в рамках и за рамками социальной психологии творчества // Стоу Б. М. Антология организационной психологии: пер. с англ. – М. : ООО «Вершина», 2005. – С. 572–598.
202. Андрушак Г., Юдкевич М. Высшее образование в России: заработная плата и контракты // Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов: пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 289–304.
203. Арон Р. Опій інтелектуалів: пер. з франц. – К. : Юніверс, 2006. – 272 с.
204. Батыгин Г. С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. – М. : Академический Проект, 2005. – С. 8–107.
205. Батыгин Г. С. Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России // Социальные науки в постсоветской России. – М. : Академический Проект, 2005. – С. 323–340.
206. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. – М. : Русские словари. Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – С. 69–265.

Литература

207. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов: пер. с фр. – М. : ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. – 310 с.
208. Бен-Дэвид Д. Роль ученого в обществе: пер. с англ. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 344 с.
209. Бен-Дэвид Дж, Коллинз Р. Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 79–103.
210. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний: пер. с нем. – 2-е изд. – М. : Логос, 2012. – 248 с.
211. Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. – 432 с.
212. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть: пер. с фр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
213. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования: пер. с англ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 224 с.
214. Болл Т. Куда идет политическая теория? // Политическая теория в XX веке: Сб. ст. – М. : Территория будущего, 2008. – С. 387–411.
215. Брайсон В. Политическая теория феминизма: пер. с англ. – М. : Идея-пресс, 2001. – 304 с.
216. Бурдье П. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. – М. : Институт экспериментальной социологии. – СПб. : Алетейя, 2005. – С. 518–538.
217. Бурдье П. Поле науки // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. – М. : Институт экспериментальной социологии. – СПб. : Алетейя, 2005. – С. 473–517.
218. Бурдье П., Вакан Л. О хитрости империалистского разума // (режим доступа: <http://www.censura.ru/articles/rusedimperialism.htm>)
219. В Раде стремительно растет число кандидатов и докторов наук // (режим доступа: <http://vesti.ua/politika/20394-v-rade-stremitelno-rastet-chislo-kandidatov-i-doktorov-nauk>)
220. Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 334 с.
221. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990. – С. 707–735.
222. Вебер М. Традиционное господство // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. – Вып. 2. – Харьков, 2004. – С. 161–175.
223. Веблен Т. Теория праздного класса: пер. с англ. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 368 с.
224. Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // НЛО. – 2013. – №122 (режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/15v.html>).
225. Вишленкова Е., Галиуллина Р., Ильина К. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 656 с.

226. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М. : «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. – 624 с.
227. Гапова Е. Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки // Ab Imperio. – 2011. – № 4. – С. 289–323.
228. Гарднер Г. Множинні інтелекту. Теорія у практиці. Хрестоматія: пер. з англ. – К. : Мегатайп, 2004. – 288 с.
229. Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта: пер. с англ. – М. : Вильямс, 2007. – 512 с.
230. Гвишiani Д., Микулинский С., Ярошевский М. Социальные и психологические аспекты изучения деятельности ученого. Вступительная статья // Пельц Д., Эндрюс Ф. Ученые в организациях. Об оптимальных условиях для исследований и разработок: пер. с англ. – М. : Прогресс, 1973. – С. 5–20.
231. Гельман В. Диссертации престижного потребления // (режим доступа: http://slon.ru/russia/dissertacii_prestizhnogo_potrebleniya-400936.xhtml)
232. Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых: пер. с англ. – М. : Прогресс, 1987. – 269 с.
233. Гинзбург К. Приметы. Уличная парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история: пер. с итал. – М. : Новое издательство, 2004. – С. 189–241.
234. Годман Х. От социальной теории к социологии знания и обратно: Карл Маннгейм и социология производства интеллектуального знания // Парадигмы социологии знания: Хрестоматия. – М. : Наука, 2007. – С. 236–255.
235. Горбатенко І. А. Політична наука і освіта в Україні: передумови виникнення, процес становлення, перспективи розвитку: автореф. дис. канд. політ. наук: 23.00.01 – К., 2007. – 21 с.
236. Грабович Г. Перед Европою: чи можлива реформа в науці та освіті? // Часопис “Критика”. Рік IX. Число 1–2 (87–88) // Режим доступа: <http://krytyka.com/ua/articles/pered-evropou-chy-mozhlyva-reforma-v-nautsi-ta-osviti>).
237. Градосельская Г. В. Сетевые коммуникации в профессиональном сообществе // Социальные науки в постсоветской России. – М. : Академический Проект, 2005. – С. 228–261.
238. Грэм П. А. Америка за школьной партой. Как средние школы отвечают меняющимся потребностям нации: пер. с англ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 288 с.
239. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: пер. с англ. – М. : Политиздат, 1991. – 480 с.
240. Гудин Р. И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления: пер. с англ. – М. : Вече, 1999. – С. 29–69.
241. Даймонд А. М. мл. Поведение университетов и ученых: экономические объяснения // Экономика университета: институты и организации: пер. с англ. – М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – С. 8–47.

Литература

242. Данливи П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы // Политическая наука: новые направления: пер. с англ. – М. : Вече, 1999. – С. 281–297.
243. Даудрих Н. И. Рецепция социального знания и типы цитирования в научной периодике // Социальные науки в постсоветской России. – М. : Академический Проект, 2005. – С. 302–322.
244. Дебре Р. Інтелектуальна влада у Франції: пер. з фр. – К. : ДУХ І ЛІТЕРА, 2008. – 308 с.
245. Делез Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века: Пер. с фр. – Томск: Водолей, 1998. – С. 225–241.
246. Депутат парламента в зарубежных государствах. – М.: Юридическая литература, 1995. – 112 с.
247. Дерлугян Г. Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. – М. : Территория будущего, 2010. – 560 с.
248. Дерлугян Г. Суверенная бюрократия: тезисы к изучению властивущих элит постсоветской Евразии // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. – Вып. 5. – Харьков, 2007. – С. 205–219.
249. Джанда К., Бери Д. М., Голдман Д., Хула К. В. Трудным путем демократии: Процесс государственного управления в США: пер. с англ. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 656 с.
250. Димаджио П., Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. – 2010. – № 1. – Т. 11. – С. 35–56.
251. Дмитриев Т. Классика и история политической философии: случай Лео Штрауса // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 155–180.
252. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 1: Биографии и история. – М. : ЦСПиМ, 2012. – 418 с.
253. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 2: Беседы с социологами четырех поколений. – М. : ЦСПиМ, 2012. – 1343 с.
254. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 3: Биографическое и автобиографическое. – М. : ЦСПиМ, 2012. – 400 с.
255. Журженко Т. Между кланом, семьей и нацией: постсоветская маскулинность/ феминность в цветных революциях // Ab Imperio. – 2007. – № 1. – С. 355–394.
256. Земцов И. Партия или мафия? Разворованная республика. – Paris: Les Éditeurs Réunis, 1976. – 124 с.
257. Знание: собственность и власть. Хрестоматия (в пер.). – М. : ПРОБЕЛ-2000, 2010. – 248 с.
258. Зоткин А. А. «Львы» и «лисы» украинской политики. – К. : Институт социологии НАН Украины, 2010. – 341 с.

259. Ильин В. Ученые степени чиновников и депутатов как «золотой парашют» // (в режиме доступа: <http://7x7-journal.ru/post/27315?r=komi>)
260. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб. : Питер, 2002. – 512 с. : ил.
261. Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология: Хрестоматия: пер. с англ. -- М.: Московский общественный научный фонд, 1997. – С. 9–31.
262. Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов: пер. с англ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 439 с.
263. Калимуллин Т. Р. Российский рынок диссертационных услуг. Препринт WP4/2006/02. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 52 с.
264. Капелюшников Р. Деконструируя «классика» (заметки на полях «Великой трансформации») // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 121–154.
265. Каради В. Стратегии повышения статуса социологии школой Эмиля Дюркгейма // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М. : Практис; Институт экспериментальной социологии, 2005. – С. 221–267.
266. Кармазіна М. Політична наука в Україні: дисертаційний аспект // Політичний менеджмент. – 2008. – № 3. – С. 17–28.
267. Кастельє М. Інформаційна епоха: економіка, общество и культура: пер. с англ. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
268. Кислицын С. А. Научная элита в системе политической власти. – Изд. 3-е, доп. – М. : Издательство ЛКИ, 2013. – 288 с.
269. Кларк Б. Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе: пер. с англ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 360 с.
270. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 536 с.
271. Козер Л. Нетипичная судьба социолога // Козер Л. Функции социального конфликта: пер. с англ – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 7–24.
272. Козлова Л. Г. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. – 2001. – № 2. – С. 145–159 (режим доступа: <http://www.nir.ru/sj/sj2-01koz.html>).
273. Козлова Л. А. Изменение структуры финансовых инвестиций и личных доходов в российских социальных и гуманитарных науках, 1990-е – начало 2000-х годов // Социальные науки в постсоветской России. – М. : Академический Проект, 2005. – С. 341–404.
274. Козловский Б. Липовые ученые. Китайский вариант // (режим доступа: <http://www.snob.ru/selected/entry/68786>)
275. Коллинз Р. Четыре социологических традиции: пер. с англ. – М.: Территория будущего, 2009. – 320 с.

Литература

276. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения: пер. с англ. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1284 с.
277. Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
278. Котова А. Время остеиняться: по числу кандидатов и докторов наук Украина является одной из самых учёных стран Европы // (режим доступа: <http://focus.ua/society/50473/>)
279. Коулер Р. Американская машина по производству диссертаций: конструкция на основе колледжей // Наука по-американски: Очерки истории: пер. с англ. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 46–94.
280. Крысенко А. Теория Пограничья в контексте символической географии Европы // Ойкумена. – 2006. – № 4. – С. 261–275.
281. Крыштновская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
282. Куделя С. Чи можлива в Україні політична наука? // Критика. – 2012. – № 1–2 (171–172). – С. 24–25.
283. Куш М. Социология философского знания // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 104–134.
284. Кюблер Х.–Д. Міфи про суспільство знань. Зміни у суспільстві: інформація, заходи масової інформації та знання: пер. з нім. – К. : Видавничий дім Дмитра Бурого, 2010. – 264 с.
285. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. – 2002. – № 5–6. – С. 211–242.
286. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию: пер. с англ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
287. Леклерк Ж. Соціологія інтелектуалів: пер. з франц. – Львів : Ахілл, 2009. – 160 с.
288. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна: пер. с фр. – М. : Ин-т экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
289. Литвинов В. Докторы липовых наук // (режим доступа: <http://archive.kontrakty.ua/gc/2012/51/8-modnaya-organika.html?lang=ua>)
290. Лукеренко К. «Пожарная» организация власти: семейные кланы как принцип политической организации // Ушаков С. (ред.). Семейные узы: Модели для сборки. Кн. 2. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 324–352.
291. Мазлумянова Н. Я. «Жизнь в науке»: концептуальная схема и описание биографических материалов российских социологов // Социальные науки в постсоветской России. – М. : Академический Проект, 2005. – С. 181–202.
292. Макклеланд Д. Мотивация человека : пер. с англ. – СПб. : Питер, 2007. – 672 с.
293. Малки М. Знание и полезность: импликации для социологии знания // Знание: собственность и власть. Хрестоматия. – М. : ПРОБЕЛ-2000, 2010. – С. 91–111.
294. Манхейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.
295. Манхейм К. Избранное: Социология культуры. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. – 501 с.

296. Масловский М. Теории исторической макросоциологии и социально-политические трансформации в России и СССР в первой половине XX века. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. – 123 с.
297. Масловский М. Харизма разума, изобретенная традиция и советская модель модерна // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 4 (90) (режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/5m.html>).
298. Мацієвський Ю. Чому в нас немає політичної науки // Критика. – 2012. – № 6 (176). – С. 10–12.
299. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. – М. : АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
300. Мид М. Иней на цветущей ежевике // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения: Пер. с англ. – М. : Наука, 1988. – С. 6–88.
301. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение: пер. с англ. – М. : NOTA BENE, 2001. – 264 с.
302. Мілєт К. Сексуальна політика: пер. з англ. – К. : Основи, 1998. – 619 с.
303. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 431 с.
304. Муляр В. І., Венгерська В. О., Сухачов С. Я. Аналіз навчальної літератури з політичної науки, виданої в Центральному і Західному регіонах України // Политическая наука в Украине: становление и перспективы. – Симферополь, 2002. – С. 97–143.
305. Муляр В. І., Венгерська В. О. Аналіз докторських і кандидатських дисертацій, захищених в Україні за напрямом «політичні науки» // Политическая наука в Украине: становление и перспективы. – Симферополь, 2002. – С. 53–71.
306. Мучински П. Психология, профессия, карьера. – СПб. : Питер, 2004. – 539 с.
307. Наука по-американски: Очерки истории: пер. с англ. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 624 с.
308. Николко М. В. Институционализация политической науки в Украине: анализ периодических изданий // Политическая наука в Украине: становление и перспективы. – Симферополь, 2002. – С. 40–52.
309. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей: пер. с англ. – М. : Новое издательство, 2004. – 336 с.
310. О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами: пер. с англ. – М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2010. – 490 с.
311. Олейник А. Н. Underperformance в теории и университетской практике // Социология науки и технологий. – 2011. – № 3, Т. 2. – С. 59–68.
312. Орлова Г. Семь “я” президента: призрак родства в российской политике 1990-х годов // Ушаков С. (ред.) Семейные узы: Модели для сборки. Кн. 2. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 297–323.
313. Осин В. «Слепое пятно» историописания: рост посредственных ученых в политической науке // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. – Харьков, 2010. – Вып. 7. – С. 20–42.

Литература

314. Осин В. Политика знания и/на Пограничье (ЦВЕ): автономность аксиологии, праксеологии и эпистемологии властного дискурса завоеванной стороны // Пекрекстки. Журнал исследований восточноевропейского Пограничья. – 2013. – № 1–2. – С.254–285.
315. Оукли Э. Гендер, методология и модусы человеческого знания: проблематика феминизма и парадигматические дискуссии в социальных науках // Введение в гендерные исследования: пер. с англ. – Харьков : ХГЦИ; СПб. : Алетейя, 2001. – Ч. II: Хрестоматия. – С. 336–364.
316. Пелс Д. Карл Маннгейм и социология научного знания: к новой программе исследования // Парадигмы социологии знания: Хрестоматия. – М. : Наука, 2007. – С. 256–281.
317. Пелс Д. Смешение метафор: политика или экономика знания? // Знание: собственность и власть. Хрестоматия. – М. : ПРОБЕЛ-2000, 2010. – С. 11–41.
318. Пинк Д. Драйв: Что на самом деле нас мотивирует: пер. с англ. – М. : АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2014. – 190 с.
319. Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 448 с.
320. Погорелов Ф., Соколов М. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: фрагментация петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии, 2005. Т. 8, № 2 (31). С. 76–92.
321. Политическая наука в Украине: становление и перспективы. – Симферополь, 2002. –344 с.
322. Политические партии и другие общественные и политические организации в Республике Молдова // (режим доступа: <http://www.e-democracy.md/parties/>)
323. Портнов А. Республика учёных по-немецки и по-украински // (режим доступа: <http://net.abliperio.net/node/2013>).
324. Раздина Е. В. Анализ учебной литературы по политической науке, используемой в вузах восточного региона Украины // Политическая наука в Украине: становление и перспективы. – Симферополь, 2002. – С. 72–96.
325. Райнбергер Х.-Й. Частицы в цитоплазме: пути и судьбы одного научного объекта // Наука и научность в исторической перспективе. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2007. – С. 284–316.
326. Ридингс Б. Университет в руинах: пер. с англ. – М. Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
327. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933: пер. с англ. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 648 с.
328. Рогозин Б. И., Гузенкова Т. С. Внутриполитическая ситуация в Республике Молдова в 1998–2004 гг. // Республика Молдова: современные тенденции развития. – М. : Российский институт стратегических исследований, 2004. – С. 183–270.
329. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 381, [3] с.
330. Ростовцев А. Стокгольмский синдром в масштабах государства // (режим доступа: http://www.dissernet.org/publications/ar_stokholm_sndr.htm)

331. Рябов С. Г. Політична наука в Україні ХХІ століття: стан та перспективи розвитку. – К. : Навчально-методичний центр «Консорціум із удосконалення менеджмент-освіти в Україні», 2005. – 103 с.
332. Савельева И., Полетаев А. Классическое наследие. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – 336 с.
333. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб. : Русский Миръ, 2006. – 638 с.
334. Сакс Дж. Цена цивилизации: пер. с англ. – М. : Издательство Института Гайдара, 2012. – 352 с.
335. Сапиро Ж. Интеллектуальные профессии между государством, предпринимательством и промышленностью // Символическая власть: социальные науки и политика: сб. статей – М. : Университетская книга, 2011. – С. 97–126.
336. Семенова Е. С. Министры Правительства Российской Федерации: рекрутование и карьеры (1990–2012) // Политический класс в современном обществе. – М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 165–173.
337. Символическая власть: социальные науки и политика: сб. статей – М. : Университетская книга, 2011. – 348 с.
338. Сінгер Б. Л., Дешамп Д. Статистичні дані про гей і лесбійок: Кишенська книга фактів і цифр: пер. з англ. — Львів: Кальварія, 2003. – 88 с.
339. Сколько стоит кандидатская диссертация? // (режим доступа: http://aspirantura.org.ua/page/skolko-stoit-kandidatskaya-dissertatsiya-_286.php).
340. Соколов М. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии // Антропологический форум. – 2008. – № 9. – С. 8–31.
341. Соколов М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // Laboratorium. – 2009. – № 1. – С. 20–57.
342. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 239–275.
343. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001. – 240 с.
344. Социальные науки в постсоветской России. – М. : Академический Проект, 2005. – 416 с.
345. Социология под вопросом. Социальные науки в постструктураллистской перспективе: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005. – 304 с.
346. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.
347. Теобальд Р. Патримониализм // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. – Вып. 2. – Харьков, 2004. – С. 141–152.
348. Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг. – К. : Інститут соціології НАН України, 2013. – 566 с.

Литература

349. Уолин Ш. Политическая теория как призвание // Политическая теория в XX веке: Сб. ст. – М. : Территория будущего, 2008. – С. 277–322.
350. Уотсон Дж. Двойная спираль. Воспоминания об открытии структуры ДНК: пер. с англ. – М. : Мир, 1969. – 152 с.
351. Ученые Казахстана публиковали статьи в псевдонаучных зарубежных журналах // (режим доступа: <http://news.mail.ru/inworld/kazakhstan/society/19208632/?frommail=1>)
352. Ушакин С. Наука: вещь в себе и вещь для себя // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 176–188.
353. Уэбстер Ф. Теории информационного общества: пер. с англ. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
354. Фейерабенд П. Утешение для специалиста // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки: пер. с англ. и нем. – М. : Прогресс, 1986. – С. 109–124.
355. Филатов А. С. Анализ учебной литературы по политической науке, используемой в ВУЗах Украины // Политическая наука в Украине: становление и перспективы. – Симферополь, 2002. – С. 144–186.
356. Филатов А. С. Проблемы институционального оформления политической науки в Украине // Политическая наука в Украине: становление и перспективы. – Симферополь, 2002. – С. 33–39.
357. Филиппов А. Ф. Политическая социология: проблема классики // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 181–209.
358. Филиппов А. Ф. Понятие и проблема социологической классики. Георг Зиммель как классик социологии // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 50–63.
359. Финкельштейн М. Дж. Заработка плата в системе высшего образования США: влияние типа вуза и дисциплинарной области // Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов: пер. с англ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 315–328.
360. Фисун А. А. Демократия, неопатриотализм и глобальные трансформации. – Харьков : Константа, 2006. – 352 с.
361. Фрей Б. Государственная поддержка и креативность в искусстве: новые соображения // Экономика современной культуры и творчества: Сб. ст. – М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006. – С. 399–412.
362. Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: пер. с фр. – Т. 1. – М. : Практис, 2002. – С. 278–302.
363. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: пер. с фр. – Т. 1. – М. : Практис, 2002. – С. 66–80.
364. Фуко М. Политика и этика: интервью // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: пер. с фр. – Т. 1. – М. : Практис, 2002. – С. 324–334.

365. Фуллер С. Знание как продукт и собственность // Знание: собственность и власть. Хрестоматия. – М. : ПРОБЕЛ-2000, 2010. – С. 42–69.
366. Фуллер С. Социальная эпистемология университета // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 417–448.
367. Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 264 с.
368. Хейзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: пер. с нидерл. – М. : Прогресс, 1992. – С. 5–241.
369. Цебелис Дж. В защиту теории рационального выбора // Современная сравнительная политология : хрестоматия : пер. с англ. – М. : Московский общественный научный фонд, 1997. – С. 52–83.
370. Чилкот Р. Х. Теории сравнительный политологии. В поисках парадигмы: пер. с англ. – М. : ИНФРА-М, Весь Мир, 2001. – 560 с.
371. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках: пер. с англ. – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. – 368 с.
372. Шаповаленко М. Украинская политология: трудности становления // Политическая наука. Политология в постсоветских государствах: Сб. науч. тр. – М. : ИИОН РАН, 2004. – С. 230–257.
373. Шефф Т. Академические банды // (режим доступа: <http://old.russ.ru/edu/99-04-02/scheff.htm>)
374. Ширки К. Включи мозг. Свободное время в эпоху Интернета: пер. с англ. – М. : Карьера Пресс, 2012. – 272 с.
375. Широканова А. Формы глобального академического неравенства в информационном обществе // Философия и социальные науки. – 2013. – № 1. – С. 61–68.
376. Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. Журнал по философии и pragmatique культуры. – 2002. – № 5–6 (35) – С. 65–78.
377. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.
378. Шульц Д., Шульц С. Психология и работа: пер. с англ. – СПб. : Питер, 2003. – 562 с.
379. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций: пер. с англ. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
380. Экман П. Психология эмоций: пер. с англ. – СПб. : Питер, 2012. – 240 с.
381. Элиас Н. Знание и власть // Знание: собственность и власть. Хрестоматия (в пер.). – М. : ПРОБЕЛ-2000, 2010. – С. 112–150.
382. Юркова О. Наукова атестація істориків в Україні: нормативна база та особливості захисту дисертацій (друга половина 1920-х – 1941 рр.) // Проблеми історії України: факти судження, пошуки : Міжвідомчий збірник наукових праць. – 2010. – № 7. Вип.19. Част. 2. – С. 126–141.
383. Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // О муже(N)ственности / Под ред. С. Ушакина. – М. : НЛО, 2002. – С. 245–267.
384. Я ще вишивати вмію // (режим доступа: http://vgolos.com.ua/articles/ya_shche_vyshyvaty_vmiyu_106245.html)

Научное издание

Осин Вадим, Зеленски Анжела, Шуляк Сергей

**ВЛАСТЬ И ЗНАНИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ, НАУЧНАЯ СТЕПЕНЬ,
ИДЕОЛОГИЯ И КАРЬЕРА В УКРАИНЕ И МОЛДОВЕ**

Ответственный за выпуск *Л.А. Малевич*

Корректор *Е.В. Савицкая, Н.Г. Масюк*

Технический редактор *О.Э. Малевич*

На обложке рисунок *М. Шаховского*

Издательство
Европейского гуманитарного университета
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 2.12.2014. Формат 60x90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,5.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Račių g. 24 LT-03156
Vilnius Lithuania